Леся Украинка

ЛЕСЯ УКРАИНКА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в четырех томах

перевод с украинского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1956

ЛЕСЯ УКРАИНКА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

том второй

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1956

Под редакцией
Н. БРАУНА, А. ДЕЙЧА,
М. РЫЛЬСКОГО

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ОДЕРЖИМАЯ

Драматическая поэма

I

Берег озера Гадаринского. Далеко на горизонте около берега смутно виднеются лодки; толпа народа тучей покрыла далекое побережье. Мириам, «одержимая духом», в глубокой печали блуждает меж камнями, потом поднимается на вершину скалы и смотрит не на берег, а вглубь пустыни: она видит кого-то вдали.

Мириам

Он там сидит все так же неподвижен,
Как эти камни, что вокруг чернеют.
Опять над ним, как вижу я отсюда,
Нависли думы тучею тяжелой,
Свет молнии из них вот-вот прорвется
И озарит всю землю. О, когда ж
Рассеет он томительную тучу?
Хотя б меня та молния убила,
Я жажду, жажду, чтоб она слетела
И прояснила лик его прекрасный.
Насытил он толпу, телам и душам
Всем дал покой, а сам в пустыне этой
Пасет стада бессонных размышлений.
Нет им преград, ему же нет покоя...
Какой он одинокий, боже правый!
Ужель ему нельзя ничем помочь?
Ужель всегда он будет одиноким?
«Придет Мессия судией на землю» —
Так сказано в пророчестве, и только.
И милосердие и правда — миру,
А для Мессии что? Ужели слава?

«Исчезнут войны, смерти и болезни,
Настанет мир и счастье для людей. . .»
А для Мессии? Снова «слава в вышних»?
И только слава? О какая ж мука
Мессией быть, который мир спасает!
Всем счастье дать, и быть всегда несчастным,
Несчастным, ибо вечно одиноким.
Кто мог бы дать Мессии избавленье
От одиночества, от страшной славы?

(Подавленная внезапной усталостью, садится под скалой и склоняется на камни.)

Зачем же я вослед за ним блуждаю?
Зачем? Сама не знаю. Верно, дух
Завел меня на верную погибель.
Ну что ж! Пускай! Уж лучше тут погибнуть,
Чем где-нибудь еще. Погибну здесь.
Я изострила зрение в пустыне,
Как соколиный взор, — я все следила,
Не бросит ли свой взгляд он на меня?
Не поглядел он и не обернулся. . .
Знать, слишком дерзкою была надежда!
На что же я надеялась? Не знаю!

(Раскачиваясь, как те, кто причитает над гробом, тихо поет печальную восточную песню, долго, без слов.)

Об этом можно петь, но лишь словами
Сказать нельзя.

(Снова поет.)

Какая шла толпа
Вослед за ним в пустынной Галилее!
И каждый мог притронуться к одежде,
К концу плаща Мессии, только я
Не прикоснулась, ибо ничего я
Просить не собиралась: ни здоровья,
Ни утоленья голода. Не знаю,
Зачем я шла с толпою. . .

(Снова поет.)

Никому
Не отказал он в ласке и совете.
Кто в чем нуждался — то он и давал.

(Поет.)

А в чем же я нуждаюсь? О Мессия,
Ты знаешь это?

Незаметно для Мириам Мессия приблизился к ней из-за скалы, придя из пустыни, и склонился над нею.

Мессия

Знаю, Мириам!

Мириам
(испугалась)

Учитель! Ты ли?

Мессия

Женщина, не бойся,
Я дам тебе покой.

Мириам

О, не хочу,
Не нужно мне покоя!

Мессия
(ласково и вместе строго)

Мириам,
То дух тебя смущает. Как не хочешь?
Покоя хочет всякий.

Мириам

Разве ты
Не отвратился от того покоя,
Которым наслаждался в Назарете?

Мессия

Но ты равняться хочешь...

Мириам
(порывисто)

Нет, Мессия,
Равнять себя не смею я с тобой.
Я слабое, несчастное созданье.

Мессия

Зачем же ты чуждаешься покоя?
Он — утешение для всех несчастных.

Мириам
(с внезапной смелостью)

Ты сам лишен покоя, сыне божий!

Мессия

Но до меня тебе какое дело?

Мириам уничтожена, обескуражена, закрывает лицо покрывалом и поворачивается, чтобы идти прочь.

Мессия

Стой, Мириам! Скажи, в меня ты веришь?

Мириам
(не открывая лица)

Я верю, что ты — божий сын, Мессия,
Ты всем, но лишь не мне, несешь спасенье.

Мессия

Лишь не тебе?

Мириам

Ты сам сказал, учитель.

Мессия

Я это не сказал.

Мириам

Но я-то знаю.
Прости, учитель, я должна идти.
(Хочет уйти.)

Мессия

Куда идешь?

Мириам

Не знаю. Так, в безвестность.

Мессия

Зачем?

Мириам

Затем, что нужно.

Мессия

Но зачем же?

Мириам

Ты знаешь. Ты — Мессия. Я не знаю.

Мессия

Останься здесь.

Мириам молча останавливается.

Мессия

Скажи мне, ты слыхала,
Что говорил я людям?

Мириам

Да, Мессия.

Мессия

Ты приняла мои слова?

Мириам

Вовеки
Я не забуду их.

Мессия

И вслед пойдешь им?

Мириам

Они всегда пойдут вослед за мною,
Взывая: «Ты идешь путем неправым!»
И, как на уголь жаркий, наступать
Я буду на слова твои святые,
Следы мои от них нальются кровью.

Мессия

Упряма речь твоя, ты, как рабыня,
Которая не внемлет господину,
Хотя его отлично знает волю.
Таких рабов суровый ждет удел.

Мириам
(падая на колени)

О, горе мне! Коль я достойна кары,
Ее теперь с меня никто не снимет.

Мессия

В тебе немного веры. Если б ты
Хоть зернышко имела...

Мириам

О, я верю,
В тебя безмерно верю, сыне божий,
Но я в себя не верю! Я не верю,
Что в силах я принять твое ученье.

Мессия

Твое смиренье хуже, чем гордыня.

Мириам

О, во сто раз, я это слишком знаю,
И в том мой ужас.

Мессия

Ты не возводи
Напраслины на собственную душу, —
Такою черной быть она не может.

Мириам

О нет, учитель, нет, она чернее,
Чем обгорелый дом пустопорожний,
Чернеющий в развалинах, и влага
Твоих речей живительно-целебных
Души моей не в силах исцелить!
Ведь влага — средство от огня живого,
Сгоревший дом никто не поливает.

Мессия

Но что тебе всю душу опалило?

Мириам

Не знаю, ненависть или любовь.

Мессия

К кому же ненависть?

Мириам

К врагам, учитель.

Мессия

Своим?

Мириам

Твоим.

Мессия

Я их любить учу вас.

Мириам

А я люблю... не их.

Мессия

Для нас с тобою
Они, однако, ближние.

Мириам

Но я
Бегу от них, как будто от ехидны.

Мессия

Они не знают, что творят.

Мириам

Ехидна
Не знает также, но ее растопчет
Любой из нас.

Мессия

Но, если бы ехидна
Не испускала собственного яда,
Она была б не хуже, чем голубка.

Мириам

Она расстаться с ядом не захочет.

Мессия

О царстве божьем на земле ты знаешь?

Мириам

Но я его теперь нигде не вижу.

Мессия

Ты мало веришь: смотришь и не видишь.

Мириам

О да, не вижу! Свет твоей души
Меня слепит. Чем ты для нас яснее,
Тем та ехидна мерзостней голубки.
Я мало верю? Нет, я слишком верю,
И эта вера жизнь мою погубит.
Я верю, что ты — свет наш, и такого
Наш темный люд доселе не приемлет?
Я верю, что ты — слово, и такого
Глухорожденный этот мир не слышит?
Иной, быть может, нужен им Мессия?
Быть может, сына божьего им мало?

Мессия

Пока еще слепые не прозрели,
Им слова недостаточно для веры, —
Нужны дела.

Мириам

Ты сотворил им чудо.

Мессия

Да, чудо сотворил я над водою,
Воды здесь мало, нужно крови.

Мириам
(с ужасом)

Крови?
Чьей нужно крови, господи?

Мессия

Моей.

Мириам

Пусть им она на голову прольется!

Мессия

Не проклинай, проклятия вернутся
К тому, кто произносит их.

Мириам

Пускай!
Я знаю все, я проклята навеки
За то, что я злодеев ненавижу.
О, каждая усмешка фарисея
Мне ненавистней скорпиона злого,
И даже яд не столь мне ненавистен,
Сколь это злое выгнутое тело.
Я вся дрожу, когда его увижу,
В моих глазах тогда сверкают копья,
В моих словах оружие бряцает,
И так полна я ненависти лютой,
Как будто сторож я у царской двери,
Который рад пронзить мечом любого,
Кто замышляет зло на властелина.

Мессия

Ты и меня так люто ненавидишь?

Мириам
(с упреком)

Учитель!

Мессия

Ты, быть может, скажешь — любишь?

Мириам

Ты так сказал.

Мессия

Я так сказал: кто молвит,
Что любит бога, брата ж ненавидит, —
Лукавит тот.

Мириам

И, значит, тот не любит,
Кто душу отдает?

Мессия

Что значит — душу
Свою отдать?

Мириам

То значит: быть готовым
Проститься с жизнью собственной во имя
Своей любви.

Мессия

Но это б называлось —
Проститься с телом. Где же тут душа?

Мириам

А кто отца покинет, мать и братьев,
Семью, любовь — все то, чем жил доселе,
Для ближнего, — ужель и тот не любит?

Мессия

Кто от всего отрекся в этом мире,
Лишь от себя не в силах был отречься, —
Не любит тот.

Мириам

О господи, какой
Ты жертвы хочешь?

Мессия

Жертвы не хочу я —
Одной любви.

Мириам

И всех любить должна я?

Мессия

Да, всех.

Мириам

Итак, любить всех ближних, кроме
Тебя, учитель, — это невозможно.
Тебя ж и *всех* — людских не хватит сил.
За что должна любить я их, учитель?

Мессия

Лишь маловерным нужно знать «за что.»

Мириам

Как маловерные любить умеют!
Какое пламя эта их любовь!

Мессия

А та любовь, что от тебя хочу я,
Должна, как солнце, всем давать сиянье.

Мириам

О, что мне делать? Нет такого солнца
В душе моей. Ночь, ночь, слепая ночь.

Мессия

И для тебя еще зажжется солнце.

Мириам
(с внезапной надеждой)

Учитель, если б только ты позволил
Пролить мне кровь!

Мессия

За что же? За людей?

Мириам

Нет, не за них.

Мессия

Тогда зачем напрасно
Идти на смерть?

Мириам

Быть может, не напрасно,
Быть может, кровью искупить могу я...

Мессия

Кровь без любви не может искупить.

Мириам

Быть может, кровь свою пролить могу я,
Чтоб не лилась твоя святая кровь!

Мессия

Ты хочешь искупить меня?

Мириам молча кивает головой

Напрасно!

Мириам

Пускай напрасно, но позволь погибнуть
Не за тебя, так лишь с тобою вместе!

Мессия

Ваалу жертвы праздные приносят,
Но я не принимаю их.

Мириам

Мессия!

Мессия

Нет, для тебя, несчастная, отныне
Я не мессия. Ты меня не знаешь.
(Уходит.)

Мириам остается в пустыне одна.

II

Гефсиманский сад. Двенадцать учеников спят непробудным сном. Мессия молится. Мириам тихо крадется вдоль садовой стены и останавливается в глубокой тени, откуда ей виден Мессия, весь залитый лунным сиянием.

Мессия
(к ученикам)

Вы спите? Полно спать! Моя душа
Скорбит смертельно...

Ученики не отвечают, спят.

Мириам
(про себя)

Боже, снова он
Томится одинокий! Эти люди
Тверды, как камни... Вон вдали лежит
Тот ученик, которого учитель
Всех больше возлюбил, а он всех крепче,
Наверно, спит: он самый молодой.
Лишь я одна не сплю, страдая рядом,
Но, как стена, нема я; неприметна,
Как эта тень; как будто я отныне
Не человек и нет во мне души.
Я подойду к нему...
(Несколько выходит из тени, но снова прячется.)
Нет, я не смею...
Он снова скажет, как тогда сказал:
«Но до меня тебе какое дело?»
Что я ему скажу? Моя душа
Теперь еще чернее. Я не только
Его врагов отныне ненавижу,
Но и друзей. О, этих еще больше!
Вы, лежебоки! Свет в глухую полночь
Не будит вас? Кровавый луч пожара
Ленивых глаз ужель не достигает?
Пусть вечный сон слетит на ваши очи,
И душит вас, и давит без конца!

Мне во сто раз, чем вы, милее гады, —
Наверно, в них теплее кровь течет.
(С отвращением отворачивается от спящих. Смотрит на Мессию, прислушивается.)
О чем так долго молится?

Мессия
(вполголоса)

Да минет
Меня, отец мой, эта чаша...

Мириам

Боже,
Ужели до небесного престола
Не долетит столь жаркая молитва?
Ужель волкам отдать ты сына хочешь?

Мессия

Но все ж пускай твоя свершится воля,
А не моя.

Мириам

Сам Вельзевул, наверно,
Почувствовал бы жалость.

Мессия
(ученикам)

Спите вы?
Довольно спать! Моя душа скорбит
Смертельно.

Мириам

Даже камни из пустыни
Ему тройным ответствовали эхом,
Но эти — нет, напрасная надежда!
Я отзовусь... Какой злой дух стесняет
Мои слова? Учитель! Сыне божий!
О свет души моей! Ужели ты
Не видишь, как я гибну здесь от скорби,
От боли, от тревоги? И ничем,
Ничем тебя утешить не могу я!

...Я отзовусь... Нет, голоса не хватит,
А если хватит, дико зазвенит он
В ночи, подобно голосу шакала,
Затем, что в сердце мука. Не могу я,
Не в силах видеть этого! Прощай!..
О Мириам, ты проклята от бога!

(Не замеченная Мессией, быстро выбегает из сада.)

III

На Голгофе. Ночь. Три креста с распятыми, уже мертвыми. Вдалеке стража, других людей нет, только одна Мириам под крестом Мессии.

Мириам

Он им простил. Он им за все простил.
Все это слышали. Теперь навеки
Его слова им будут утешеньем.
Лишь я одна осталась непрощенной:
Я не могу простить им за него.
Я за него все в мире ненавижу —
Врагов, друзей, толпу, народ безумный,
Который здесь кричал в ожесточенье:
«Распни его, распни!», и тот закон
Людской, который допустил невинно
Убить его, и тот закон небесный,
Что за грехи безумных поколений
Потребовал страданий, крови, смерти
Того, кто всех любил и всем прощал.
Он умер, преданный землей и небом,
Несчастный, одинокий. А теперь
Сижу я здесь, одна на целом свете,
Напрасно слезы лью и проклинаю
Все то, что он любил, и с каждым словом
Теряю на спасение надежду.
И вечно, вечно буду одинокой
На том и этом свете. Никогда
Печаль моя не кончится, и сердце
Объято будет беспредельной мукой.
Придут наутро верные друзья,
Стрекшиеся от него трикраты,

Придет семья, которая досель
Пророка в нем не видела, и снимут
Его с креста — ведь он уж не живой
И больше мучиться за них не может, —
Ленивыми слезами окропят
И спеленают тело, и смиренно
Под наблюденьем стражи унесут,
В пещере погребут и разойдутся.
Потом, быть может, соберутся вместе,
Чтоб вспомнить равнодушными словами
О том, кого не берегли при жизни!
О как бы я теперь хотела бросить
Всем им в лицо слова тоски и яда,
Горячие, как угли! Пусть бы выжгли
Бесстыдные их очи, что посмели
Здесь видеть беспредельные страданья
Того, чьего мизинца все не стоят!
Я знаю, если бы явилась я
С лицом, от ненависти искаженным,
Они пришли бы в ужас и спросили:
«До нас до всех тебе какое дело?»
А я на то... Что б я на то сказала?
Смолчала б я: для ненависти лютой
Нет голоса, нет места на поминках
Того, кто всех любил и всем прощал...
О горе! В час, когда они сойдутся
Почтить того, кого я так любила,
Чужда я буду всем и одинока,
Никем не признана — ведь сам Мессия
Не признавал меня... О сыне божий!
Пусть в жизни у меня все, все неправда,
Но верь мне, верь, что я тебя любила.
Не отреклась я, скажешь, от себя?
Я отреклась! Я собственную душу,
Которую не захотел Мессия
Принять как жертву, — прокляла навеки.
Не то ли горе самое большое,
Когда нельзя отдать за друга душу?

Тьма постепенно окутывает гору, крест и женщину, стоящую подле креста.

IV

Площадь в Иерусалиме. Боязливо оглядываясь, пробегают люди; иногда они сходятся небольшими группами, украдкой перекидываются несколькими словами и расходятся снова. Мириам медленно идет по площади. Навстречу ей Иоанна, одна из последовательниц Мессии.

Иоанна
(к Мириам)

Да снизойдут и мир к тебе и радость,
Сестра моя.

Мириам

Ни с радостью, ни с миром
Я не знакома так же, как с тобой.

Иоанна

Прости, что обращаюсь к незнакомой, —
У нас такие радостные вести.

Мириам

Что мне до них?

Иоанна

Они — любому радость:
Мессия наш воскрес!

Мириам

Воскрес? Мессия?!

Иоанна

О тише, бога ради, — лишь услышат —
И донесут тотчас синедриону.

Мириам

Боитесь вы, что ныне за Мессию
И вам придется кровь пролить в мученьях,
Как пролил он за вас?

Иоанна

Настанет время —
Прольем и мы.

Мириам

Ты чем, скажи, торгуешь?

Иоанна

Сказала б я, что твой вопрос некстати.

Мириам

А ты не знаешь, где теперь Мессия?
На небе, верно?

Иоанна

Нет, он на земле,
В народе ходит.

Мириам

Значит, есть надежда,
Что он за вас вторично кровь прольет,
Когда наступит время!
(Горько смеется.)
Я не верю,
Что он воскрес: не сто́ите вы чуда.

Иоанна

Он не глядит, кто сто́ит, кто не сто́ит.

Мириам

Да, правда, он не видел никогда,
Что здесь из вас *никто* его не сто́ит.
Но что воскрес он, все же я не верю.

Иоанна

Но он же сам нам это предсказал!

Мириам

Воскреснуть ради этого народа?
На это не хватило б и Мессии!

Иоанна

Должно быть, я ошиблась, потому что
Ты не из нас, приверженцев его.

Мириам

Приверженцев и без меня довольно.

Иоанна со страхом скрывается в толпе.

Мириам
(ей вослед)

Не бойся, не скажу синедриону,
Он не милее для меня, чем ты,
Но ненавистен столь же.

Мимо проходит старый галилеянин.
Мириам оборачивается к нему.

Что, отец,
Иль это правда, что воскрес Мессия?

Старик

Такая ж правда, как и то, что он
За всех нас пролил кровь свою святую.

Мириам

Нет, не за всех он пролил! Значит, ложь!

Старик

Как не за всех?

Мириам

Он за меня ни капли
Не проливал.

Старик

А, ты в него не веришь!
(Хочет скрыться в толпе.)

Мириам

Я верую в него!

Старик останавливается.

И даже больше,
Чем ты, чем все.

Старик

Так приходи сегодня
К нам на собранье.

Мириам

Чтобы я пришла
Скрываться в подземельях вместе с вами?
Мне нечего на вашей сходке делать,
Пока пятна на лбу моем не видно.

Старик

А у кого пятно?

Мириам

У всех у вас!
Вы допустили, чтобы наш Мессия
Кровавый выкуп дал за ваши души,
И было вам принять его не больно!
Вы отплатили, правда, — кто слезою,
А кто к врагам усердною любовью...

Старик

Он сам велел врагов своих любить.

Мириам

А вы и рады! Так оно спокойней!
Душа спаслась, и тело не погибло!

Старик
(со страхом)

Откройся, женщина, ты кто такая?

Мириам

Я духом одержимая.

Старик

Мессию
Моли, несчастная, чтоб он избавил
Тебя от духа злобного ценою
Своей пречистой и невинной крови.

Мириам

Чтоб исцелил меня ценою крови?
Своей пречистой крови? Значит, старец,

Ты думаешь, что я себя ценю
Дороже крови нашего Мессии?
Так слушай же: пусть в огненной геенне,
Пусть в беспредельном сумраке придется
Мне пребывать с душой своей вовеки, —
Не омрачит мою святую радость
Сам князь греха; я вечно буду рада,
Что на меня не пала кровь Мессии,
Что за меня не проливал он крови
Ни капли.

Старик

Как, скажи, случилось это?

Мириам

Я ненавистью от греха спаслась.

Старик

Кого ж ты ненавидишь?

Мириам

Всех на свете —
Себя и вас.

Старик

А кровь его святая
И за тебя лилась, да зря, как видно:
Ты дар его сама не приняла.

Мириам

И не приму! Ведь я не Астарот,
Чтоб кровь и муки принимать в подарок!

Незаметно подходит слуга синедриона и с ним римский преторианец.

Слуга

О чем толкуете?

Старик
(замялся)

Да видишь...

Мириам

О Мессии!

Старик

И не о том мы вовсе говорили.

Преторианец

А кто он, девушка, Мессия этот?

Пока преторианец и слуга слушают Мириам, старый галилеянин прячется в толпе народа.

Мириам

А тот, кого недавно вы распяли.
Вы знаете, он царь был иудейский.
Теперь он вновь пойдет по Галилее,
Ведь он воскрес, воскрес в великой славе!
Ну, берегись теперь и царь, и цезарь,
И весь синедрион их нечестивый!

Преторианец
(хватает ее за руку и кивает слуге)

Давай веревку! Чтобы не брыкалась,
Стреножим козочку.

Мириам

Меня? Веревкой?
(Ловко нагибается, хватает камень и бьет слугу по голове.)
Хоть одного, но все же заклеймила!

Ее снова хватают за руки и связывают.
Слуга, вытирая кровь, помогает связать Мириам.

Всю вашу кровь пролить бы я хотела,
Чтоб отомстить за жертву.

Преторианец

Что за жертва,
Коль вы толкуете, что он воскрес?

Мириам

Так что ж? Ужель минувшее забыто?
Он пережил три вечности в три ночи,

Три принял смерти. Разве он, воскреснув,
Забыл навек измену, муку, смерть?
Простить он может, но забыть не может!
О, будьте прокляты!

Слуга

Кто?

Мириам

Все вы! Цезарь,
синедрион, и царь, и весь народ!

Между тем сторонники Мессии разошлись с площади, и на шум сбежалась толпа иудеев, фарисеев и саддукеев.

Слуга

(кричит народу)

Эй, слушайте, она нас проклинает!

Голос из толпы

Кто эта женщина? и что ей нужно?
За что ее связали? Бунт? Измена?

Мириам

Я проклинаю вас проклятьем крови!

Слуга

Чем платят проклинающим?

Голоса из толпы

Камнями!

Люди собирают камни и с диким ревом набрасываются на Мириам.

Мириам

Мессия! Если за меня ты пролил...
Хоть каплю крови даром... я теперь
Все за тебя отдам... и жизнь... и кровь...
И душу... безвозмездно!.. Не за счастье
На небесах... нет... за мою любовь!
(Падает под градом камней.)

18 января 1901 г.

ВАВИЛОНСКИЙ ПЛЕН

Обширная равнина. Алый закат окрашивает в кровавый цвет широкие воды Тигра и Евфрата, сливающиеся вместе. По всей равнине разбросаны шатры пленников. Голые дети ищут на отмелях съедобные ракушки и сухие водоросли на топливо. Оборванные измученные старухи — каждая у своего костра — приготовляют ужин для мужей, пришедших из города с тяжелой работы домой и сидящих молча под ивами над водой. Немного поодаль, возле тех же деревьев, стоят двумя группами левиты и пророки. Над пророками на ивах повешены арфы, которые, качаясь, порой звенят от порывов вечернего ветра. Вдалеке видны стены и башни Вавилона. Время от времени доносится шум города.

Женщина
(у костра)

Иди-ка, муженек, готов твой ужин!

Муж, еще молодой, отделяется от толпы и молча садится ужинать.

Что ж хлеба ты не ешь?

Муж молчит.

Должно быть, горек?
А у меня нет ничего другого.

Муж
(еле выговаривая слова, совсем по-стариковски)

Есть не могу...

Женщина

Бедняга! Без зубов ты!
Где ж это?

Муж
(показывая на Вавилон)

Там...

Женщина

Ой, горе, горе, горе...

Около другого костра.

Старик
(подходит к старухе, сидящей у потухшего костра недвижно, опустив голову)

Дай ужинать!

Женщина молчит, не двигаясь с места.

Ты разве не варила?

Женщина молчит.

И волосы посыпала ты пеплом?
Где наша Малка?

Старуха
(показывает на Вавилон, склоняется, посыпает голову пеплом)

Там!

Старик

О Адонай!

(Раздирает на себе одежду и падает наземь.)

Около третьего костра, где сидят люди по большей части преклонного возраста.

Женщина средних лет
(несмело приближается к ним. За ее одежду цепляются оборванные дети)

Простите, если вас я беспокою.
Вы моего не повстречали мужа?

Один из стариков

А как зовут его?

Женщина

Эбенезер Оссия.

Другой старик

Так звался он, пока ты не была
Вдовою.

Женщина

Как? Вдовой?

Третий старик

Не убивайся!
Покойников не мучают враги.

Женщина

Ой, что же мне теперь, несчастной, делать?
С детьми, с малютками!
(Плачет.)

Дети

Ой, мама, мама!

Сумасшедшая
(блуждая между кострами)

Счастливо лоно то, что не родило,
Счастливы груди те, что не кормили...
Нет, Вавилон, ты радуешься рано,
Нет, не ликуй, о мать сынов змеиных!

Девушка
(шепчет подруге, указывая на сумасшедшую)

Сошла с ума, когда в Ерусалиме
Ее дитя убили...

Подруга

Ой, как страшно!

Девушка

Я собственными видела глазами,
Как мальчика схватил за ножку воин
И об землю...

Подруга

Молчи! Не говори!

Группа левитов
(под ивами)

За грех отцов взял бог у нас святыню,
За прадедов бесчестных отнял храм...
Нам, детям расточителей, велел он
Безвинно долг отцовский искупать.

Группа пророков

Ерусалим нас побивал камнями,
За то его господь карает пленом!
Сиона дочь над нами вознеслась,
Теперь ее Ваала сын смирил.

Один из левитов
(второму)

Что не был ты сегодня на молитве?

Второй левит

Меня послал начальник рассчитаться,
Вести расплату с мастерами Гарма
За их работу во дворце владыки.

Первый левит

А ты не мог найти среди неверных,
Кто б заменил тебя?

Второй левит

Что делать, брат мой!
Начальник говорит, что иудеи
Способней всех в искусстве счета.

Первый левит

Правда!

Второй левит
(тихо)

За помощь мне пожаловал начальник
Вот этот перстень.

Первый левит
(громко)

Господу хвала,
Что мудростью отметил свой народ
И возвеличил средь народов мира!
(Тихо.)
Другого им помощника не надо?

Шепчутся между собой.

Пророк из Самарии

Так говорил господь: на Гаризиме[1]
Воздвиг себе я горнее жилище
И на вершине свой алтарь поставил.
Вы отреклись и не узнали дома
Моей великой славы, как безумный
И пьяный сын, про дом забывший отчий;
За то во тьме он бродит без приюта
Посмешищем для вражеских детей.

Пророк из Иудеи

Так говорил господь: в Ерусалиме
Поставил я святыню средь народа,
Чтобы, как пчелы в улей к общей матке
Слетаются, так вы бы все сбирались
Ко мне, в мой храм, для всех единый. Вы же,
Как дикий рой, по свету разлетелись.
За то я злобных ос на вас наслал!

Пророк из Самарии

Иудин лев ограбил все загоны
Израиля и разогнал овец.

Пророк из Иудеи

Пасти овец саулову потомству
Пристало больше, чем пасти народы!

---

[1] Гаризим — гора в Самарии. Борьба царства Израильского с царством Иудейским происходила в распрях за то, где быть религиозному центру для всего еврейского народа, на Гаризиме или в Иерусалиме. Иудеи считали самарян еретиками. *(Прим. Леси Украинки.)*

Пророк из Самарии

Господь Израиля тебя накажет
Моей рукою!

(Замахивается посохом на иудейского пророка.)

Пророк из Иудеи

Господи, дай силы
Рабу Давиду...

(Поднимает камень, собираясь бросить его в пророка из Самарии.)

Елеазар

(молодой пророк-певец, только что пришедший из Вавилона, бросается между двумя ссорящимися пророками)

Эй, остановитесь!
Не покрывайте поношеньем имя
Израиля, Иуды...

Пророк из Самарии

(Елеазару)

А, ты здесь,
Пророк позора! Чем же ты прославил
Израиля, Иуду?

Пророк из Иудеи

(Елеазару)

Червь презренный,
Зачем приполз ты из своей норы?
Там бог твой и народ.

(Показывает на Вавилон.)

Иди их славить!

Первый левит

(проходя, плюет на Елеазара)

Пусть выплюнет господь тебя из уст,
Пусть, как слюна, твое погибнет имя!

Понемногу начинают собираться люди, заметившие ссору.

Второй левит
(срывает с ветвей висящую на них арфу)

Я разобью, проклятую, о камень!

Елеазар
(останавливая его руку)

Не трогай арфы. Ведь не виновата
Она в моих грехах! Меня кляни,
Коль думаешь, что я достоин кары.
Но называть проклятою не смей
Святую арфу...

Третий левит

Чем она святая?

Елеазар

А тем, что ни одна ее струна
Вовек неправдой не звенела.

Юноша

Вот как?
Ты потому ее здесь и повесил?

Елеазар
(юноше, печально)

А для чего о том меня спросил ты?

Юноша

Не притворяйся, что не понимаешь.

Старик

Елеазар, ведь юноша тебе
Сказал, как и твоя сказала б совесть.
Но, как мы видим все, она немая.

Мужчина

Что пользы обращать к глухому речь!

Ребенок
(Елеазару, протягивая руки к арфе)

Дай, дядя, поиграть...

Мать
(хватает ребенка)

Я говорила,
Чтоб ты к нему не смел и приближаться.

Ребенок плачет, мать уносит его.

Старая женщина
(девушке, стоящей рядом)

Уж, видно, позабыл и стыд Израиль,
Что девушка стоит без покрывала
И смотрит на изменника...

Девушка

Да я...

Старая женщина

Смотри, бедняжка, страшное несчастье,
Коль богом проклятый отнимет сердце.

Девушка

Того, кто проклят, и сама кляну я.
(Отступает, закрывшись покрывалом.)

Елеазар
(ко всем)

Отцы и братья, матери и сестры!
С какой поры у нас такой обычай,
Что без суда выносят осужденье!
Скажите мне яснее, почему
Я среди вас как будто прокаженный?

Старик

Проказы ты набрался в Вавилоне,
За деньги там на площадях играя
Сынам Ваала.

Елеазар

Сами заразились
Вы все там на работе, в Вавилоне.

Мужчина

Мы никогда Молоху не служили.

Елеазар

Кому ж, скажите, ваши руки служат?
Храм не они ли возвели Молоху
Такой, какого и в Ерусалиме
За все века господь наш не имел?

Первый пророк

Неволею не укоряют пленных.

Елеазар

А я не пленник? Что же вы меня
Корите все за труд мой подневольный?

Второй пророк

Топор, отвес, лопата, плуг — все это
В руках людских — рабы людей. А слово
В устах пророка может только богу
Служить и больше никому!

Старик

Суда
Ты и теперь просить у нас посмеешь?

Елеазар

Да, я прошу, хотя бы и камнями
Окончился тот суд. Есть бог у нас!
Вы вынесете правое решенье, —
Неправда же самих вас поразит!

Старик

Послушаем его! Никто не скажет,
Что мы забыли правду на руинах
Ерусалима. Так, скажи, зачем
Свое свободное ты продал слово?

Елеазар

Ведь рук моих никто не покупал.
Меня отец не приучил к работе,

Мать воспитала сына слабосильным.
Пусть рук моих послушается арфа,
Когда топор и плуг им не послушны!
Под ношею однажды я упал, —
Смотритель прочь погнал меня с работы.

Старик

Пускай тебя родители и кормят,
Коль хлеба добывать не научили!

Елеазар

В Ерусалиме честно добывал я
Свой хлеб, как мать с отцом меня учили.
А здесь... сто раз мне горше хлеб, который
Домой отец из города приносит.
Отцу работать не легко в неволе.

Первый левит

Отец твой перстни золотые носит,
Не то, что хлеб...

Елеазар
(ко всем)

Скажите вы левитам,
Что золото и жжет, не только блещет!

Первый левит
(ехидно)

Выходит так, что труд отцовский жжет!

Елеазар

Меня тут судят или же отца?
Тогда давайте всех отцов на суд!
Всех, кто души для ближних не жалеет.

Первый левит

Что ж не пришел ты к своему народу,
Чтоб он тебя тем хлебом напитал,
Какой едят левиты и калеки?

Елеазар

Но я ведь не левит и не калека!

Мальчик
(своему отцу)

Отец, дай хлеба!

Отец

Нет его, сыночек...

Мужчина

Смотри, какой! Услышал, что беседа
Зашла о хлебе, так — «Давай мне хлеба!»

Елеазар

И правильно сказал он! Много лучше,
Чем сам я мог бы за себя сказать.
Все слышали вы этот разговор:
«Отец, дай хлеба!» — «Нет его, сыночек!»
Пока мы слышим здесь такие речи,
Елеазар делить не будет хлеба
С левитами, с калеками. Пускай
Тот, кто имеет хлеб, отдаст ребенку.
А я приму от пленников и камни.
Кто рыбу ест, детей пусть кормит ею,
А мне пускай отдаст он ту гадюку,
Печаль невольничью, что выпивает
Всю кровь из сердца — я ее возьму
И понесу по площадям с собою,
И жало даст она моим словам,
И свист ее услышат в Вавилоне!

Юноша

Ну, ты немного за такие песни
Получишь в Вавилоне. Верно, меньше
Чем за свои сионские напевы.

Елеазар

Ты неразумно, юноша, сказал,
Не пел я им своих сионских песен!

Ты прав лишь в том, что арфу я повесил
На ветку потому, что не пристало
Ей вторить песням тем, что не от сердца.
Никто не станет песен петь сионских
Без арфы. И любви прекрасных песен
Ни разу не певал я пред врагами.
Сиона песнь прекраснее всех песен,
Она как девушка в Ерусалиме
Или супруга пред святыней храма.
А тут она наложницей бы стала, —
Кто захотел бы в жены взять рабыню!

Стон слышен в толпе при этих словах. Елеазар замолк и поник головой.

Мужчина

Зачем же ты не пел им песнь полона,
Зачем не вылил горьких слез неволи?
Холодной каплей камень пробивает,
Горячею слезой пробьет и сердце,
Хотя б и злое.

Елеазар

В грудь господь вложил
Мне гордость. Слез еще не проливал я
Пред чужеземцем.

Мужчина

Гордость не к лицу
Невольникам.

Первый пророк

Взяла гордыня верх
В тебе над горестью и над любовью.

Елеазар

Не меряй же безмерного бескрайним —
Что выйдет из того, ты сам не знаешь.

Юноша

Будь для рабов, Елеазар, пророком!
Зачем на вавилонских площадях

Любви твоей, и гордости, и скорби
Молчать? Иль мало там для них простора?

Елеазар

А ты считаешь — много? Неразумный!
Я площади измерил в Вавилоне
И знаю их простор. Недавно шел
По площади я той, где наши люди
Сейчас Молоху воздвигают башню.
Стоял я и не мог налюбоваться:
Белеет мрамор, словно кости в поле,
Порфир алеет, словно это кровь,
А золото горит пожара ярче.
Стоит еще неконченною башня,
И слышен победителей мне оклик
И слышны стоны нашего народа.
Себя уже не помня, на всю площадь
Я громко закричал: «Ерусалим!»
Мне пленники ответили рыданьем
И смехом отозвались часовые:
«Да разве есть у этой башни имя?
Пустое зданье как-нибудь зовется?» —
Я прочь пошел на торг, где продают
В неволю пленных. Там купец богатый
Себе красивых пленниц выбирал.

Женский голос

Ой, горе, горе, горе!

Елеазар

Я сказал:
«Подумай, господин, рабыни эти
Имеют братьев и отцов. Когда бы
Твоя сестра иль дочь была в неволе,
Ее вот так же враг бы продавал!»
Он отвечал: «Таков удел всех пленниц!»
Пошел я дальше. Вижу, как раба,
Бессильного, почти ребенка, рослый
И сильный вавилонянин навьючил
Покупками своими, словно мула,
И гонит палкой. Крикнул я: «Опомнись!

Такого маленького бить жестоко!»
«На то он раб!» — наглец мне отвечал.
«Когда б твой сын,— сказал я,— был так продан,
Рабом он тоже стал бы». — «Он не раб! —
Сказал богач и громко засмеялся. —
Своих я сыновей не продаю,
А ваших, видишь, покупаю!» Кто бы
Такое сердце пронял! Я лишь раз
Добился песней слез от чужеземца.
Сам царь заплакал над концом Саула,
Над смертью Йонатана...

Голос из народа

Да живет
Тот милосердный царь! Один он только
Надежда наша.

Елеазар

Милосердный царь
Хотел почтить меня наградой щедрой.

Первый левит

А что ж, Елеазар, тебе давал он?

Елеазар

В своем дворце давал покой богатый.
Сулил мне лучших иудейских пленниц.
И в тот же миг все песни проклял я,
Что у хозяев вызывают слезы:
Ведь это слезы нильских крокодилов!

Юноша

Им надо спеть про славу наших предков,
Чтоб знали силу нашего народа!

Елеазар
(понуро)

Я пел.

Юноша

И что ж?

Елеазар молчит.

Старик

Елеазар, скажи нам,
Как принята врагами песня славы?

Елеазар
(говорит неохотно, словно через силу)

Один лишь засвистал и головою
Кивнул с усмешкой. А другой сказал:
«Не все здесь правда». Третий дал совет
Мне быть с певцами-воинами вместе.
И, как один, все дружно говорили:
«А разве свет в одном Ерусалиме?
Иль песен ты не знаешь про Эдом,
Про Мизраим? [1] Иль слава Амалека,
Аммона, Аморея не была
Подобна ныне отошедшей славе
Израиля?

Первый пророк

О боже, накажи
Уста врагов смертельной немотою!

Елеазар

И стал тогда я петь им про Эдом,
Про Мизраим и про чужие страны
На языке чужом. Они внимали,
Как злобный меч коварного Эдома
Сломился пред оружием Ассура,
Как Амалек, Аммон и Амарей
Вдруг стали из разбойников рабами,
Как Мизраим — владыка полумира
И господин израильских племен,
Пред властью божьей должен был смириться,
Как гибли в море всадники и кони, —
Могущество надменных фараонов, —
Как, навсегда расставшись с домом рабства,
Переступили мы порог неволи.

---

[1] Мизраим (Мицраим) — Египет. *(Прим. Леси Украинки.)*

Юноша

И что же победители?

Елеазар

Бледнели.

Второй пророк

Бледнеть бы им и холодеть вовеки!

Юноша

Зачем же им не бросил ты в лицо,
Что и для них настанет судный день?

Елеазар

Такому слову тесно в Вавилоне...
Сегодня пел врагам я про Офир,
Сидон и Тир, про их искусство, мудрость,
Про их сокровища, каких не будет
Вовек в сокровищницах вавилонских.

Первый левит

И хорошо за песню заплатили?

Елеазар

Ты думаешь — богатства Ханаана?
Едва я хлеб на ужин заработал.

Юноша

Но, может быть, за песнь, что восхваляла
Мощь Вавилона, получал не раз
В награду ты и обруч золоченый?

Елеазар

Ехидны речь всегда полна отравы,
Но не для всех ее опасен яд.
Когда ты слышал, чтобы пел я песни
Могуществу и славе Вавилона?

Юноша молчит, пристыженный.

Ты сам себя молчаньем осудил!

Старик

Елеазар, быть может, в Вавилоне
Твои, на языке нам чуждом, песни
Про Мизраим, Эдом и все народы
Уже не называют Палестины,
Напомнить не хотят Ерусалим?

Елеазар

А разве нужно нам напоминанье?

Старик

Не нам, а тем, кто чужеземной речью
Все время говорит между врагами.

Елеазар

Так как же им понять родную песню?
А на чужой язык она не ляжет!

Старик

Ты сам, привыкнув к речи вавилонской,
Забудешь говорить — «Ерусалим».

Елеазар

(стоит, задумавшись. Рука его начинает перебирать струны арфы, а голос, подобный голосу человека, бредящего во сне, произносит горестно и нараспев)

Была б рука моя здоровой,
Кто одолеть бы мог ее?
И я тогда себе сказал бы:
«Счастливец я — рука крепка!»
И я бы мог еще добавить:
«Не забывай, что ты моя».
Но лютый враг нанес мне рану,
Мечом мне руку отрубил.
Кого ж теперь я одолею?
Не одолеет кто меня?
И день и ночь себе твержу я:
«О горе, где ж моя рука?»
Смотрю я на плечо и плачу:
«Как мне, рука, тебя забыть?»

Неторопливо перебирает струны. В народе слышен тихий плач.

У отца моего виноградник большой,
А у матери садик зеленый.
Я, гуляя, в нем ягоды часто срывал
И ногами листву попирал в нем.
Но завистник-сосед виноградник спалил,
Разорил наш зеленый садочек.
Погорела лоза, и помяты кусты,
Красота стала пеплом и прахом.
Если я под ногою найду хоть листок,
Я у сердца его приголублю.
Братья милые! может, кто видел из вас
Хоть листочек лозы виноградной?

Струны звенят все печальнее. Сильнее раздается плач.

Сон мне однажды приснился,
Кто отгадает его?
Будто попался я в руки
Злобных врагов, беспощадных.
Что же враги сотворили,
Что со мной сделали злые?
Сильны еще мои руки,
Крепки еще мои ноги,
Очи мои еще видят,
Не искалечено тело.
Только язык мой, язык
Отдан врагу на издевку!
Думал я вымолвить слово,
Думал хоть голос подать я —
Кровью уста отзывались
И зарыдали молчаньем!

Долгое молчание. Арфа падает из рук Елеазара. Стон ее струн, прозвенев, затихает. Рыданья в народе умолкли, словно оборвались. Тишина.

Елеазар
(медленно, твердо, отчетливо)

Отцы и братья, матери и сестры!
Мне камня ожидать от вас иль слова?

Молчание.

Страшнее нет проклятья, чем молчанье!

Старик

Проклятия от нас ты не услышишь.

Юноша

О брат, надменное прости мне слово!

Елеазар

Вы не клянете? Я прощаю, братья,
Вам все слова. А все же проклят я
Проклятьем страшным крови. Кровь отцов,
В борьбе за волю пролитая даром,
Лежит на голове моей и вашей
И клонит голову нам до земли,
До камня, что на грудь мою не мог
Упасть из рук народа моего.
Сын человеческий себя поранил
Об острый камень, припадая долу,
На клочья разорвал одежду чести,
Посыпал голову золой позора...
Ох, низко я упал! Как и святыня,
Все полегли мы, как Ерусалим!
И так же, как восстановить нам трудно
Святыню нашу, трудно и воспрянуть
Из праха и невольничьих оков.
Ведь пал позор тот и на наши руки,
За то, что не добились лучшей доли
Нам, побежденным, а работать стали
На недруга. Проказою позора
Тела сионских девушек покрылись,
Что броситься в Евфрат не захотели,
А стали забавлять сынов разврата
И пестовать проклятый плод бесчестья.
Ведь и мои осквернены уста,
Затем что с голоду не замолчали,
А стали говорить чужим наречьем
На площадях, что проклял бог навеки,
Где песни раздаются, и одна лишь,
Из сердца рвущаяся, умирает.
Гнетет позор нас тяжелей, чем цепи,
Грызет нам тело злее, чем оковы.

Терпеть оковы — нет позора хуже,
Забыть их, не порвав, — тягчайший стыд!
Нам две дороги: смерть иль стыд, покуда
Мы не найдем пути в Ерусалим.
Давайте же искать пути к святыне,
Так, как газель воды в пустыне ищет,
Чтобы не мог сказать наш враг могучий:
«Вот я убил Израиля! Он мертв!»
Пока же не нашли, бороться надо,
Как барс израненный в кругу облавы, —
Чтобы про нас не говорили люди:
«Заснул господь Израиля на небе!»
О Вавилон, ты радуешься рано!
В ветвях еще рокочут наши арфы,
И в реки еще льются наши слезы,
Еще Сиона дочь горит позором,
Еще рычит Иудин лев во гневе.
Живет господь! Жива душа моя!
Живет Израиль, хоть и в Вавилоне!

Голос из лагеря

Израиль, по шатрам! Уж ночь подходит!

Люди расходятся по своим шатрам. На далеких башнях видны вавилонские маги, гадающие по звездам. Темнеет. Табор затихает. Из Вавилона смутно доносится шум ночных оргий. Торжественная ночь трепещет над табором невольников и Вавилоном.

То там, то тут загораются сторожевые огни. Тишина.

15. II. 1903
Сан-Ремо.

НА РУИНАХ

Драматическая поэма

Ясная, лунная ночь. Далеко раскинулась иорданская долина, на горизонте виднеются горы Мория и Сион, поблескивая в свете луны серебряными вершинами. В глубине, но ближе, чем горы, чернеют руины Ерусалима, кое-где между ними мерцает огонь, вероятно в каком-то уцелевшем доме, где еще кто-то живет. По долине блуждают люди. Они собрались с разных сторон — кто из Ерусалима, кто из Самарии. Одни построили себе лачуги из камня, собранного на руинах, и из иорданского камыша; другие разжигают маленькие костры, греются и что-то варят; иные копают ямы и хоронят в них кости, найденные на давнем поле битвы. Слышны вздохи, приглушенные рыдания и сдавленный шепот тех, кто не спит, но большинство спит: кто в шалаше без крыши, кто прямо среди поля, укрывшись лохмотьями, лицом вниз, чтобы луна не будила. Спящие кажутся убитыми и поле от них еще более печальным: оно как будто только что после боя, покрыто трупами...

На переднем плане три фигуры (женщина, девушка и девочка-подросток) грустно сидят у погасшего костра. Одна качает на руках маленького ребенка, другая прядет шерсть при луне, третья плетет корзины из камыша.

Пророчица Тирца
(идет от руин ерусалимских и приближается к трем женщинам)

Мир, сестры, вам!

Женщина
(та, которая с ребенком)

Мир и тебе, сестра!
Мир всем нам... И покой и смерть.

Тирца

Что? Смерть?
Ведь жив наш бог и живы мы.

Женщина

В руинах!
(Прижимается лицом к ребенку и плачет. Ребенок хнычет сквозь сон.)

Тирца

Слезами не пои малютку-сына
И молоком несчастья не корми.

Девушка
(та, которая прядет)

Покинутым где пищу взять другую?

Тирца

Зачем же звать покинутыми вас?

Девушка

Мой брат в Ассирии, он в Ниневии.

Девочка-подросток
(та, которая плетет корзину)

Отец мой в Вавилоне больше года.

Женщина

Мой муж пошел работать в Финикию.

Тирца

Но вас ведь трое, и ребенок с вами.
Тот не покинут лишь, кто сам не бросил.
Пусть ваш костер не гаснет до утра,
Чтоб было вам светлее за работой.

Девушка
(кладет кужель на землю)

Наш труд напрасен. Кто же это будет
Носить одежды? Для кого пряду?
Мой брат в Ассирии во вражьем войске,

Других неволя, сам в неволе сгинет.
К чему стараться?

Тирца

Для себя самой.
Свободна будешь — спрашивать не станешь
Врагов: «А кто же мне одежду даст?»
И враг не скажет: «Я тебя одену».

Девушка поднимает кужель и снова начинает прясть.

Тирца

(девочке-подростку, которая, пригорюнившись, сложила над работой руки.)

Что ты сидишь? Окончила работу?

Девочка-подросток

Да что кончать? Подруги вон плетут
Свои корзинки, чтоб носить в них землю
И сыпать на могилы их отцов,
Что полегли, святыню защищая.
А у меня вот даже нет могилы!
Отец мой в Вавилоне. Говорили,
Что он там строит новый храм Ваалу.

Тирца

А ты себе строй новое жилище.
Не о могиле, о жилье заботься,
Чтобы в родном краю не быть чужою.
Тогда не скажешь: «Кто мне даст приют?»
И враг не скажет: «Я твоя защита».
Плети скорей, носи каменья, глину,
Лачугу строй, не за горами холод.

Девочка-подросток быстро берется за работу.

Тирца

(женщине)

А почему костер твой не горит?

Женщина

Зачем ему гореть? В своем жилище
Привыкли мы беречь огонь домашний.

А где мое жилище? Среди поля?
Мой муж теперь в далекой Финикии.
Он золото чужое добывает...
Так для кого ж должна я жечь костер?

Тирца
(показывает на ребенка)

Для сына, для себя. Ты среди поля
Костер зажги для своего ребенка.
Нагрей и накорми, чтоб не томилось,
Припав к сухой груди, твое дитя,
Чтоб не дрожало с холоду в лохмотьях,
Чтоб ты беспомощно не повторяла:
«Кто может дать мне здесь очаг домашний?»
Чтоб враг не мог сказать: «Иди ко мне!»

Женщина начинает ворошить костер, он через минуту вспыхивает, и веселый огонь освещает трех женщин и их работу.

Тирца
(уходя от них)

Мир, сестры, вам!

Женщины

Мир и тебе, сестра!
Надежды дочь, ты будь благословенна!

Среди лежащих слышен какой-то стон. Тирца идет туда и останавливается около одного человека, который, лежа вверх лицом, простер к небу заломленные в отчаянии руки.

Тирца
(склоняется над человеком)

Страдаешь, брат мой? Рана все горит?
Дай я перевяжу, полегче станет.

Мужчина

Нет, раны ты моей не перевяжешь.
Та рана, что в груди — зарубцевалась,
А та, что в сердце, будет век пылать!
Ерусалим ты мой, мой край любимый,
Ты рана вечная родной отчизны!
Горишь в моем ты сердце негасимо!..
(Снова стонет и ломает руки.)

Тирца

А если рана больше не тревожит,
Вставай и принимайся за работу.

Мужчина

Что должен делать я? И для чего?
Ни смысла в том, ни пользы я не вижу.

Тирца

Земля ерусалимская не пепел,
Вот меч твой!

(Показывает на выщербленный меч, который валяется на земле рядом с ним.)

Мужчина

А на что мне этот меч?
Оборонять руины бесполезно.

Тирца

Пора бы меч на плуг перековать.
Ты защищать обязан и руины.
Ведь враг придет и вспашет эту землю,
Посеет семена и снимет жатву,
И этим хлебом здесь людей накормит,
И снова завоюет Палестину,
Но без меча, одним вот этим плугом.
И вдовы и сироты громко скажут:
«Благословен, кто этот хлеб дает».
Лежачему родной земли не надо.
Чей хлеб и труд, тот и земли хозяин,
И вавилонской землю назовут.
И тем руинам, что вон там чернеют,
Стоять придется на чужой земле.
И чье же сердце будет жечь та рана,
Что называешь ты Ерусалимом?

Мужчина встает и поднимает меч.

Мужчина

А где перековать я меч свой должен?

Тирца
(показывая на огонек, виднеющийся далеко в руинах)

Иди туда, там есть живые люди;
Они тебе дадут огня живого.
Как в сердце у тебя пылает рана,
Пусть так пылает на огне железо.
Ты сделай из смертельного меча
Рабочий плуг и закали его
Так, как теперь тебя я закалила
Огнем и стужей слова своего.

Мужчина

Так будь благословенно это слово!
(Берет меч подмышку и идет на огонек к руинам.)

Тирца
(поет)

Встань, Израиль, и раскинь палатки! . .
Близок день!
В новой славе солнце просияет,
Сгинет ночь!
День встречают сном лишь только совы
И сычи!
Покажи себя ты сыном света!
Близок день!

Среди спящих кое-кто начинает шевелиться, кое-кто поднимается. Один старик отзывается сонным голосом.

Старик

Кто здесь поет?

Тирца

Поет в пустыне голос.
(Поет.)

Готовьте путь великой силе божьей,
Дороги разровняйте для нее!

Старик

Будь проклят тот, кто будит побежденных,
Будь проклят тот, кто сон рабов крадет,
Ведь меньший был бы грех ограбить старца
И у голодного отнять кусок.

Тирца

Кто раб? Кто побежденный? Только тот,
Кто сам несет ярмо по доброй воле.

Старик

Я не ношу ярма, я сплю — и только.

Тирца

А что есть горше твоего ярма?
Железное ярмо нес Еремия
И думал: горше нет его на свете;
Но если бы пророк твой сон увидел,
Сон каменный покорного раба,
Его ярмо бы легче пуха было
В сравнении с невидимым ярмом.
Подняться ты обязан из бесславья
И от стыда поднять свое чело.

Старик

Зачем же, для чего вставать я должен?

Тирца

Для жизни. Для заботы. Для труда!
Чтобы закат твоей не видел лени,
Чтоб миг освобожденья не застал
Тебя во сне позорном и в безделье.

Старик
(раздраженно)

А ты что делаешь?

Тирца

Людей бужу.

Старик

(укладывается удобнее. С презрительным смехом.)

Меня разбудишь в час освобожденья.

Тирца

Вовеки для тебя он не настанет.
Спи! Я найду живого мертвеца.

(Окликает.)

Эй, кто живой на этом поле битвы?

Из-под деревьев над Иорданом слышится тихое звучание струн и робкий голос, который поет прерывисто, останавливаясь, словно припоминая отдельные слова и мелодию песни.

Голос

«Как золото померкло... Серебро
Как изменилось. Тяжко, дочь Сиона!
Кто даст моим глазам потоки слез?»

Тирца

(идет на этот голос и останавливается возле певца, который трогает ржавые струны на маленькой арфе. Как только она подошла, певец замолк, наклонился и положил арфу на землю)

А почему поешь ты так несмело?

Певец

Никак я не могу припомнить песни...
Плач Еремии все хочу припомнить
И не могу... Мне память изменяет.

Тирца

Зачем припоминать, свое придумай!

Певец

Ох, что ты, что ты! Это было б дерзко,
Ты знаешь ли, сестра, чья это арфа?
Она ведь Еремии! А ему
Досталась от Исаии она,
Исаия ее взял у Давида.

Быть может, сам Давид на ней играл
И распевал псалмы во славу божью.
Давидовы псалмы, я все их знаю,
Но петь их недостойно в день бесславья...
Исайи же слова не оправдались —
Мир не настал, Мессия не явился,
Псалмы его пускай уйдут в забвенье.
Пускай не дразнят нас... А Еремия,
Последний наш пророк, певец руин,
Пускай бы жил в преславных этих струнах.
Ты слышала бы, как он здесь рыдал,
Стеная громко в опустевшем доме!
Ему руина эхом отзывалась,
С пророком нашим плакали и камни.
Когда же из Ерусалима гнали
Его в ярме железном в тяжкий плен,
Он о разбитый жертвенник ударил
И расколол и наземь бросил арфу.
И так она лежала долго, долго,
Покуда я, отыскивая уголь,
В похолодевшем пепле не нашел
Прославленных певцов святую память.
Собрал я все, что только уцелело,
Сложил и склеил — маленькая арфа,
Но нет в ней даже щепки не святой.
Нашел и струны — жалко, что не все,
Заржавленные, скрученные струны.
Я выправил, почистил их, как мог,
И вот играю, натянув на арфу.
(Касается струн.)
Поют негромко. Но ведь эти струны
Звучали некогда в руках пречистых
Святых певцов, пророков незабвенных.
На арфе ни одной струны нет новой,
Все старые... И многих не хватает...

Тирца

У арфы мало струн, слов — у певца!
Когда-то слышал ты: на вещий голос
Руина отзывалась. Я же слышу,

Как ты, певец, желаешь эхом быть
Руины этой самой... Дай мне арфу!
(Берет арфу из рук удивленного певца.)
Она сейчас позор наш воспевает.
И, некогда живые, струны стонут
От мертвого касанья рабских рук.
Слова живые ветром в мертвых листьях,
В немых устах бессильно шелестят.
И я святой руине дам свободу.
Быть может, совершится божье чудо —
Ее найдет достойная рука,
Она ей возвратит не только голос,
Но душу вечную. Пока же отдыхай!
Пускай тебя река святая скроет.
(Широко замахнувшись, бросает арфу далеко в Иордан.)

Певец

Безумная! Что делаешь, опомнись!

Тирца

Ты новые слова добудь и струны
Или молчи — могилы ведь безмолвны.

Певец

Святыня гибнет, помогите, люди!
(С громким криком бросается к Иордану, за ним кое-кто из людей, поднявшихся на его крик.)
Бегите же! Плывите и ловите!
Пошла на дно! Давайте сетку! Невод!

Рыбак
(с берега)

Пошла на дно? Жаль! Поиски напрасны.
До дна не доберетесь, очень топко.
(Кричит на певца, собравшегося броситься в реку.)
Вернись и не спеши, а вдруг потонешь!

Певец
(бросается к Тирце, за ним толпа разбуженных людей)

Так я ж тебя, злодейка, утоплю!

Толпа

Топите же ее! Она посмела
Сионскую святыню утопить!

Тянут Тирцу к реке, рвут на ней одежду, плюют, дети рыбаков бросают в нее комками ила, другие связывают ей водорослями руки.

Молодой пророк самарийский
(выбегает из-под дерева, где он молился)

Скорей спасай, Израиль! Иудеи
Хотят здесь девушку невинную топить!

Со всех сторон выбегает толпа самарян и борется с иудеями, отбивая Тирцу.

Самаряне

Топить? За что же? За грехи какие?

Иудеи

Да за святыню.

Пророк самарийский

Нет, за побрякушку.

Самаряне смеются. Иудеи злятся, борьба разгорается. Один левит стоит в стороне и спокойно наблюдает.

Певец иудейский
(равнодушному)

Левит, ты помоги нам наказать
Злодейку.

Левит

Да на что мне эта арфа?
Мне не нужны пророчества и песни.
К чему пророки. Был бы лишь закон.

Самаряне, наконец, берут верх и, отогнав иудеев, ведут Тирцу под то дерево, где недавно молился их молодой пророк.

Пророк самарийский
(Тирце)

Встань здесь, пророчица, олива эта
Тебя укроет ветками святыми,

И горе каждому, кто потревожить
Отважится святыню и тебя —
Израиль, плачь! Не жить тому на свете.

(Самарянам.)

Бог усмирил девичьими руками
Жестоких иудеев. Вам известно,
Что за святыню Тирца утопила?

Самарянин

Ее ты побрякушкой сам назвал!..

Пророк самарийский

Когда-то эта побрякушка пела
В руках Давидовых.

Самаряне

О Адонай!

Пророк самарийский

Когда-то этих струн лукавый звон
В палатах нашего царя Саула
Баюкал, а той самою порою
Точила трон Израиля измена,
Как червь. Престол упал, Саул погиб.
Сердечным плачем зарыдали струны
Над смертью Йонафана и Саула
В руках Давида, что их погубил.
Не раз в Ерусалиме эти струны
Играли на погибель Самарии.
Теперь они погибли без следа,
Как власть и трон царей ерусалимских!

Самаряне

Хвала пророчице Деборе новой!
Тимпан подайте ей! Пускай играет
И водит хоровод, как Мариам,
Что праздновала гибель фараона!
Честь Самарии! Смерть Ерусалиму.

Девушка-самарянка подает тимпан Тирце. Тирца молча отводит его рукою и стоит, наклонив голову.

Пророк самарийский

Она играть не хочет на руинах.
Девичье сердце жалостливо, братья.
Настанет день — мы все уйдем отсюда,
Уйдем туда, на гору Гаризим,
(Показывает на далекие горы.)
И там зажжем мы на высоком месте
В лесу священном наш святой огонь.
Там Тирца нам пророчествовать будет
О нашей Самарии.

Тирца

Никогда
Я не пойду на гору Гаризим!
И вам не надо. Позабудем распрю.
Саул с Давидом дружат на том свете.
Что Самария? Что Ерусалим? —
Развалины.

Левит

(из толпы, тот, который не вступал в борьбу за Тирцу)

А жертвенник святой?
Стоит он целый.

Тирца

Где же его жертвы?

Левит

В законе нашем говорится ясно,
Что в мире есть одно жилище божье —
Храм Соломона.

Самарянин

Где же он?

Левит

В законе.

Самаряне смеются.

Левит

Безумным смехом бог безумных метит.
В законе буква каждая священна.
Там всё стоит навеки нерушимо.
Бессмертен в этом храме каждый камень,
Ведь он стоит записанный в законе.

Пророк самарийский

А для чего?

Левит

Вопрос твой нечестивый!
Как «для чего»? Закон закону нужен,
Как богу бог. А мы — его рабы,
Служить ему обязаны мы слепо.

Пророк самарийский

Но чем служить?

Левит

Должны беречь святыню,
Чтоб жертвы только в храме приносили
И чтоб закон свой свято берегли.

Второй самарянин
(молодой)

Мы в это время разберем руины,
Перенесем все камни в Самарию!
На Гаризиме жертвенник поставим
И жертву принесем в священной роще.

Группа иудеев
(подходит и вслушивается в спор)

Собаки самарийские! Зачем вы
Пришли сюда в ночи, как будто воры?
Пришли святыню нашу обокрасть
И грабить наши бедные руины?

Начинают наступать друг на друга. Левит берется за камень и целится в самарийского пророка.

Тирца

Постойте же! Надсмотрщик вавилонский
Вдруг выйдет и рабам своим прикажет
Избить вас. Не будите вы его!

Голоса с обеих сторон

Да, правда! Тише! Хватит! Успокойтесь!

Тирца

Несчастные! Слепые! Разве вам
Не видно: час настал, чтоб сбыться слову
Исаии пророка. День настал,
Чтоб даже лев с ягненком побратались.
Иудин лев пускай шакалов душит,
Лишь только б стада божьего не трогал.
Ведь набегут шакалы из пустыни,
В разрушенное стойбище ворвутся
И загрязнят его своим навозом,
Противным и для льва и для овец.

Певец иудейский

Сама посеяла меж нами ссору,
А хочешь, видно, мир пожать. Запомни:
Кто сеет ветер — пожинает бурю.

Тирца

Посеяно и сжато все давно,
И не вчера, не нынче, — вон стернею
Широкое чернеет поле жатвы.
(Показывает далеко вокруг на простор, покрытый руинами и бездомным людом.)
Пришла пора начать иной посев
И жатвы ждать иной. Но нет, не вам
Ярмо железное перековать
На косы и серпы. Вон те бедняги,
Вон те, что в шалашах и у костров
Работают с рассвета неустанно.
Они для господа готовят жатву,
А вы, как скорпион в жестоком гневе,

Себе отраву сами создаете,
И вы себя пожрете, словно змеи,
Которых бог послал нам в наказанье.

Пророк самарийский

А кто тебя пророком здесь поставил?
Молчать бы надо женщине при людях.

Тирца

Кто новою Деборой звал меня?
Он был ведь сыном твоего народа.
Когда не достает толпе вождя,
Пусть женщина, как новая Дебора,
Поднявшись, крикнет: встань, Израиль, встань!
И люди встанут, словно волны моря,
И божий дух те волны оживит,
И зацветет Сион весенним крином,
И вновь польется молоком и медом
Земля обетованная, земля,
Где все мы, как изгнанники, блуждаем,
Как стадо, что без пастыря в пути.
Зачем блуждаем мы? Чего мы ищем?
Не эту разве землю добывали
Для нас отцы своею кровью, потом?
Столп огненный дорогу не укажет,
Не скажет дымный столб: иди за мной.
Бог не пошлет нам новые скрижали.
Что ж давний не исполнился завет?
Израиль, встань и распаши плугами
Все поле брани, не давай ни пяди
Земли обетованной и посей
Из края в край хорошую пшеницу,
Отгородись хлебами от пустыни.
А из каменьев заложи фундамент,
Чтоб не сказали люди: здесь руины,
Сказали б: здесь, наверно, будет дом.
Пройдут года, и пленник возвратится,
И вновь сионская воскреснет песня,
Высоких стен ей отзовется эхо,
Звучней еще напевом возрожденным,

Чем ей руина эта отзывалась
Рыданьем погребальным Еремии.
Руки пожатьем встретит пленник брата,
И рядом будут они строить стены
На том фундаменте высоком, звонком.
Душа моя уж видит то строенье,
И знает сердце, как его назвать:
В Ерусалиме новом — новый храм!

Самаряне

Ерусалим?! Будь проклят он навеки!

Левит

Храм новый? Но без святостей древнейших,
Без заповедей и без херувимов?
Без царства Соломона и Давида?

Тирца

А разве то лишь свято, что старо?

Певец самарийский

Скорей ее в пустыню! Гнать в изгнанье!
Пусть не обманывает нас и не смущает!

Один из иудеев

Кому это и что здесь надо строить?
Чтоб враг пришел и снова здесь осел?

Старый иудей

Кто нам позволил строить это зданье?
Царь иль надсмотрщик?

Тирца

Божий дух велит.
Тот божий дух, что не живет меж вами!
Скорей бы я нашла его в пустыне,
Куда вы гоните меня в безвестность
Прочь от людей!

Певец иудейский

О, там найдешь ты духа,
Того, что завладел давно тобою,
Лукавою. Иди, ищи его!

Тирца

Дух божий сам найдет меня в пустыне,
А вам еще не близок путь к нему!

Толпа с безумным криком гонит Тирцу, покуда она не исчезает в отдалении.

11. IX. 1904
Зеленый Гай

ТРИ МГНОВЕНИЯ

I

В КЛУБЕ

Множество людей, разговоры, шум. Двое, Монтаньяр и Жирондист, в жарком споре отделяются от толпы и в стороне заканчивают начатую беседу.

Монтаньяр

Послушай, гражданин, меня ты знаешь, —
Как монтаньяр, тебя я ненавижу
И все твои мечты аристократа.

Жирондист

Аристократа?

Монтаньяр

Да, аристократа
От разных титулов и привилегий
Вы отреклись и от бумажных хартий,
Чтоб хартиям неписанным поверить,
Подсвечниками быть для привилегий,
Героями для всех веков грядущих.
Вы Цезаря и то не пощадили,
Чтоб заслужить скорее титул Брута.
О, эти Бруты! Мы их племя знаем:
Из них и Цезари потом выходят.
Кто хочет добрым быть республиканцем,
Пусть тот скорей на Брута меч острит.

Жирондист

А Цезарям *своим* пусть бьет челом,
Они ведь позволяют всем, кто хочет,
На голову, привыкшую к триумфам,
Бросать и грязь и шутки площадные, —
Всё стерпит голова, была б жива.

Монтаньяр
(смотрит на голову жирондиста)

А неживая, может, больше стерпит.

Жирондист

Нет, гражданин, неверно: к неживой
И грязь уже не так легко пристанет,
Глядишь — и кровь еще ее обмоет...
Кровь Цезаря пролив, так Брут отмыл
Всю грязь былую цезарских триумфов.
(Задумывается.)
Меч поднимая, он о том не думал...

Монтаньяр

А то бы и не поднял?
(Заглядывает жирондисту в глаза.)

Жирондист
(тише)

Может быть...

Монтаньяр
(что-то записывает себе в книжку)

Спасибо, гражданин!

Жирондист

За что ж спасибо?

Монтаньяр

Об этом я уж знаю... ты скажи:
А ты хотел бы крови вместо грязи,
Иль все ж пречистой деве гильотине
Привержен больше ты?

Жирондист

Не понял я.

Монтаньяр

Нет, нет, ведь это шутка! Будь здоров!

Расходятся.

II

В ТЮРЬМЕ КОНСЬЕРЖЕРИ

Жирондист

(входит в свою камеру и обращается к товарищам, находящимся в коридоре)

До завтра же, товарищи! Наверно
Увидимся...

Жирондистка

(из коридора)

На эшафоте, может!

Монтаньяр

(теперь он тюремщик)

Эй, гражданин! Довольно разговоров!
Пора уж спать. Я всех сейчас запру.

Все расходятся. Жирондист закрывает в своей камере дверь в коридор. Слышно, как Монтаньяр запирает ее на ключ. Жирондист принимается за чтение. На некоторое время наступает тишина, затем звякает ключ в замке, открывается дверь, входит Монтаньяр.

Монтаньяр

Привет тебе, мой Брут!

Жирондист

Что надо здесь
Вам, господин?

Монтаньяр

К чему так величаешь?

Жирондист

Ведь «гражданин» теперь — никчемный титул,
Шпик и тюремщик — господа над нами.
Свое гражданство с ним мы не разделим,
И я не называю «гражданином».
К чему же лицемерие такое?

Монтаньяр

Пусть будет так. Что ж, я тому прощаю,
Кто поутру пойдет на эшафот.

Жирондист
(меняется в лице, но произносит спокойным голосом)

А я пойду? Ты верно это знаешь?

Монтаньяр

Да, непременно.

Жирондист

Так оставь меня.
Письмо я должен написать.

Монтаньяр

Кому же?
Друзьям? Но и они ведь тоже вскоре
Вслед за тобой пойдут — к чему писать?
Я б не трудился.

Жирондист

Написать хочу я
Друзьям неведомым. Я сам оставлю
Завет своим потомкам по идее.

Монтаньяр

Напрасный труд.

Жирондист

Как истинный палач,
Ты уничтожил бы не только тело,
Мой разум ты убил бы вместе с кровью,
Мою идею!

Монтаньяр

Если бы без крови
Я мог твою идею уничтожить,
То кровь и тело пусть себе живут.

Жирондист

Такая жизнь была бы хуже смерти.
Но не дождешься, мы ведь за идею
Все умереть готовы, как один.

Монтаньяр

Что ж, и идея жить за вас готова?

Жирондист

Идея вечна.

Монтаньяр

Как и ваше тело,
Не больше и не меньше.

Жирондист

Что сказал ты?

Монтаньяр

Где та идея, что жила бы дольше,
Чем люди, породившие ее?

Жирондист

А христианство?

Монтаньяр

Сколько поколений,
И столько ж было христианств на свете,
А, может, больше. Крест еще не сгнил

После распятья, а уже в идее
Гниль обнаружилась, и скоро церкви,
Как будто пятна плесени на стенах,
Явились из общины христианской.
Проказа охватила Византию,
Рим оказался мертвецом живым
И заразил собою все народы.

Жирондист

Но вовсе не в церквах жила идея,
А в людях, в тех замученных героях,
Что храбро шли на муки и на смерть...

Монтаньяр

А с ними вместе шла на смерть идея:
Ну, в ком, скажи, ей оставалось жить?

Жирондист

В потомках тех героев.

Монтаньяр

Но потомки
Героями и не были совсем,
А были воинами, господами,
Рабами и попами, ну, чем хочешь,
И в мире стало христианство править,
Обманывать, служить и убивать.
Оно с людьми и жило и менялось,
Покуда стало тем, что есть теперь.
Могло ли так случиться, чтоб из тела
Апостола Петра взросло когда-то
То древо, из которого для папы
Удобный трон был создан мастерами?
Что в мире вечно — тело иль идея?
Но вечность их той вечности подобна,
Что будет телу твоему дана
Пречистой девой нашей гильотиной.
С плеч голова сначала упадет,
Покатится и свалится в корзину,
Прольется кровь и напоит те травы,
Что проросли меж досок эшафота,

Остаток крови вместе с телом в землю
Пойдет, чтоб испытать все перемены
Такой же вечной жизни, как и та,
Что выпала на долю христианства,
Что суждена твоей идее вечной.
Конец один: в земле должны вы сгнить.

Жирондист

А если так, то ведь не только мы,
Но все, кто победил, все монтаньяры.

Монтаньяр

Да, это верно, дело только в том,
Кто первым будет гнить, а кто последним,
Чей мир скорей умрет.

Жирондист

Что значит — мир?

Монтаньяр

Так неужели ты еще не понял,
Что каждый мозг живет в особом мире;
Что разные миры у монтаньяра
И жирондиста, разное мы строим,
И на твоем фундаменте не может
Держаться то, что на моем стоит.
И хоть ни ты, ни я о том не знаем,
Кому фундаменты еще послужат,
Плохой бы из меня строитель был,
Когда бы не хотел я крепче строить
И одолеть тебя в своем труде.

Жирондист

Зачем же?

Монтаньяр

А затем, чтоб мог сказать я,
Что я сильнее всех, пока живу,
Что потому и жить я дольше буду.
«Ты долголетен будешь на земле» —
Вот в чем на свете высшая награда
Народам, партиям и единицам.

Жирондист
(после минутного раздумья, с грустью)

Как только вспомню о земле несчастной,
Поросшей злобой и политой кровью,
В душе слова рождаются невольно:
Нет, наше царство не на этом свете!

Монтаньяр

А, в добрый час! Опять свершает чудо
Пречистая мадонна-гильотина!
Вот жирондист перед лицом ее
Культ разума на мистику меняет.
«Наш черт состарился — пошел в монахи!» —
Есть у французов присказка такая.
Что ж, если поразмыслить, то и верно:
Коль надо с этим миром расставаться,
То следует ли избегать «того»,
Хоть он немного и проблематичен.
Кто знает, может сам Лавуазье
Забыл науку всю для «отченаша»
В последний час.

Жирондист

Лавуазье казнен?

Монтаньяр
(спокойно)

На эшафоте, помнится, — вчера.

Жирондист

Неправда! Я не верю! Это было б
Злодейством страшным — даже и для вас!

Монтаньяр

Вчера своими видел я глазами
В руках Самсона голову его.
Как быстро люди отстают от века
Без благотворной прессы! Вот смотри
Вчерашний бюллетень.
(Подает длинный листок — приложение к газете.)

Жирондист
(читает, ища по алфавиту)

Лафарж, Лавуазье... не мож... неправда...
Ох, Лавуазье!..
(Закрывает лицо руками.)
О Франция несчастная!

Монтаньяр

Но в чем же
Ее несчастье? Ведь идеи вечны?
Не все ль равно, в какой вселятся ящик
Из мяса и костей идеи эти, —
Ведь не впервые им менять жилище.
Зовется ль ящик тот Лавуазье,
Или какой Лера или Дюпен?
Идее вечной имена людские —
Как карточки владельцев на дверях.
Не стал бы я об этом сокрушаться!

Жирондист

Прочь от меня уйди ты, сатана!
Не отравляй моих минут последних!
Когда понять не можешь ты, что гений
Есть для идеи тот великий фокус,
В котором собраны ее лучи,
Рассеянные по частям меж нами,
То что́ понять ты можешь?

Монтаньяр

Мне понятно,
Что фокусник хороший из идеи
Получше, чем оратор из тебя.
Так что же, если уничтожить фокус,
То может так на веки распылиться
Та вечная идея по частицам,
Что ложками потом не соберешь?

Жирондист уныло молчит и демонстративно раскрывает книжку, словно собирается читать.

Монтаньяр
(не обращает на это внимания, только подходит ближе и говорит несколько иным тоном)

Сказать по правде, если б я так думал
И если бы я осознал себя
Одним из фокусов таких — наверно
Все жирондисты — фокусы, идеи! —
Я не дал бы на части распылиться
Своей идее только для триумфа
Какой-то там бездушной гильотины.
Я сам себе бы целью стал, сливая
В единый культ стремление к идее
И уваженье к собственной особе.

Жирондист
(не поднимая глаз, неохотно)

И что ж бы сделал ты?

Монтаньяр

Вот посмотри-ка,
Я для примера фокус покажу.

Внезапно достает из кармана шнур и набрасывает петлю на жирондиста, тот вскакивает, испуганный неожиданностью. Монтаньяр смеется.

Не бойся! Было бы еще глупее
Тебя повесить, нежели тебе
Предпочитать веревке гильотину;
Я научить тебя хотел бы штучке,
Что «убеганкою» зовут — смотри!
(Вынимает из кармана пилку.)
Вот пилочка, как ниточка, тонка,
А там, в окне, железная решетка.
Ну, кто кого перегрызет?
(Подходит к окну и быстро перепиливает решетку.)
Ого!
Где тонко, там и рвется! Вот так фокус!
(Вынимает решетку.)
Теперь смотри: здесь шнур, здесь ты, здесь крюк,
А здесь окно. Шнур зацепи за крюк,

Сам на окно — и по веревке гайда!
Была тюрьма с тобою? Раз, два, три! —
И без тебя тюрьма, — ты понимаешь?
Но это фокус легкий. Есть труднее.

Жирондист
(смотрит немой от удивления на все действия. Затем словно пробуждается от сна)

Я понимаю: правда, этот фокус
Тончайшего мучения. Тюремщик
Показывает пленнику свободу...
Да, это легкий фокус — «кот и мышь».
(С отвращением отворачивается.)

Монтаньяр
(смеется)

Догадливы же эти жирондисты!
Ужель ты думаешь, что монтаньяр
Не может справиться без гильотины
Иль без ее родни, хоть и почтенной,
Когда он с вами борется?

Жирондист

Неясно,
К чему ты это говоришь.

Монтаньяр

Припомни
Ту лекцию, что как-то от тебя
Я в клубе записал. Смотри сюда!
(Показывает, развернув свою книжку с записями.)

Жирондист
(прочитав громко)

«Кровь Цезаря проливши, Брут отмыл
Всю грязь былую цезарских триумфов».
Так что ж?

Монтаньяр
(нетерпеливо)

Кого карает гильотина,
Отнимет разум у того! Ведь ясно:

И с Брута грязь, я думаю, отмыла
Кровь, пролитая щедро при Филиппах,
А то, пожалуй, не такою чистой
В истории была б фигура эта.
Я думаю, что после гильотины
Madame Ролан еще святою станет,
Не хуже тех Лукреций и Виргиний,
Что в жизни были так, бог знает чем.
И вот я думаю, что монтаньяры
Трудились до сих пор, смывая грязь
На жирондистах. Понял ты теперь?

Жирондист

Да, понял я, что все-таки страшна вам
Идея наша — ведь она воскреснет
Из крови щедрой, как из пепла феникс,
И новой силы наберет из крови
Ей посвященных мучеников. Вижу,
Хотел бы ты, чтоб предал я идею,
Товарищей покинул, принимая
Спасение из рук твоих нечистых,
Чтоб, хвастаясь, ты мог потом сказать:
Они ведь все такие, жирондисты!
Но этой я не дам тебе утехи!
Раз только солнце встанет надо мною,
Чтоб посмотреть, как пурпуром священным
Кровь жирондиста станет для одежды
Идеи вечной!

Монтаньяр

Так скажи, какую
Идею ящик тот скрывал, что звался
При жизни именем Луи Капет?
Быть может, никакой? Так почему же
Творит за чудом чудо это имя
В Бретани и в Вандее? Не в идее,
Почтенный, сила, а в самой крови,
В том пурпуре, как ты сказал, священном.
Сорви порфиру с Цезаря, он сразу
Обыкновенным человеком станет;

Накинь порфиру крови на Бурбона,
Поверят многие, что это Цезарь,
И собственного пурпура прибавят
К одежде этой. Кровь ведь словно пар,
Что в летний зной восходит над землею
И, подымаясь высоко, до неба,
Оттуда падает дождем на землю,
Чтоб снова в небо подниматься паром;
И так бы целый год лились дожди,
Когда бы не было на свете ветра.
Кровавый пар, мне кажется, настолько
Густой завесой встал над нашим краем,
Что уж пора б кровавой тяжкой туче,
Что разлеглась над нами, разорваться
И дать просвет, чтоб красными волнами
Потопа этого совсем не затопило
И нашу Гору.

Жирондист
(иронически)

Вот беда была бы!
Такой спасенный Арарат погибнет!
Когда б пришлось для этого пополнить
Поток кровавый, то не жалко мне
Своей на это крови. Я надеюсь —
В моей крови *ты* именно утонешь.

Монтаньяр

Какая ж польза будет для идеи?

Жирондист

А что тебе? Не веришь ты в идею.

Монтаньяр

Не верю *я*. А ты? Теперь, быть может,
И ты усвоил лекцию мою.
Так слушай же: я вправду ни на миг
Не верю, чтоб идея победила
Живую человеческую силу:

Идея ваша вечная сгниет
Скорей, чем кровь твоя меня утопит.
Зато все крепче будет наш фундамент,
Недаром он Горой зовется. Сила
Родить повинна силу, а виденья
Останутся виденьями. Так *я*
Об этом думаю: конечно, так *тебе*
Об этом думать вовсе не годится.
Ты должен думать, что уже немного
Осталось вас, защитников идеи,
Вас, фокусов извечного сиянья;
И, чтоб не дать рассеяться сиянью
Среди всемирной пустоты, ты должен
На собственную жизнь взглянуть сначала.
Подумай, что́, когда б Лавуазье
Ушел бы за границу? Ведь сегодня,
Быть может, в мире больше стало света.
Теперь придется ждать вам «до второго
Пришествия», пока создаст природа
Такой же ящик, как Лавуазье.
Что ж, может, наши правнуки дождутся!
И разве бы не мог Лавуазье
Стяжать академические лавры
Еще хоть раз, ну, просто хоть затем,
Чтоб только в зеркале себя увидеть.
Какой в том толк, что голову его,
Богатство гения, палач Самсон
«В корзину» бросил, как иной редактор
Бездарное творение писаки?
И для чего? Чтоб будущий невежда
В восторге восклицал: «Лавуазье!»
В тот час, когда Лавуазье уж станет
Таким, что думать-то о нем противно.
И ты вот так же ляжешь перегноем
В земле французской с тем, чтоб возродилась
Когда-нибудь идея жирондистов —
Для неизвестных, может недостойных
Потомков ваших, нет, скорее наших,
Ведь телом *мы, мы* вас переживем.
Не лучше ль где-то там, в чужом краю,

В единый фокус разума живого
Соединить лучи идеи вашей,
Потом ее слепящим громом бросить
На нашу Гору? Надвое, быть может,
Гора бы раскололась и упала,
Где морем кровь, но крови нет твоей.
То было бы служение идее
И месть за всех товарищей-героев!
Получат ли какую-нибудь прибыль
Твои товарищи, когда умрешь?
Ужели ты свой разум так не ценишь,
Не бережешь талант, известный всем,
Что думаешь их кровью пересилить,
Своей соленой красною водою?
Позор ведь это вечный для идеи!
(Ждет ответа. Жирондист молчит.)
Я все сказал. Я честно говорил,
А ты подумай честно, без котурнов,
Без пафоса фальшивого. Я выйду,
Мешать тебе не буду. Постучи мне,
Когда подумаешь, — и я приду.

Жирондист
(невольно)

Впервые
Я искренность готов возненавидеть!
(Зло Монтаньяру.)
Скажи ты мне, где ты берешь отраву,
Которой, не скрываясь, на глазах
Мне так сумел всю душу отравить?
Я мог бы вновь сказать: я не хочу
Спасенья твоего! Но нет, неправда:
Со смерти мученической порфиру
Сорвал ты, и скелет я голый вижу —
Не героический апофеоз.
Отчаянье и страх мне входит в душу,
Вся кровь моя восстала против смерти,
Как у вола на бойне. О позор!
С каким же я лицом поеду завтра
На гильотину! Стыдно за меня

Жиронде будет! И кого спасет
Такая смерть позорная? ..
(Стучит в дверь.)

Монтаньяр входит.

Убей же,
Убей меня, проклятый душегуб!
Убей сейчас, чтоб завтра не убить!

Монтаньяр
(холодно)

Вся эта декламация напрасна,
Трагедия теперь из моды вышла.
Профессия моя ведь вам известна.
И вам известно так же, что не я,
Палач Самсон убить вас должен завтра,
При чем здесь я?

Жирондист

Так разве же не ты
Меня в тюрьму загнал своим поклепом?

Монтаньяр

Не отрекаюсь (только не поклепом,
А правдой — я ведь только показал
Лишь то, что записал).

Жирондист

Ты понимал,
Чем кончится тюрьма?

Монтаньяр

Всё понимал,
В тот самый день купил я и веревку,
И пилку, чтоб все было наготове,
Ведь каждый день мог случай наступить.

Жирондист

Скажи, зачем была нужна тюрьма,
Когда задумал ты освобожденье?

Монтаньяр

А как же мог бы я аристократа
Идеи вечной, чем я мог заставить
Принять из рук плебейских, монтаньярских
Жизнь и спасенье?

Жирондист

А зачем всё это?

Монтаньяр

Я раз сказал и вновь сказать готов.
Как монтаньяр, тебя я ненавижу
И все твои господские мечтанья.
Вот я теперь дарую жизнь тебе,
И от меня принять ее ты должен
Так, как ты принял все мои софизмы,
Что я тебе в твоем же стиле плел.
Ты должен? Правда? Ты ведь принимаешь?

Жирондист

Послушай, жирондистов здесь немало,
Зачем избрал ты именно меня?

Монтаньяр

Таков мой вкус и доброе желанье.
В вас своего профессора я чту
За лекцию истории геройства:
Она незабываема вовеки.
Да только болтовни, пожалуй, хватит!
Мы только время тратим. Я же знаю,
Что ты полезешь все-таки в окно,
Но почему не сделать это просто?
Какие вы актеры, жирондисты!
(Опускает за окно прикрепленную к крюку веревку.)
Что проще может быть? Бери и лезь,
Да вниз поглядывай, а той порою
Я стану там с фонариком закрытым,
И светом буду подавать сигналы:
Открою — значит можно дальше лезть,
Закрою — значит надо притаиться.

Долезешь вниз, а там моя забота,
Как дальше переправиться тебе.

Жирондист молча, стиснув зубы, направляется к окну.

Монтаньяр
(на пороге, с усмешкой)

Тут надо бы сказать хотя б «спасибо».

Жирондист

За правду надо правдою платить:
Как жирондист, тебя я ненавижу,
Твои глубоко хамские поступки!

Монтаньяр кланяется с иронической улыбкой и исчезает с порога. Жирондист бросается к перу, рука дрожит от поспешности и неуверенности в мыслях, затем он бросает перо, ничего не написав.

Ни слова не могу я написать!
Да все равно! . . Они понять не в силах. . .

За окном внизу слышен тихий свист. Жирондист вздрогнул. Идет к окну, приспосабливается и начинает спускаться по веревке за окно.

III

В ЭМИГРАЦИИ

Жирондист-беглец ходит по мостику над глубоким оврагом, где на дне шумит быстрый поток. В долине блестит Констанцское озеро и виднеются снеговые вершины гор.

Жирондист

Гнетет меня твоя краса, чужбина!
Мое изгнанье, слишком ты прекрасно!
Моя темница, слишком ты свободна!
Грущу я о стенах Консьержери,
О хмурых очевидцах героизма,
Товарищах высоких дум и дел,
Где стены, как живые, понимают
И боль разлуки, и тоску порыва,
И счастье гибнуть жертвой за идею,

Сомнений муку, радости мечтаний,
И смерти неминуемый трагизм.
Свидетельницы стены! Сколько душ
Им завещало и мечты и мысли
В реченьях мудрых и в горячих строфах,
И мудрый камень превратился в слово
Людей, что онемели под железом.
А эти горы, — где же их язык?
Все наши муки, счастье и борьба
Для них ничто. От века и до века
Стоять им суждено. Людские руки
Не дали им ни красоты, ни силы.
Какая злость овраги здесь прорыла,
Какой здесь гнев те громы породил,
Что шум рождают в этих диких взгорьях,
И чистый снег на этих недоступных
Вершинах отдаленных говорит
Такое, что и эха не находит
Ни в слове нашем и ни в нашем сердце.
Не знал я, страшная Консьержери,
Что о тебе вдали грустить я стану,
Ведь мне казалось, что подобной кары
И монтаньярский ум не изобрел бы.
Когда б еще я верил в злого духа,
Я думал бы, что это сатана
Сам подал мне тогда совет фатальный,
Чтоб сохранил я жизнь свою и мысли,
Не отдал бы их в жертву поколеньям,
Еще мне неизвестным, чтоб я сам
Стал целью для себя. Когда бы я
Того совета в кровь свою не принял
И в сердце, в сокровенные глубины,
Я, может, как сейчас, и не грустил бы.
Я б верил, что грядущим поколеньям
Послужит, может быть, моя печаль,
Мое нечеловеческое счастье
Погибнуть за великую идею.
Я думал бы: те пламенные строки,
Что каждый день кладу я на бумагу,
Народами в грядущем будут править
И что отряды черных мелких букв

Когда-нибудь восстанут целым войском
Отважных мстителей за нашу гибель,
Но я теперь уже не верю в это.
Я знаю то, что каждый в одиночку —
И храбрый мститель и борец — ничто,
Ведь есть у каждого своя судьба,
Ведь каждый может только жить на свете
Иль умирать, и ничего иного
Не суждено на этом свете людям.
Теперь же я так ясно понимаю,
Что гибну я, что горная болезнь
Мне охватила душу на высотах
Идей абстрактных, разума и мысли,
Что, как мне кажется, вот-вот все поры
Кровь источать начнут, и я погибну,
Как путешественник на горной круче,
Где черезмерно легкое дыханье
Переполняет грудь...
Там жизнь была,
В стенах далеких тех, где каждый вечер
Казался нам последним. Наша жизнь
Казалась собранной в единый фокус,
Что в стеклышке лучи соединяет
В палящую слепительную точку.
Простой торговец был уже героем,
Невежда становился гениальным,
Одно мгновенье там давало больше,
Чем все три года, что я прожил здесь,
И, словно человек в предсмертных муках,
Имеющий ничтожные просветы,
Когда как будто вновь вступает сила
В измученное тело, так порою
Я оживал на малое мгновенье,
И сердце билось, будто у живого,
И забывал тогда я эти горы
И красоту чужую. Так бывало
Еще тогда, когда мне слали письма
Из Франции... А вот теперь уж год,
Как мне не шлют их...
Я не знаю сам,
Благословлять иль проклинать я должен

Тот час, как из неволи шел на волю
(А может быть, в неволю — как сказать?),
А только никогда я не забуду
Ни ночи этой черной, словно горе,
Ни пламени, что мне внизу светило,
Зажженное рукою монтаньяра.
Я всё смотрел во мрак, в ночную пропасть,
Где видел только яркий огонек,
Как будто глаз палящий. Я дрожал —
Не знаю сам, от страха иль от счастья.
И до сих пор я помню, как боялся,
Чтобы не билась об окно веревка,
Не звякнула решетка. Это было
Главнейшей мыслью. Больше ничего
Я не сумел бы рассказать словами,
Что думал я, что чувствовал тогда.
Но все же это был последний час,
Когда мне жизнь казалась настоящей.
Вернется ли опять такая жизнь?
И стану ли я снова в море жизни
Живой волною, перестану быть
Всего надгробным камнем на могиле
Прекраснейшей идеи жирондистов?
Былые волны братства прокатились
И все исчезли в красном море крови,
И с ними те, что их туда загнали.
Любовь моя и ненависть погибли.
Но разве нет иных на свете волн,
С которыми б я мог уплыть в согласье
Иль без остатка раствориться в них?
Хотя б немного погулять свободно
С товарищами новыми опять!
И пусть бросали бы меня и разбивали
О скалы острые, и гром валов
Глушил мой голос, мелкими камнями
И пеною меня бы покрывали, —
Сражался б я, боролся, порывался,
За жизнь свою минутную дрожал бы,
Но я бы жил. И я б людей любил,
Людей, не привиденья б ненавидел,
Не тени умерших... И были б вновь

Шпионские подкопы, суд неправый,
Врагов глумленье и друзей бессилье
И, может быть, опять Консьержери.
Но все ж была бы вдалеке надежда
Хотя б на черную немую ночь,
Что узников из плена вызволяет...
Позор, бесславье... До чего дошел я!
Уж солнце опускается за горы,
Над головой моей оно стояло,
Когда я шел сюда, а до сих пор
Я все хожу по мостику и что же,
Что делаю? Я на судьбу ропщу!
Вот развлечение для жирондиста,
Что лишь одной богине поклонялся,
Богине Разума. Молись же ей,
Душа моя, молись ей неустанно,
Как тот, кто видит свой последний час!
И пусть она хоть знак какой покажет!
Куда свернуть ей с этого распутья,
В смерть или в жизнь: иль в этот вот поток,
Чтобы хоть раз с его невинной пеной
Живая краска красная смешалась,
Иль на дорогу с воли и в неволю?
Для этого ведь мне не надо даже
Ни темной ночи и ни фонаря...

Из хижины выходит старая женщина и окликает жирондиста.

Женщина

Эй, гражданин!

Жирондист не слышит, занятый своими мыслями.

Эй, господин любезный!

Жирондист все-таки не слышит. Женщина подходит к мостику и, дождавшись, когда жирондист ступил на землю, трогает его за плечо.

Простите, господин, что перебила...

Жирондист
(встрепенулся)

Нет, что ты, женщина, нет, ничего!

Женщина

Да ведь у вас мудреные всё думы,
Всё про науки, про дела большие.
Но о живом живому думать надо.

Жирондист
(удивленно)

Да вы о чем? Кто это вам сказал?

Женщина

Так говорится. Я сюда, по правде,
Пришла сказать, что ужинать пора,
Смотрите-ка, уж солнышко заходит,
А вы здесь так давно, уже с обеда.

Жирондист

А, вы об этом...
(На минуту задумывается, потом живо обращается к женщине.)
Я хочу спросить вас —
Скажите: вы могли бы завтра утром
Еду мне приготовить, ну хотя б
Дня на два, что ли, может быть и больше?..

Женщина

Куда ж вы собираетесь?

Жирондист
(улыбается)

Не знаю...
Я это так еще... Так вы могли б?

Женщина

А почему ж? Коль надо...

Жирондист

Сын ваш дома?

Женщина

Да. Только завтра он уходит в горы.

Жирондист

Куда же в горы он пойдет?

Женщина

Туда,
Во Францию.

Жирондист

А может, он возьмет
Меня попутчиком с собой в дорогу?

Женщина

Я думаю. Сейчас его мы спросим.
(Окликая.)
Конрад, пойди-ка!

Выходит юноша в швейцарской горной одежде.

Жирондист
(ему, горячо)

Вы идете в горы?
Во Францию? Куда же?

Конрад

Я — в Нанси.

Жирондист

Меня возьмите!

Конрад

Я иду надолго.
Так далеко ходить вы не отвыкли?
Пока туда, пока опять назад...

Жирондист

Назад не надо...

Конрад
(очень удивлен)

Как?.
(Потом удивление внезапно сменяется пониманием.)
А, понимаю.
(Тихо.)
Я ждал такого слова.

Жирондист

Почему?

Конрад

Да я же здесь вас ежедневно вижу.
(Оборачивается к старой женщине.)
Готовьте, мама, нам еду в дорогу!

29. VIII. 1905
Зеленый Гай.

ОСЕННЯЯ СКАЗКА

Фантастическая драма

I

Темница без окон, без дверей. Рыцарь-узник лежит в углу на соломе и спит, на него с низкого потолка падает едва заметный луч света, пробивающийся сквозь маленькую щелку в форточке, сделанной для передачи пищи. Издалека, откуда-то сверху, слышен чей-то приглушенный расстоянием или толщею стен голос, поющий песню.

Голос

О, где мой защитник, мой витязь любимый?
Куда же он скрылся?
Его ожидая, стою у окна я, тревогой томима!
Погиб он, с тоской ли сдружился?
Навеки сдружился, надежду теряя
Ко мне возвратиться.
На миг повстречались, навеки расстались!
И жду я, страдая,
И людям не смею открыться...

Голос затихает, и в ту же минуту рыцарь просыпается.

Узник-рыцарь

Вновь голос тот иль сновиденье?
Моя утеха и мое страданье!
Откуда этот голос долетает?
Чего он хочет, и чего он просит?
Что делать мне? И что я в силах сделать?
Что я могу в глухой темнице этой?
Могу о стены биться головою,
Упасть на землю в горе и печали
И грызть ее от голода, как мышь;

Могу застыть в страдании немом
И стать холодным, словно гад тюремный,
Слепой и равнодушный к этой жизни...
Вот что могу я, и не больше, право.
Хотя б весь свет... Да есть ли свет? И где он?
Здесь тихо все, темно и одиноко.
Уж лучше б — цепи, чтобы в тишине
Звенели громко, лучше бы палач
Пришел сюда вести меня на пытку.
Пускай бы вся темница озарилась
Огнями мук и ожила от крика!
О мученик великий, Прометей,
Завидую тебе! В твоей темнице
Небесный свод был крышей, горы — стены,
А море было — словно пол широкий.
Звонка, просторна и светла темница!
Палач — орел, а деспот — громовержец.
На каждый крик твой отзывалась слава
Многоголосым эхом... Нет, Зевес
Тираном низким не был, он почетно
Карал своих противников великих,
А может быть, и не умели руки,
Привыкшие к громам, позор обрушить
На голову разбитого врага.
О, наш король, пигмей слепорожденный,
Бессильный трус, умеет превосходно
Противников позорить и бесчестить.
Проклятый знал, как покарать меня!
В тот день, когда я брошен был в темницу,
В тот самый день подписан был указ,
Что отменяет пытки он и казни
В своей стране, презренный лицемер!
Пускай бы мне клещами рвали тело,
Я был бы рад: быть может, эта боль
Заставила б меня забыть темницу
И крик такой исторгла б из груди,
Что стены задрожали б и распались.
О, как бы я пошел на казнь охотно!
Толпа шумела б, словно океан,
И расступалась перед осужденным,
Давая путь величию страданья.

В тот миг, когда бы голова моя,
Подъятая рукою палача,
Заговорила вновь кровавым словом,
Тиран бы дрогнул, слыша приговор,
Народный приговор: позор убийцам!
Но тишина царит теперь в стране,
Как и в темнице. Кровь людей молчит
И не взывает к небесам о мести,
А тихо стынет в ослабевших жилах...

Слышен тихий стук и шорох над потолком. Тоненькая полоска света исчезает, наступает полная темнота.

Что это? Свет погас? И ночь настала?
Быть может, это пищу принесли?
(Ждет.)
Нет, нет, не пищу. Что это за шелест?
Откуда стук? О горе! Закрывают
Последнее отверстие. Живым
Меня хоронят.
(Кричит.)
Смилуйтесь! Уж лучше
Убейте сразу. Мертвым хороните!
Вы звери! Ой, спасите!

Внезапно полоска света снова появляется, более широкая, нежели прежде, и чей-то приглушенный голос неожиданно шепчет.

Голос

Тише, тише!
О, замолчите или мы погибнем!

Узник
(тише)

Спасенье? Счастье! Звездочка! Ты здесь!
Пришла, сочувствуя моим мученьям.
Ты вспомнила несчастного?..

Голос

Молчите!
Все пропадет, и оба мы погибнем.
Ни звука!

Молчание. Спустя некоторое время наверху, в потолке, открывается крышка люка, и сноп света падает оттуда в темницу.

Ослепленный необычайным светом, узник закрывает лицо руками. В это время сверху спускается веревочная лестница, и по ней сходит в темницу женщина, опуская за собой крышку люка. У женщины около пояса потайной фонарь, связка ключей и небольшая котомка. Сойдя с лестницы, женщина прикрывает фонарь так, что снова наступает темнота.

Узник

Мрак? И снова я один?

Женщина

Прислушаюсь и свет сейчас зажгу.

Узник

Позволь хотя б взглянуть мне на тебя.
Позволь поцеловать, благоговея,
Твоей одежды край!

Женщина

Нет, господин мой,
Такая честь не для служанки.

Узник

Как?
Ты не принцесса?

Женщина

Нет, я судомойка!
Я здесь служу на кухне! И над вами
Моя каморка.

Узник

Кто же там, скажи,
Кто песни пел как будто надо мною?

Служанка

Простите, это я.

Узник

Ты? Невозможно!
Где эти песни петь ты научилась?

Служанка

Я слышала, как их поет принцесса.

Узник

Но где ж она?

Служанка

Простите, господин,
Нет времени у нас на разговоры,
Должны уйти скорее мы, пока
Меня там не хватились.

Узник

Но куда?
И как?

Служанка

По лестнице, прошу вас, господин!

Узник

А дальше что?

Служанка

А там уж будет видно.
Вам только б выйти из темницы.

Узник

Правда!
Мне только б из темницы, ну, а там,
Хоть и на смерть! Прости меня, что мало
Благодарил тебя я за спасенье.
Хоть и служанка ты, но благородна
Душа твоя!

Служанка

Скорее, господин!..
(Вынимает из узелка какие-то лохмотья.)
Вот вам тряпье, переоденьтесь нищим,
Все будет лучше, чем в одежде вашей.
Увидит кто, так, верно, не узнает,

Подумает, что нищий. Все же лучше,
Когда б никто нигде вас не увидел.

Узник

Никто, нигде? Прикажешь умереть?

Служанка

О господин! Скорее!

Узник

Хорошо же!
Куда иду я? Все равно! Хоть в ад,
Лишь только б выйти. Ну, веди! На волю!

Служанка лезет наверх и светит фонарем узнику, следующему за ней. Перед тем как поднять крышку люка, она закрывает фонарь, прислушивается, потом слегка открывает крышку, всматривается в щель и неожиданно выпрыгивает, совсем открыв люк, в свою каморку. Узник спешит за нею. Лестница падает на землю. Люк беззвучно закрывается.

II

Комната в королевском дворце, в башне, где живет принцесса. В решетчатые окна врываются молодые поросли дикого винограда. В комнате много диковинных тепличных цветов, везде расставлены и разложены принадлежности для рукоделия: кросна, пяльцы, прялки и прочее, по стенам и на столах гусли, цимбалы, бубны, бандуры и много других инструментов. В окраске предметов преобладает белое и красное. В комнатном беспорядке чувствуется какое-то бурное нетерпение. Три девушки сидят за работой: одна прядет, другая ткет, третья шьет.

Пряха

Как долго не идет принцесса наша!

Ткачиха

Не кончилось, должно быть, состязанье;
Принцесса ж там должна быть до конца,
Чтобы достойнейшего наградить
Своим венцом.

Швея

Какая честь для них!
Еще вчера простая босоножка,
Незнатного сословия и рода,
Судьею будет в рыцарских делах.

Пряха

Что в прошлом босоножка — ничего,
Зато теперь светлейшая принцесса
И дама сердца нашего владыки.

Швея

Ох, это сердце знало «дам» немало,
И не таких! Не первая она!

Ткачиха

Не говори, — таких ведь не бывало.
Не первый год живет она меж нами,
А короля любовь к ней все растет,
Она же равнодушна и горда,
Уже не как принцесса, как богиня.

Швея

Капризничает перед старым, знает,
Что больше тот возьмет, кто дорожится.

Ткачиха

Сдается мне, что ничего она
Не хочет взять, но если бы хотела,
То кто бы помешал ей хоть сегодня
Стать нашей королевой?

Швея

Не болтай!
У ней уж, верно, что-то на уме.

Ткачиха

А я ее совсем не понимаю.
Пришла к нам наниматься на работу,

Король ее взял тотчас во дворец
Придворной дамой к нашей королеве,
Берег ее, не требуя работы,
И отыскал какой-то герб забытый,
Как будто благородною она
Была от прадеда, чего ж еще?
Но вот скончалась наша королева,
Король и траура не доносил,
А к ней посватался...

Швея

Да так ли это?
Уж не она ли распускает слухи?
Не слева ли посватался он к ней?

Ткачиха

Нет, это я уже наверно знаю!

III

Вершина стеклянной горы. Светелка из матового стекла без потолка, так что далеко видно небо и совсем не видно земли. В светелке блестят хрусталь, самоцветы, дорогие металлы, но в ней как-то холодно, неуютно Принцесса в белой одежде сидит и прядет золотую кудель на серебряной прялке: нитка внезапно обрывается, принцесса срывает кудель и бросает в угол.

Принцесса

Противна мне ненужная работа!
Зачем мне прясть? Кто это будет ткать?
Да и к чему? Лежат здесь горы тканей,
И золотых и вышитых искусно.
А кто их носит? Ха-ха-ха! Смешно!
Мечтала я когда-то день и ночь,
Что стану я нарядною принцессой,
Богатою и гордою такою,
Чтобы ко мне не смели подступить.
Ну вот, принцессою пастушка стала,
К тому же неприступною.

Голос
(где-то далеко внизу)

Сто пятый!

Принцесса

Упал еще один меня спасавший...
Ох, как же страшно нá гору им лезть,
Слепящую, высокую, крутую,
И вниз катиться... Сколько здесь отважных
Из-за меня погибло... Что я им?
Быть может, раз они меня видали
Иль слышали об участи принцессы,
Помолвленной неволею с тираном.
Неволею? А кто мечтал о власти?
Кто знает, если б на моей помолвке
Я не влюбилась в рыцаря и с ним
Не научилась презирать тирана,
Была бы я, быть может, королевой,
Счастливою, и гордою, и злою,
Такою, как и тот мой нареченный.
Теперь же...

Голос
(снизу)

Сто шестой!

Принцесса

О боже правый!
Зачем идут? Чего они хотят?
Моей свободы? Иль моей неволи?
Желает каждый в жены взять меня,
А я хочу свободною остаться.

Через стену светелки перелетает голубка, садится принцессе на плечо и на колени ей роняет письмо из клюва. Принцесса читает.

«Принцесса, время позабыть о сказках!
Хотим тебе простить мы благосклонно
Поступки недостойные твои,
Чтоб нашею супругой объявить,
Венчая королевой всенародно,

Коль ты смиришься, милости попросишь
И в знак того отправишь нам колечко
С голубкою.
Король, твой нареченный».
(Мнет и бросает письмо, прогоняет с плеча голубку и гонит ее платочком.)
Бесстыдная, лети отсюда, птица,
Насилью служишь ты, а не любви!

Голубка вьется вокруг нее и воркует; когда же принцесса ударяет ее по крылу, из-под крыла падает маленькая бумажка. Принцесса наклоняется, берет бумажку и читает.

«О гордая принцесса-босоножка,
Припомни дни, когда пасла гусей,
С девчонками с крутой горы каталась,
Отважно перепрыгивая лужи,
И вылезай из своего чулана,
Чтобы с горы хрустальной вниз скатиться
Не тем путем, что все зовут господским,
А только тем, что называют скотским.
Там, на болоте, ты не разобьешься —
И хоть тебя не рыцари там встретят,
А... все равно, зато свободной будешь,
Хоть грязною немножко.
Верный шут».
(Принцесса задумывается.)
«Припомни дни, когда пасла гусей. .»
Те дни ко мне уже не возвратятся...
И к туфелькам привыкла босоножка,
Да к золотым еще и королевским...
Как тяжко мне, оставив пол хрустальный,
Опять бродить по этим грязным лужам!
А «скотский путь» — противное названье!
Мой верный шут, ты очень плохо шутишь!
И с кем же я там встретиться могу?
Со свиньями, быть может? Но довольно!
И думать не желаю я об этом!
Лети, голубка!
(Машет голубке, она летит и исчезает.)
«Будешь ты свободной,
Хоть грязною...» О белые одежды,

Оковами вы стали для меня
И не осмелюсь вас я запятнать
Уж ни за что! Ужели ни за что?
Знал мой мучитель, как меня сковать!

(Садится вышивать серебром фату.)

IV

Большой хлев с несколькими загородками для разного скота; к нему пристроены конюшни и загон для скота. Слышны ржание, мычание и блеяние. На переднем плане два помещения для свиней, между ними узкий проход, где сложены лекарственные травы, корм и корыто для кормления скота. В хлеве довольно темно, только кое-где, сквозь небольшие щели, пробивается со двора свет, и поэтому темнота в углах кажется совсем черной, так что едва видно, как ворочаются свиньи.

Служанка

(входит через дверцу из соседней загородки в проход между помещениями для свиней)

Ну, где же ты? Я принесла еду.

Рыцарь-узник

(выходит из темного угла и останавливается на свету)

Ох, мне не до еды! Пусти на волю!

Служанка

Какой ты прыткий! Воли захотел!
Нет, лучше ты на свет не выходи,
Не то придут, увидят, будет худо.

Рыцарь

Доколе же мне прятаться в углах?
Доколе угнетать меня ты будешь?

Служанка

Освобожу, когда настанет время.
Ведь я теперь уже не судомойка,
Приставлена за хлевом я смотреть.
Но, погоди, я ключницею стану,

А там, увидишь, буду экономкой,
А там и до дворца недалеко,
И королевичей я буду нянчить.
Не век же королю на свете жить,
Умрет и он когда-нибудь, а там
Воспитанник мой, королевич, верно
Тебя помилует, чтоб няньке угодить.

Рыцарь

Да что ты мне рассказываешь сказки,
Зачем в глаза смеешься надо мною?
Нет ничего нигде еще, она же
Несет на постном масле чепуху
И груши мне на вербе обещает.

Служанка

Не любо, так не слушай! Вот беда!
Пойду-ка я! Минуты нет свободной!
(С досадой поворачивается, чтобы идти.)

Рыцарь
(хватает ее за руку)

Нет, погоди! Ты мне должна ответить,
Зачем меня упрятала сюда?

Служанка

Куда ж тебя еще могла я спрятать?
Тебя везде и стар и млад узнает,
Как только встретит. Бунтаря такого
Кто б не узнал? Вот только выйди, сразу
В свое ты подземелье попадешь!

Рыцарь

Ох, там не хуже!

Служанка

Жалко — так вернись!

Рыцарь

Тебе смешно? Как смеешь ты смеяться
Над рыцарем?

Служанка

Целую вашу ручку
И в ноги падаю, благодарю,
Что вы служанке подлой разрешили
Себя из ямы вытащить на свет
За благородное ушко и даже
Так снисходительны к простой холопке,
Что и теперь из рук ее берете
Мужицкую еду. Поклон вам низкий!
(Насмешливо кланяется.)

Рыцарь

Молчи! Не смейся! Я пренебрегаю
Тобой не потому, что ты холопка,
А потому, что в услуженье совесть
Ты потеряла. Где теперь твои
И льстивые и масленые речи?
Пока меня сюда не заманила,
Была нежна, хоть к ране приложи,
Когда ж меня в свинарник заперла,
То стала ты ругаться, как торговка.

Служанка

Доколе же мне нянчиться с тобою?
И то тебе не так и это тоже.
«В свинарник заперла», а то куда же,
По-твоему, тебя могла я спрятать?

Рыцарь

Хотя б в конюшню!

Служанка

Вишь чего он хочет!

Рыцарь

Ужель мне честь такая велика?

Служанка

Честь иль не честь, а там тебе не быть, —
В конюшне свет, и каждый день выводят

Поить коней, и сам король приходит
Взглянуть на них.

Рыцарь

Тогда к овечкам, что ль,
Или к быкам, там все-таки почище.

Служанка

Какой чистюлька! Отвяжись, придира!
Из ямы вывела, какой еще ты воли
Себе хотел? Рожна тебе какого?
Какой хворобы иль беды какой?
Чумы, холеры?

Рыцарь

Прикуси губу ты!
Скажи по-человечески, тебе
Что надо от меня? Зачем спасала
Меня ты из тюрьмы? Чтоб здесь держать?

Служанка

И дурень же ты, право!

Рыцарь

Нет, скажи,
Ужель тебе не все равно, где буду
Я мучиться: в темнице или хлеве?

Служанка

Конечно, нет!

Рыцарь

Но почему?

Служанка

Да так! —

Не понимаешь будто?

Рыцарь

Слово чести,
Не понимаю!

Служанка
(подходит и берет его за рукав)

Все-таки подумай:
То был ты там, а то ты здесь, со мною,
Хоть и тайком, а можем мы встречаться
Хотя бы на минутку.

Рыцарь

Мы с тобой?

Служанка

Чему ж ты удивился? Я давно
Заметила тебя. Припомни день,
Когда созвал король на обрученье
Все рыцарство свое.

Рыцарь

Ох, этот день!

Служанка

Еще тогда я слугам помогала
В палатах и увидела тебя.
Ты что-то говорил там о народе
И требовал свободы для него.
В ту пору я подумала: ну, вот!
Король посватался к простой пастушке,
А рыцарь защищает мужиков, —
Так отчего б служанке-судомойке
Вдруг госпожой не сделаться? Скажи,
Когда отсюда выйдешь ты на волю
И вновь в своих поместьях утвердишься,
Ужель меня не поблагодаришь,
Ужель забудешь?

Рыцарь

Ох, забыть мне трудно! . .
Скажу тебе по правде, не забуду
И все отдам, чтоб только ты ушла.

Служанка

Чтоб я ушла? Такая благодарность?
Уж лучше бы ты с места не сошел!

Рыцарь

Кляни, кляни, бери себе ты плату
За все твои постылые услуги.
Моя тюрьма мне очи ослепила,
Моя неволя разум омрачила,
Да так, что сдался я на уговоры
И позабыл о мудром, вещем слове,
Что некогда седой колдун сказал:
«Кто сам освободится — тот свободен,
Кого освободят — возьмут в неволю».
Мне эти речи темными казались,
Теперь я смысл их понял хорошо.
Кто выручит, тот требует награды,
А для людей нет дара драгоценней
Чужой свободы. О родном ребенке
Отец и мать пекутся и за то
Хотят покорности — неволи, значит.
Сойдутся добровольно молодые
И жаждут свадьбы, или вновь неволи.

Служанка

А как бы ты хотел? Свести с ума
И бросить? Умница какой! Без свадьбы
И каждый захотел бы!

Рыцарь

Что ты знаешь?
Вот я и без любви и без венчанья,
А все с тобою связан.

Служанка

Милый мой!
(Хочет его обнять.)

Рыцарь
(отступая)

Ой, не спеши напялить мне хомут!

С тебя довольно, что твое клеймо
На лбу носить я буду до конца.
И я того до смерти не забуду,
Что сам себя не вывел из тюрьмы
И не погиб, а, как баран безмозглый,
Дал увести, куда, зачем — не знаю!
Нет, это слишком!

Голос
(со двора)

Кто там?

Служанка
(рыцарю тихо)

Помолчи!

(Громко.)

Пришла я покормить свиней.

(Тихо рыцарю.)

Ступай
В тот угол, не вертись, а если вдруг
Кто станет на тебя глядеть, ты хрюкни,
Подумают — свинья.

Рыцарь

С ума сошла ты!

Служанка толкает его в угол, он падает туда через низкую загородку; в ту же минуту дверца в загородке открывается, входит пастух.

Пастух

Зачем ты здесь со свиньями воюешь?

Служанка

Да ведь они, проклятые такие,
Как вырвутся, назад их не загонишь.

Пастух

Хотят и свиньи, видно, на прогулку.
Сегодня же я выпущу все стадо
Проветриться. Пустить вас, поросята?

Служанка

Куда пустить? Да кто ж их выпускает?
Уж лучше б подождал ты до весны.

Пастух

А чем же не весна теперь? Гляди,
Как светит солнце над безлистым лесом.
И кажется, что скоро лопнут почки.
Я даже на прогалине нашел
Среди подснежников одну фиалку.
Еще немного, и гора растает.

Служанка

Стеклянная растает? Постыдись!
Она ж из хрусталя, не ледяная.

Пастух

Да кто там знает? Люди говорят,
Что если б жарко солнышко пригрело,
То все-таки растаяла б немножко.
Там, говорят, и лед есть и хрусталь.
Она ж не настоящая гора,
Строители большие деньги взяли,
Чтобы ее построить. Кто ж поверит,
Чтоб так-таки ни крошки не украли?
Ну, ты сама подумай, что дешевле,
Лед или хрусталь?

Служанка

Известно всем, что лед!

Пастух

Вот то-то же и есть. А если солнце
Сквозь тот хрусталь прогреет глубоко,
И поплывут сокрытые потоки,
Да сдвинется хрусталь и, словно льдина,
Завалит хлевы нам и все конюшни,
Загоны и свинарник? То-то будет!

Служанка

А что там будет? Разве прежде солнце
Ее не грело?

Пастух

Грело, да не так.
Ее построили порой осенней,
Холодной ночью, при студеных росах,
А там пошли дожди, метели, ветер.
Уж где там солнце? А теперь, гляди,
Не съехала бы на хрустальной глыбе
С горы своей прекрасная принцесса.

Рыцарь

Принцесса!

Пастух

Что там?

Служанка

Только эхо.

Пастух

Эхо?
Как эхо? Тут, в свинарнике? Вот чудо! . .
(Тише.)
Ты слышала? Там сотни их разбились
О мраморный помост. С горы хрустальной
Скатились рыцари, все — храбрецы,
Страны своей опора. Вот несчастье!
Там, где «господский» путь, там больше круча,
А там, где «скотский», меньше, но известно,
Что рыцари не любят грязи, жаль,
Отсюда все же было б легче влезть
К принцессе-узнице в ее тюрьму.

Рыцарь

Тюрьму!

Пастух

Как! Что я слышу? Снова эхо?
Тут что-то да нечисто... Я слыхал
О чем-то стороной...

(Смотрит служанке в глаза.)

Служанка

Вранье и сплетни!
Какая может быть сейчас весна?

Пастух

Увидим! А сказать тебе всю правду,
Погода-то погодою, а только
Велели для того нам выгнать стадо,
Чтобы почистить хлевы.

Служанка

Тут же чисто!

Пастух

Не знаю, но везде в народе ропот,
Что от свинарника идет зараза
И что дышать немыслимо, вода
Испортилась в колодцах и ключах —
Все оттого, что через хлев течет.
Король немало получает жалоб,
Ты знаешь, люди стали непокорны!
И говорят еще, что в темном хлеве
По закоулкам спрятаться нетрудно
Тем рыцарям, что грязи не боятся.
Ну вот король и приказал почистить,
Хотя бы так, на глаз, да и пощупать
Во всех углах как следует.

Служанка

Не дам
Откормленных свиней отсюда выгнать,
Так вся кормежка даром пропадет, —
Не будут есть, когда почуют волю.
Я не пущу их!

Пастух

Так тебя и спросят!
Свинарнику тут все равно не быть.
Король желает выстроить больницу
И всех людей лечить. Больница эта
Служить им будет также и тюрьмой.
Тюрьма для сумасшедших! Ну и штука!
Ее придумал наш ученый лекарь,
Он написал увесистую книгу,
А наш король его вознаградил,
И вот уже указ готовит новый,
Кого считать отныне сумасшедшим,
Кого держать пожизненно в больнице.
Сейчас я выгоню твоих свиней,
А чтоб они назад не возвратились,
На хуторе другом их помещу.
Я приказал подпаскам открывать
Загоны и конюшни. Слышишь рев?
Ну, отойди, я этот хлев открою.

Идет к воротам и хочет отомкнуть замок, служанка бросается к нему, хватает за руки и не дает отомкнуть, сопротивляется.

Служанка

Не дам, не дам!

Пастух

Да отвяжись, чертовка!

С силой отталкивает ее от себя. Открывает ворота. Свет внезапно врывается в хлев, всюду светло, только в дальних углах попрежнему полумрак. Пастух открывает дверцы обоих помещений в проход, ведущий к воротам. Одни свиньи бросаются стремглав в ворота, другие собираются в кучу по углам, третьи кружатся на месте, задерживаясь в проходе. Пастух выпускает их и гонит прочь, чтобы не толпились, потом выталкивает из углов ленивых, спрятавшихся в хлеве. Рыцарь-узник, увидев, что пастух приближается к нему, прячется в темный угол, но пастух толкает его палкой. Рыцарь издает неопределенный звук, нечто среднее между людским криком и звериным, потом неожиданно вскакивает и бежит к воротам. Служанка преграждает ему путь, он отталкивает ее и бежит дальше.

Пастух

Ой, кто это? Постой!

Служанка
(зло)

Держи! Лови!
(Бросается в ворота за рыцарем.)

Строитель
(входит)

Ну, что ломать? Откуда начинать нам?
Ребята!

Входит толпа работников и помощников строителя.

Пастух

Подожди! Беда стряслась!
Тут убежал какой-то плут, бродяга.
Быть может, он тут прятался давно.
Поймать его нам, братцы, помогите!

Работники

Нашел ловцов! Другой нам нет работы!

Строитель
(около ворот)

Не этот ли, что на гору полез?

Пастух

Он! Он! Тот самый!

Строитель

Это что за баба
Там голосит? Глядите-ка, глядите!

Работники толпятся около ворот и смеются. На зов служанки приходит толпа подпасков.

Служанка
(к подпаскам)

Скорей, ребята, на гору идите
И беглеца поймайте!

Строитель

Постыдись!
Того, кто лезет на гору, не ловят.
Ведь знаю я, что есть у вас обычай:
Лежачих бить, когда они сорвутся.
Покуда ж лезут на гору, пусть лезут.
Ломайте стену, чтоб светлее было!

Работники ломами, топорами ломают стену, она вскоре падает. Открывается вид на стеклянную гору. Рыцарь карабкается на гору, цепляясь за хрустальные выступы. Вскоре на крыше хрустального замка появляется принцесса.

Принцесса

Как далеко, как широ́ко
Виден божий свет!

Рыцарь
(на середине горы)

Что же там звенит высоко?
То ее привет!

Принцесса
(заметив его)

Не губи ты жизнь бесцельно,
Уходи назад!

Рыцарь

Не житье мне в подземелье,
Я ему не рад!

Принцесса

Здесь тебя, помилуй боже,
Снова ждет тюрьма.

Рыцарь

Мне возврата быть не может,
Ты пойми сама!

Принцесса

Светит солнышко пригоже,
Кончилась зима,
С нею я погибну тоже.

В эту минуту налетает порыв холодного ветра, рыцарь прячется в углубление горы.

Принцесса

Но погибнет тьма.

(В отчаянии всплескивает руками. В вышине слышны крики лебедей и диких гусей, улетающих большими стаями в теплые края. Принцесса протягивает к ним руки.)

Гуси, лебеди, летите,
Нас на крыльях унесите
Из страны, где дышат вьюги,
К солнцу жаркому на юге!

Гуси и лебеди отвечают жалобным криком: подымается большой ветер, надвигается белая туча, солнце прячется, и начинается метель. Птицы исчезают в белом хаосе.

Рыцарь

О горе! Стынут и немеют руки!

(Опускает руки и скатывается с горы в долину.)

Принцесса

Я дважды не снесу разлуки!
К тебе иду,
На волю и беду.

(Бросается с крыши и тоже скатывается в долину.)

В долине рабочие-строители, пастух, служанка и подпаски, напряженно ожидавшие до сих пор конца сцены.

Вся толпа

Ах!

Служанка

Что, разбились?

1-й работник

Принцесса умерла!

Служанка

О, слава богу!
А он? Живой?

Строитель
(стоящий близ тех, что упали)

Смотрите, оба дышат!

Пастух
(подпаскам)

Несите же в больницу их!

Подпаски хотят взять рыцаря и принцессу. Строитель делает знак своим, те окружают его и упавших.

Строитель

Постойте,
Мне этот путь известен хорошо:
Тюрьма, больница и опять тюрьма,
И так всю жизнь. Ребята, не давайте,
Довольно с нас и тюрем и больниц!

Машет рукой и, пожав плечами, идет прочь. Пастух и служанка с подпасками наступают, строитель и работники отбиваются, сначала борются руками, потом пускают в ход палки, колья и камни.

Рыцарь
(слабым голосом)

Не надо, все напрасно... Мы умрем.

1-й работник

Теперь уже не вас мы защищаем —
Самих себя.

2-й работник

Да что там, надоело
Свинарники и тюрьмы вечно строить.

3-й работник

А после разрушать их...

4-й работник

Чтобы снова
Все то же строить.

5-й работник

А кому? Наверно,
Самим себе.

Рыцарь

Напрасна, ох, напрасна
Борьба!

Строитель

Хотя б и захотели мы,
Нам нет уже возврата. Сам ты видишь!

Подпаски отступают и издалека бросают не очень метко комья земли и палки.

Служанка

Я королю пожалуюсь на вас!
(Идет; с ней уходит часть подпасков.)

1-й работник

Ну и ступай!

Строитель
(работнику-подростку)

А ты беги скорее,
Да позови товарищей на помощь:
Пускай гонцов повсюду разошлют,
Чтоб знали все, как трудно нам теперь.
Беги!

Парень идет, но тотчас же, испуганный, возвращается.

Парень

Ах, мастер! Нам нельзя в свинарник
Пройти никак. Смотрительница там
Вернуть подпаскам стадо приказала.
Бежит весь гурт от страха в беспорядке —
Поломаны повсюду загородки.

Тот прет сюда, а тот куда попало,
А впереди и свиньи и быки,
Да жеребцы, да с козами бараны.
Я убежал... едва не растоптали...
Ох, мастер!

Слышен дикий рев, треск последних загородок, крики подпасков.

Ой, они бегут, бегут!

Парень бросается на гору и останавливается на выступе. Стена, которая отделяет свинарник от остальных хлевов, трещит. Стадо столпилось перед узкою дверцей, ведущей из загона в свинарник, и вот-вот прорвется в нее.

Строитель

Скорее, братья, надо что-то делать!
Ведь если стадо сунется сюда,
Растопчет сразу нас и их.
(Показывает на рыцаря и принцессу.)

Принцесса
(слабым голосом)

О боже,
Не дайте утонуть в болоте этом!
Такая смерть позорна...
(Силится встать.)
Помогите!

Рыцарь
(тоже хочет встать)

Ой, помогите!

1-й работник

Ну, вставайте сами,
Нам не до вас. И мы боимся смерти.

Рыцарь и принцесса, помогая друг другу, поднимаются. В эту минуту толпа ремесленников увлекает их за собою, и неожиданно людская волна выносит их на первый выступ горы. В это время скот выламывает дверцу и часть перегородки и врывается на передний план. Люди, не успевшие подняться на гору или сорвавшиеся с нее, падают на рога и под копыта скота и погибают, растоптанные в болоте. Рев стада, вопли и стоны погибающих и крики стоящих на горе сливаются в дикий гул. Подножье хрустальной горы забрызгано грязью и кровью.

Строитель
(мастерам, которые кучками жмутся по уступам горы)

Скорее, братья, надо что-то делать!

1-й мастер

Полезем в гору!

2-й мастер

Ну, а дальше что?

1-й мастер

Там будет видно.

Принцесса

Там неволя, братья, —
Я знаю это.

1-й мастер

Одному неволя,
Всем вместе будет воля.

3-й мастер

Нет, не так,
Без помощи все вместе мы погибнем, —
Послать нам за товарищами надо.

4-й мастер

Кого? Уж не тебя ли?

3-й мастер

Хоть меня!

Несколько голосов
(зовут)

Куда ты? Сумасшедший! Стой! Вернись!

Строитель

Вот мой совет: мы вырубить должны
В горе ступени, чтоб стоять нам твердо
И чтоб взобраться на вершину. Братья,
Орлы не даром гнезда вьют в горах.

Влезть на гору бывает нелегко,
Зато с горы обороняться легче.

2-й мастер

Эй, за работу!

3-й мастер

Эй, за дело, братья!

Рыцарь
(с нижнего уступа)

Святой порыв — и все-таки напрасный!
Чего добьемся? На гору мы влезем,
А там и власти явятся и войско,
И нас заставят снова слезть с горы.

1-й мастер

Так и послушаем!

Рыцарь

А вот заставят,
Не силою, так голодом заставят.

1-й мастер

Еды нам хватит.

Рыцарь

А надолго ль хватит?

1-й мастер

Да на два дня, пока придет к нам помощь.

Рыцарь

Откуда ж эта помощь?

1-й мастер

Бойся бога!
Да что же мы, несчастные сироты?
Небось у нас товарищи найдутся,
Небось откликнутся на зов наш братский
И нам они погибнуть не дадут.

Рыцарь

Добрался ли к ним посланный, кто знает...
А если нет, кто весточку доставит?

Строитель

Кто весточку доставит? Наши ружья,
Сраженья грохот, красные знамена.
Товарищи! Кто красную рубаху
Или платок имеет, пусть скорее
Привяжет к палке — это будет знамя.
На каждой же ступени, что мы выбьем,
Поставим также красные знамена,
Чтоб издали их люди увидали.
Пускай по ним товарищи узнают,
Где нашей кровью заалелась воля
И где нужна нам братская их помощь.

Мастера вынимают из-за пояса топоры и начинают вырубать в горе ступени. Кое-кто разрывает свою красную одежду и раздает товарищам на знамена.

Принцесса

Вот покрывало красное возьмите!
Не день, не два его я вышивала
И подрубала золотом в неволе,
Когда невольничьи я пела песни,
Минуты светлой долго ожидая.
Теперь пора настала красоваться
Моим узорам.

Строитель

Будем на вершине, —
Твой дар мы водрузим.

Молодой парень
(рубя)

Нет, на вершине
Мы водрузим наш цеховой значок,
На диво людям! А себе на славу!

1-й мастер

Ого! Да ведь его здесь нет у нас.

Молодой парень

Недолго новый вышить.

Принцесса

Кто же тут
Умеет вышивать?

Молодой парень

Да хоть бы вы,
Ясновельможная!

1-й мастер

Ишь, как учтиво
Пастушку величаешь!

Принцесса

Перестаньте,
Теперь уж и почтенье и насмешка
Не для принцессы-босоножки. Знатность
Осталась там,
(показывает на долину)
и не светла уже, —
Замарана, затоптана, забита.
Сияла некогда она вверху,
Да не на радость ни себе, ни людям.
Хоть для нее построена гора,
Но понести за то пришлось мне кару,
Большую кару. Тот, кто не достиг
Вершины, не поймет, как падать страшно;
Кто чистоту не знает хрусталя,
Тот не поймет, как тяжко загрязниться, —
Не так меня тревожит боль, как грязь.

Молодой парень
(1-му мастеру)

Что хочешь говори, а мне вот жаль
Принцессу-босоножку.

1-й мастер

Ясно — краля,
Вот и раскис ты!

Молодой парень

Нет, не в этом дело,
Ее судьба, по правде, необычна...
(Задумывается.)

1-й мастер

Вот черт принес принцессу-замарашку,
Ребята только слюни распускают.

Молодой парень встрепенулся и начал упорно рубить гору.

Молодой парень

Да я тебя в работе обгоню,
Но не сердись, когда я не тебе
И не таким, как ты, пробью дорогу.

1-й мастер

Кому ж тогда? Принцессе, может быть?

Молодой парень

Хотя б и так!

1-й мастер

Зачем она нужна?

Молодой парень

Чтоб вышила нам цеховой значок.
(Принцессе.)
Согласны ли?

Принцесса

От всей души согласна.
В моей светлице спрятано немало
Узоров, шитых серебром и златом,
И кисеи и пряжи, хоть на выбор.
Я и сейчас могу на память вышить
Любой узор на цеховом значке.
Недаром же сидела я на вышке —
Теперь пастушка мастерицей стала.
И если я могу вам пригодиться,
То помогите на гору взобраться.
Самой мне сделать это не под силу:

Немало ран и зримых и незримых
Я получила, падая с горы.

Молодой парень спускается и подает принцессе руку.

Рыцарь

Уходишь? Ты меня бросаешь?

Молодой парень

Рыцарь,
Никто и вам идти не запрещает.

Рыцарь

Бессилен я.

Принцесса

И я бессильна, милый,
Но в душу новая приходит сила
И в сердце просыпается отвага,
Когда я вижу новой жизни свет.
Взгляни, как ожила моя темница,
Холодная и мертвая гора!
Как мак, цветут пурпурные знамена,
И искорки трещат под топорами!
Как весело!

Рыцарь

Недолго веселиться!
Заплакать бы вам скоро не пришлось!

Молодой парень

Тогда мы и заплачем, как придется,
Ну, а пока не будем ждать, идем!

Рыцарь

Я не пойду, и вам идти не надо.
Подумайте, в какой вы путь пустились.
Вы со скотиной сладить не могли,
Что ж будет, если вдруг нагрянет войско?
Ведь вам король, наверно, не простит,
Что вы ему всю гору ископали
И начатую бросили работу
Да за другое дело принялись.

Молодой парень

За это отвечает наш строитель
И все товарищи.

Рыцарь

Но я слыхал,
Что и сама гора растаять может,
Что у нее подножье изо льда.

Принцесса

Когда ж она растает?

Рыцарь

Да весною.

Принцесса

Ты видишь сам, что осень на дворе.

Молодой парень

Скорей мы докопаемся до льда,
Коль там он есть, чем ты весны дождешься.
Когда же докопаемся, увидим,
Что делать нам, его рубить ли дальше,
Иль ждать весны.

Рыцарь

Тогда уж будет поздно!
Открытый лед и осенью растает,
Гора обрушится и нас задавит.

Молодой парень

А что, по-твоему, должны мы делать?
Уйти отсюда свиньям на съеденье?

Рыцарь

Нет, здесь присесть, на первом же уступе,
Здесь безопасно, стаду не добраться, —
И ждать. Не вечно ж будет беспорядок.
Уже идут с собаками подпаски,
Чтоб все устроить, приготовить стойла
И стадо в них загнать.

Молодой парень

Опять назад!
Опять зараза, грязь и нечистоты!

Рыцарь

Проветрилось уже за это время;
Быть может, скоро хлевы все разрушат.
К тому ведь шло... Пожалуй, я виновен,
Что дело до конца не довели.
Сначала я, а там и вы, конечно,
Испортили все дело.

1-й мастер

Вот-те на!
Мы «дело все испортили»! Ну, рыцарь,
Жалею я, что я тебя не отдал
Той бабе. Славная была бы пара!

Принцесса
(дрожащим голосом рыцарю)

Да что же ты? Чего теперь ты хочешь?
Ужель тебе неволя не постыла?

Рыцарь

Постыла, оттого-то и боюсь,
И впредь уже я снова не отважусь
Пойти на легкомысленный поступок.
Я думаю, что наш король не зверь
И что увечных он не покарает.
И ты и я — мы оба пострадали.
На что же мы ему? Он нас простит.

Принцесса

А мастеров?

Рыцарь

Их? Может быть, простит!
(Совсем тихо, смущенно, но с обожанием глядя в глаза принцессе.)
И, наконец, что нам до них теперь?
Устали мы...

Молодой парень

Так пропадай один!
И нам теперь нет дела до тебя,
Ничтожество! Ты должен быть доволен,
Что мастера лежачего не бьют.
А то б я первый...
(Плюет и поворачивается к принцессе.)
На гору пойдем!

Принцесса

Одну минуту! Ты не знаешь, парень,
Как трудно *так* с любимым расставаться.
(Рыцарю.)
Скажи мне, рыцарь, друг мой, что с тобою?
Душа ль разбита, сердце ли мертво?
Где речи пылкие, где та отвага,
Которыми меня ты чаровал?
Гремело слово, как поток весенний,
Как божий гром с небес...

Рыцарь
(мрачно)

Все миновало!

Принцесса

Светила мысль, как яркая зарница;
Как утренняя звездочка во мгле,
Горела радостно.

Рыцарь
(мрачно)

Все миновало!

Принцесса

Отвага в сердце рдела, словно пламень,
Ей не были страшны крутые горы,
Ущелья, пропасти...

Рыцарь

Все миновало
И не вернется... Я устал смертельно.

Молодой парень

Ты, ты устал? А от какой работы?

Рыцарь

Ох, без работы больше устают.
Не знаешь, парень, как томит неволя.

Принцесса

Я знаю, друг, но знаю я и то,
Что соколов подрезанные крылья
На воле отрастают.

Рыцарь

Вот беда!
Не сокол я, иль, может быть, неволя
Сожгла мне крылья, — чувствую душой,
Я чувствую, что им не отрасти.

Принцесса

Недавно все-таки они парили
Так широко.

Рыцарь

То был порыв последний,
Он показал — нет крыльев у меня.
Была мечта лишь и самообман,
Как будто я носил их за плечами,
И... слушай... признаюсь я, не отвага —
Отчаянье вело меня вперед.
Казалось мне, что нет уже возврата,
Хоть я и знал, что нету и спасенья.

Принцесса

Неправда, нет, ты на себя клевещешь,
Тогда ты так не думал, а *теперь*
Чернит тебя предательская память.

Рыцарь

Возможно... Все ж... поверь ты мне теперь,
Что я устал смертельно. Тот порыв
Увлек мою заржавленную душу,

Ее неволя ржавчиной покрыла,
Что ж увлекло — отчаянье, геройство, —
Сама реши!

Принцесса молчит, и слезы выступают у нее на глазах.

Молодой парень
(тихо)

Пойдем!

Принцесса
(рыцарю, умоляя)

Пойдем, любимый!

Рыцарь

Нет, не пойду!

Принцесса
(рыдая)

Прощай!

(Поворачивается, чтоб идти, парень берет ее за руку.)

Рыцарь
(неожиданно с бессильной злобой)

Ах ты, злодейка!
Бесстыдница! Меняешь, как перчатки,
Ты женихов! Был рыцарь, был король,
А раньше всех пастух был или конюх,
А кто теперь? Не парень ли кудрявый?
Ну, мастер, поздравляю! Не надолго!

Молодой парень
(подымая обломок хрусталя)

Не вытерплю и череп раскрою!

Принцесса
(удерживая его за руку)

Постой, лежачего не бьют! Мой рыцарь,
Благодарю за дерзкие слова, —
Теперь тебя не трудно мне покинуть,

Ты будешь вновь и крепким и здоровым,
Но для меня ты умер. Я сегодня
Похоронила друга. Может быть,
Врага я завтра встречу Будь здоров.

(Парню.)

Идем! Пора! Напрасно тратишь время,
Смотри — вперед товарищи ушли.

Молодой парень

Я нагоню.

(Рубит.)

Скажите нам, строитель,
А скоро ли мы будем на горе?

Строитель

Какой ты прыткий! Нет, еще не скоро,
Длинней осенней сказки это дело.

Принцесса

Зато оно окончится весною.

Рыцарь
(мрачно, сидя неподвижно на низком уступе)

А после осени зима настанет.

Строитель

Но и зиме на свете есть конец

Конец, может быть, когда-нибудь будет.

Тифлис,
25. I. 1905 г.

В КАТАКОМБАХ

Драматическая поэма

I

Катакомбы близ Рима. В подземелье, слабо освещенном маслеными плошками и тонкими восковыми свечами, собралась небольшая христианская община. Епископ кончает проповедь. Слушатели и слушательницы стоят набожно, покорно и тихо.

Епископ

Восславим, братья, господа Христа.
Что посадил с собою одесную
Замученного брата Хариклея.

Хор

На небе слава господу Христу,
Что от земных оков освобождает,
Что из тюрьмы грехов выводит души
К престолу света вечного.

Диакон

Аминь.

Епископ

Наш брат был у язычника рабом.
Он ныне раб господень, раб ничей.

Раб-неофит

Господень раб? Там тоже есть рабы?
А ты мне говорил, что в царстве божьем
Нет ни хозяев, ни рабов!

Епископ

Да, правда!
Мы все равны пред богом.

Раб-неофит

И рабы?

Епископ

Рабы *господни,* брат мой, не забудь!
Сказал Христос: мое не горько иго,
Не тяжко бремя. Понимаешь?

Раб-неофит
(после тяжелого раздумья)

Нет.
Не в силах. Этих слов не понимаю.

Рабыня-христианка
(внезапно прорицает в беспамятстве)

Уже легла у дерева секира!..
«Я ввергну древо срубленное в пламя», —
Сказал господь!.. Приди, приди, приди,
Исус, сын божий! Преклонилась долу
Твоя пшеница, — ждет она серпа...
Доколе, господи?.. Рахиль рыдает,
Нет у нее детей...

Бессвязная речь переходит в исступленное бормотание. Некоторые женщины тоже начинают плакать. Не выдерживает кое-кто и из мужчин.

Епископ
(властно и громко)

Прочь, сатана!
Ты здесь бессилен.
(Подходит к пророчице, бьющейся в судорогах, и кладет руку ей на голову.)
Дочь моя, да будут
Тебе защитой вера и молитва
От наваждений дьявола.

Постепенно под его взглядом женщина стихает и бессильно склоняется на руки подруг, поддерживающих ее.

Христианка
(одна из тех, кто поддерживает пророчицу, робко отзывается)

Вчера,
Святой отец, ее ребенка продал
Хозяин греку из Коринфа...

Епископ

Смолкни!
Апостол нам на благо заповедал:
«Пусть женщина на сборищах молчит».

Между тем пророчицу уводят. Молчание.

Раб-неофит
(подходит к епископу; голос его дрожит, но полон отчаянной решимости)

Прости, отец, но я не понимаю,
Как это может быть не горьким иго
И легким то, что тяжело?

Епископ

Мой сын,
Когда ты добровольно склонишь выю
В ярмо христово, сладостно то будет
Душе твоей; когда захочешь сам
Взять крест на рамена, ужели тяжек
Покажется тебе он?

Раб-неофит

Но зачем же
В ярмо нам добровольно запрягаться
И крест носить по своему желанью,
Когда и так замучила неволя?
Так натрудили душу и загривок
Кресты и ярма нам, — терпенья нет!
Не для того пришел я в вашу церковь,
Чтоб новый крест или ярмо найти.
Нет, я пришел сюда найти свободу
По слову: несть раба — несть господина.

Епископ

И ты найдешь свободу эту, сын мой,
Как только встанешь под ярмо христово.
Равны рабы господни меж собою.
Свой путь мирской ты под ярмом пройдешь
И в царство божье внидешь. В оном царстве
Иных владык не будет, кроме бога,
Отца всевышнего. Твоя гордыня
Сравнилась бы с гордыней сатанинской,
Когда бы ты отцовой божьей власти
Не признавал.

Раб-неофит

Святой отец, помилуй,
Какая у раба еще гордыня!
Пусть будет так, пускай отец всевышний
Царит над нами! Но когда ж настанет
То царство божье? Где его искать?
Тот говорит: на небе царство божье,
А этот: на земле...

(Страстно ждет ответа, глядя на епископа.)

Епископ

Прав тот и этот.

Раб-неофит

Но где же на земле оно?

Епископ

Вот здесь.

Раб-неофит

Как, в Риме?

Епископ

В нашей церкви.

Раб-неофит

В катакомбах?

Епископ

Не говори «вон тут» иль «где-то там».
Оно везде, где бог в смиренных душах.

Раб-неофит

Когда ж он будет в душах всех людей?

Епископ

Тогда, когда Христос сойдет на землю
С небес еще раз.

Раб-неофит
(грустно)

Брат один сказал,
Что миновать должно тысячелетье
До нового пришествия христова...

Епископ

Он еретик. Никто из нас не знает
Ни дня, ни часу...

Раб-неофит
(радостно перебивает)

Значит, царство божье
Начаться может каждый день и час?

Епископ

Конечно, да.

Раб-неофит задумывается и снова мрачнеет.

Что загрустил ты, сын мой?

Раб-неофит

Я думаю... ты говоришь, что здесь
Меж нами царство божье... Почему же
Меж нами есть патриции, плебеи,
Да и рабы?

(Оглядывает собравшихся, многие из них потупились.)

Христианин-патриций
(выступает несколько вперед)

Душа твоя, мой брат,
Смущается напрасно. Я — патриций,
А он — мой раб.
(Показывает на старика.)
Но то мирское дело,
А пред всевышним оба мы как братья.

Раб-неофит
(старому рабу)

Ты раб ему для видимости только?

Раб-старик

Нет, господину верно и смиренно
Служу я не за страх, но и за совесть,
Как бог велел.

Раб-неофит

Но если вы равны,
Зачем же ты служить ему обязан?

Раб-старик

По божьей воле он рожден владыкой,
А я рабом.

Раб-неофит

Есть, значит, в царстве божьем
Владыки и рабы?

Раб-старик молчит.

Патриций

Он здесь не раб.
Я ноги здесь ему согласен вымыть.
Вкушали мы христову плоть и кровь
С ним рядом, за одним столом.

Раб-неофит
(старому рабу)

А дома
Вы тоже за одним столом едите?

Раб-старик

Нет, этого, мой брат, совсем не нужно.

Раб-неофит

А почему?

Раб-старик

Да так... Неподобает...

Епископ
(рабу-неофиту)

Не искушай его. Он духом прост.
А царство божье для таких ведь близко.
Кто терпит все смиренно, те блаженны.
Им все равно, как их зовут в миру —
Рабы или владыки.

Раб-неофит

Нет, отец мой,
Не все равно!
(С порывом.)
Когда бы ты услышал,
Как плакало вчера мое дитя,
Покорный этот, тихий наш младенец,
До вечера без молока оставшись, —
На оргии прислуживала мать,
И даже забежать не удалось ей,
Чтоб покормить ребенка. И теперь
Ребенок захворал, но и заплакать
Жена не смеет: господин не любит
Слез на глазах рабынь своих красивых.

Епископ

Не надо плакать, если б и скончался
Ребенок ваш. Ему большое счастье
На небе уготовано.

Раб-неофит

А детям
Господским разве меньше будет счастья,
Когда в невинном возрасте умрут?

Епископ
(несколько смущенный)

Невинные пред господом равны.

Раб-неофит
(мрачно)

Двойное счастье у детей господских:
Один раз на земле, второй на небе...

Раб-старик

Брат, не завидуй, не губи души,
Не загрязняй ее святыни чистой.
Хозяин твой язычник пусть глумится
(А христианам это не пристало), —
Он вашей чистоты не оскорбит,
Пока жена и ты смиренны духом.

Раб-неофит

Эй ты, старик, не жги словами сердце!
Прости, но знаешь... вымолвить мне стыдно.
Да что там стыд рабу!.. Скажу всю правду:
В чем «чистота» или «смиренье духа»?
Душа воспалена, когда я вижу,
Как с оргии порой жена приходит
В угаре пьяном и с огнем в глазах
От непристойных песен. В косах свежий
Венок цветущий, — кажется, что ярче
Пылает он в жилище нашем грязном...
Жена спешит господскую тунику
Скорей сменить на рабские лохмотья,
Чтоб в нашей «чистоте» не замараться.
И у жены не раз в минуты эти
Я слезы видел... К роскоши привычка,
Как ржавчина, ей разъедает сердце.
Ей тяжело без роскоши... И я
Не мог не бить ее за эти слезы,
Хотя и знал я, что еще противней
Ей станет бедный дом наш...

Патриций

Слушай, брат,
Ты обратил бы лучше в нашу веру

Жену свою, — расстались бы не плача
Она с мирским весельем.

Раб-неофит

Господин,
Иль брат мой, как здесь принято, — ты знаешь,
Что обращать жену в другую веру
Я не решаюсь. Пусть уж лучше плачет
О чистых платьях и домах господских,
Чем станет слезы лить о чистоте
Души своей и тела. Так иль этак,
Ей все равно спасенье недоступно.
Что в ней изменится, когда узнает
Про грех и святость? Лучше пусть не знает!

Епископ

Кто не по воле согрешил, невинен.

Раб-неофит

А мы, рабы, и сами ведь не знаем,
Что делаем невольно, что по воле.
Грех или нет, а мука остается.
Признаться трудно... Я не знаю сам,
Мой ли ребенок, иль господский отпрыск.
А может быть, — отцом был кто-то третий...
Да и жена не знает... И люблю я
Ребенка, но, бывает, ненавижу...

Старуха

Грех ненавидеть, ведь дитя невинно.
(Посмотрев на епископа, замолчала.)

Епископ

И женщина порою скажет мудро.

Молодая, изможденная, бедно одетая женщина шепчет что-то на ухо почтенной вдове-диакониссе.

Диакониссa
(епископу)

Дозволишь ли сказать, честной отец?

Епископ

Да, но короче.

Диаконисса
(показывает на молодую женщину)

Юная сестра
Желает оказать услугу брату.
(Показывает на раба-неофита.)

Епископ

Но чем же?

Диаконисса

Просит, чтобы его жена
Ребенка заносила к ней в то утро,
Когда на оргию служить уходит.
Сестра сама ребенка кормит грудью
И молоком поделится охотно;
Она старательно за ним присмотрит.

Епископ
(молодой женщине)

Благое дело, дочь моя, пред богом.

Молодая женщина покорно склоняет голову.

Диаконисса
(рабу-неофиту)

Жене скажи, чтоб принесла ребенка
На Малый Форум. Пусть она отыщет
Дом Деодата плотника и с верой
Отдаст дитя сестре Анцилодее
И может быть спокойна за присмотр.

Анцилодея
(молодая женщина, тихо говорит рабу-неофиту)

Ты мне окажешь милость, добрый брат!

Раб-неофит
(смущенно)

Благодарю, сестра!

Патриций

Я дам тебе
Немного из одежды, хоть не новой,
Поношенной рабынями, но чистой.
Мы выдаем так щедро, что излишком
С твоей женою могут поделиться.
Ваш господин, как видно, не из щедрых.

Раб-неофит
(сдержанно)

Спасибо, господин!

Епископ
(поправляет)

Твой брат...

Раб-неофит
(равнодушно)

Пускай!

Купец-христианин

Жена, сказал ты, любит чистоту,
А в доме грязь. Придешь ко мне ты в лавку.
Я мыла дам бесплатно. Господин ваш
Для вас жалеет мыла.

Раб-неофит
(едва скрывает насмешку)

Видно, так...

Диакон-старик

Ты, верно, часто голоден бываешь.
Язычники не слишком сытно кормят
Рабов своих. Так можешь приходить
По воскресеньям на агапы наши, —
Так называются у нас обеды
Для бедняков. Получишь пищу, брат мой,
Для тела и для духа, ибо часто
По окончании трапезы нашей
Епископ и старейшие приходят

Христовой плоти с нами причаститься,
Подать нам благочестия пример
И ноги братьям вымыть. Приходи же
Ко мне на крытый двор. Я маслодел.
Зовусь Агатофилом. Возле терм
Мое жилье. Тебе покажет каждый,
Где проживает «тот чудак-богач,
Что любит угощать всю голытьбу», —
Так обо мне язычники болтают.

Раб-неофит

(ничего не отвечает диакону и некоторое время стоит молча, схватившись за голову)

Вот до чего я дожил! Стыд и горе,
Что смолоду, как нищий, побираюсь!
Кого же мне проклясть? Отца ль родного,
Что продал за долги меня в неволю,
Иль те долги, иль богача того,
Торгующего душами людскими?
Иль день, когда на свет я родился?

Епископ

Одумайся, несчастный! Успокойся
И отгони от сердца злобный голос
Гордыни, ибо это смертный грех, —
Твои проклятья, да еще в то время,
Когда так щедро братья предлагают
Свою благую помощь.

Раб-неофит

Помощь, помощь!
Она пронзила сердце мне насквозь.
Взгляни на эту женщину больную!
(Показывает на Анцилодею.)
Сама в нужде, куда уж помогать!
Сама, как тень. Моя жена здорова
И молода. И только сын мой бедный,
Как сирота, без молока остался.
Чужую грудь придется взять младенцу,
Не то умрет, пока родная мать
На оргиях прислуживает пьяным.

А мне придется нищие обноски
Сбирать с рабов по тряпке для рабыни,
Для женщины, что с горя загуляла.
Ведь некогда и прясть рукам здоровым.
Нет времени, — ведь что ни день, то праздник.
Ты говоришь: грешны мои проклятья,
А то не грех — голодных объедать
И голых обирать? Да и кого же?
Работников, рабов, своих же братьев...

Диакон

У нас дают и бедный и богатый.

Раб-неофит

Да, я забыл, что раздобуду мыло
У брата-торгаша совсем бесплатно,
Чтобы слегка прикрасить рабский облик,
Чтобы не так уже глаза колол он
Богатым братьям в царстве вашем божьем.
А то еще придет наш бедный брат
Хотя бы раз в неделю на агапу,
Разложит грязные свои лохмотья
На мрамор рядом с белою туникой
И тогой вышитой.

(Патрицию.)

Благодари
Товарища за даровое мыло,
Ведь, может быть, захочешь вымыть ноги
Мне ради христианского братанья, —
Пускай хотя бы выглядят почище.
Я дома их чуть-чуть обмою мылом,
Честь окажу патрицианским ручкам.

Патриций вспыхивает, но сдерживается и только посматривает на епископа.

Епископ
(еще тихо, сдержанно, но сурово)

Какой злой дух тебе смущает сердце?
За что ты братьев собственных поносишь
Обидными и едкими словами?

Чем провинились мы, что против братьев
Имеешь ты?

Раб-неофит

Я с жалобой пришел,
С великой жалобой. Я был рабом,
Невольником. Я продан был в неволю,
Насильно был захвачен. А теперь
Меня вы нищим сделать захотели,
Чтобы спокойно руку я тянул
За коркой хлеба. Вы мне навалили
Сверх горького ярма — другое, слаще,
Сверх тяжкого — другое, чуть полегче.
И вы хотите, чтобы вам я верил,
Как будто легче станет мне от веры.

Епископ

Мы искренно с тобою говорили,
По слову божьему.

Раб-неофит

А я не верю
Ни искренности вашей, ни словам.
А если искренно помочь хотите, —
Вот ваш алтарь, там много серебра
И золота. Взамен агап могли бы
Вы из неволи выкупать рабов.
(Патрицию.)
Ты, господин, и даром отпустил бы.
А мы тогда добудем сами хлеба,
Сошьем одежду...

Епископ

Кто такие мы?
Как изменить посмеем волю божью —
Кому рабом, кому свободным быть?
О чем печешься? «Не единым хлебом
Жив человек, но так же всяким словом,
Из божьих уст услышанным».

Раб-неофит

Но мало
Мне слов и хлеба. Мне нужна свобода,
А иначе не жизнь, а прозябанье.
Я потому и с жалобой явился,
Что вы, взамен той жизни и свободы
Обетованной людям в царстве божьем,
Даете пищу, платье и слова.

Епископ

Не все слова равны друг другу, сын мой.
Слова господни нам спасают душу,
А не дела людские.

Раб-неофит

Где ж они?
«Терпи да покоряйся», — я услышал
От вас сегодня. Именно они
Спасают наши души? И за них
Идут на крест, на казни, на мученья,
На растерзанье в цирках христиане?

Епископ

Идут с великим словом на устах,
Которого людской бессильной речью
Не передашь.

Раб-неофит

Какое ж это слово?

Епископ

То слово — бог. Он альфа и омега,
Начало и конец. Им мир наш создан,
Им все живет. Иных же во вселенной
Богов не существует, кроме бога.
Бог — это слово, это жизнь и сила.
А те, что некогда звались богами
В язычестве, то идолы слепые
Иль злые духи, слуги князя тьмы.
За то и мучат нас и распинают,

Что не хотим мы идолам служить,
Что князя тьмы не почитаем богом,
Что ходим не во мраке, а в сиянье.

Раб-неофит
(страстно подхватив последние слова)

«Что ходите не в мраке, а в сиянье», —
И, значит, послушанье и терпенье,
Как маску мима, вы с лица сорвали,
Не служите, не слушаетесь кротко
Того, чьей власти не признали души,
С кем вам велит бороться ваша совесть?
Я верно понял речь твою, отец мой?

Епископ

Да, лишь одно мне следует прибавить:
Бороться послушаньем и терпеньем.

Раб-неофит
(упавшим голосом)

Я снова ничего не понимаю.
Бороться послушаньем, — как же это?

Епископ

Мы с духом боремся, а не с людьми.
Мы подати беспрекословно платим,
Мы цезаря смиренно почитаем,
Не восстаем ни действием, ни словом
Против земных властей. Но князю тьмы
Ни жертв, ни преклонений не справляем.

Раб-неофит

А кто же этот цезарь, эти власти,
Да разве же не слуги слуг того,
Кто вами наречен был князем тьмы?

Епископ

Да, если служат идолам. В ином же —
Начальники, поставленные богом.

Раб-неофит

Каким же это богом?

Епископ

Бог единый
На небеси, бог слово, бог любовь,
Господь наш, бог отец, бог сын, бог дух.

Раб-неофит

Так это он нам цезаря поставил,
Патрициев дал и преторианцев
И поднял над рабами богачей?

Епископ

«Нет в мире власти, аще не от бога».
Господь наш бог, предвечный наш владыка
Над прочими владыками земными.
Они в его руке. И он карает
Владык неправедных, отнюдь не мы.
«Отмщенье мне, и аз воздам», сказал он.

Раб-неофит

Когда ж случится это?

Епископ

Кто постигнет
Пути господни?

Раб-неофит

Может быть, когда
Наступит во вселенной божье царство,
Когда Христос придет вторично к людям?

Епископ

Тогда, мы верим, будет божий суд.

Раб-неофит

А что потом?

Епископ

Едино будет стадо,
Единый пастырь.

Раб-неофит

А при нем не будет
Помещиков, наместников господних,
Неправедных начальников над нами?
Тогда уже не будут больше люди
Свободны в мыслях и рабы телесно?

Епископ

Не знаю, не дано обетованья
Ни от Христа, ни от его посланцев.

Раб-неофит

Ах, вот как! Так пускай не наступает
То царство божье и вовеки!

Раб-старик
(в невыразимом ужасе)

Боже!
Спаси нас от греха! Что говорит он!

Вся христианская община выражает возмущение; отдельных слов не слышно, но говор и гул нарастают, как волны, наполняя все подземелье, и отголоски достигают темных переходов катакомб.

Епископ
(поднимает руку вверх, громко)

Мир, братья, вам!
(Рабу-неофиту.)
Покайся, нечестивец!
Назад возьми безумные слова.
Тебе на том придется свете горше,
Чем было в жизни. Кто на этом свете
Не хочет царства божьего дождаться,
Утратит царство божье и на небе,
Он будет ввергнут в лютую геенну,
Там пламень негасимый, плач и скрежет,
Там точит червь бунтующее сердце.

Раб-неофит
(страстно)
Нет, не покаюсь. Ты, отец, напрасно
Геенною страшишь меня. Я вижу
Геенну ежечасно, ежедневно,
Со мною рядом слышу плач и скрежет,
И точит червь мне сердце до сих пор.
Тот лютый червь привел меня и к вам
Искать свободы, правды и надежды.
А что я здесь нашел? Слова пустые
Да тщетные мечты о божьем царстве
И о царе царей в трех ипостасях,
Который над владыками владычит
И им дает владычествовать нами
Отныне до пришествия второго,
А может, и потом, и после смерти,
Там, в небесах, в грядущем царстве божьем
Жизнь временную вечная продолжит.
Придется, может быть, бесплотным душам
Бороться «послушаньем и терпеньем»,
И рабская душа
(показывает на раба-старика)
не перестанет
Служить смиренно, не за страх, за совесть
Душе патрицианской всемогущей,
Он
(на торговца)
взвесит на весах добро и зло
И чистоту разделит по крупице.
Тот
(на диакона)
раз в неделю будет угощать
Духовной пищей голых и голодных,
Таких, как мы. А мы-то, бедняки,
Стоять мы будем тихо и покорно,
Как нищие стоят пред господином,
Пока нам знак подаст отец епископ
Или хоть слово вымолвить позволит,
А может быть, велит пропеть осанну
Царю царей, всевышнему отцу,
Владыке всех рабов своих небесных.

Нет, право же, не лучше ли гореть
В геенне лютой до скончанья века,
Чем оставаться в рабстве беспросветном,
Откуда смерть освободить не может.

Епископ

(уже несколько раз пытался прервать эту речь и стучал посохом, гневно и грозно заглушает голос раба-неофита)

Прочь! Уходи от нас, исчадье тьмы!
Оставь собранье! Для чего ты здесь
Общину христианскую смущаешь?
В нору сокройся, отпрыск злой ехидны,
Откуда вылез на погибель душам!

Раб-неофит

О нет! Ты прогонять меня не смеешь!
Я к вам пришел по слову твоему,
Поверив обещаньям вероломным,
Что будто бы найду любовь и мир.
Вы отняли навеки у меня
Последний мир, последнюю любовь
Навеки отравили. И теперь
В душе моей пустыня. Я не знал,
Что значит грех, я знал одно несчастье.
Вы научили, что такое грех,
Бесчестье перед богом. Я-то верил,
Что смертию кончаются все муки.
А вы передо мной открыли вечность
Мучений адских за проступок легкий.
Так подарите же теперь защиту
И от бесчисленных грехов тяжелых.
Вы ближнего любить меня учили, —
Так научите защищать его!
А не любуйтесь, опустивши руки,
Как в тяжком рабстве погибают братья.
Все ваше милосердье — как заплата
На вретище дырявом и гнилом, —
И оттого еще заметней бедность.
Или чужого молока довольно
Ребенку вместо материнской ласки?

Иль чистая туника даст, как прежде,
Жене моей былую чистоту?
Иль я забуду на собранье вашем
Позор и горе моего жилища?
Не хлеба я прошу у вас, не слова,
Но жадно жду любви неоскверненной,
Без зависти, без подлых помышлений,
К надежде ясной сердцем порываюсь,
Хоть издалека увидать свободу,
Чтобы мой сын, мой внук, мой дальний правнук
Дождался дня, когда само названье,
Позорное названье «раб» исчезнет.
Хочу уверовать в святую силу,
Что просветит и самый темный разум,
Сберет людей в свободную общину,
Без пастыря, без сторожа-владыки,
Не в стадо с пастухом своекорыстным,
С овчарками, трясущееся вечно
От воя львов, волков, лисиц, шакалов,
Гиен и прочих хищников коварных.
Не я один томлюсь духовной жаждой,
Не я один изголодался сердцем.
Немало нас таких. Мне говорил
Один товарищ, раб, что здесь, за Тибром,
Недалеко от гнилостной мареммы,
Восставшие рабы разбили лагерь.
Они решили разорвать оковы
И сбросить с шеи вековое иго.

Патриций

Ты думаешь, они надолго сбросят?

Раб-неофит

Хотя б на миг, а постараться стоит!
Я среди вас на вечную свободу
Рассчитывал. Но, видно, и на миг
Вы «легкого ярма» не в силах сбросить.
Так лучше не печалиться о *вечном,*
На *временном* пока остановиться,
Взамен агап — на оргии кровавой.

Патриций

Скажи уж — на позорной крестной казни!

Раб-неофит

Эй, христиане! А с какой поры
У вас позорной эта казнь зовется?
Зачем же вы пугаете крестом?
Ведь и Мессия ваш не устыдился
Висеть с двумя разбойниками рядом
На том кресте.

Патриций

Он освящает крест,
А не разбойники. Он спас их души,
А не они его...

Раб-неофит

Ого! Да так ли?
А может, он и не царил бы в небе,
Над душами людскими не владычил,
Когда бы эта кровь не проливалась
Разбойников, восставших и мятежных,
На страх рабам и всем, кто «духом прост»?
А может, «послушанье и терпенье»
С лица земли давным-давно б исчезли,
Когда бы призрак этих двух распятых
Разбойников кровавых не страшил нас
Угрозою погибели напрасной!

Молодой христианин

Кто терпит и покорен, не страшится
Идти на смерть во имя сына божья,
За всех за нас распятого.

Раб-неофит

Так, значит,
Он был распят, чтоб распинали нас?
Так где ж оно, в чем искупленье было
Вселенского греха, когда и ныне
Кровавое творится искупленье?

Епископ

Грех искуплен на небе. Не от мира
Сего господне царство. Смертно тело.
Душа блаженна присно и вовеки.
Спаситель отдал кровь и плоть свою
Насытить верных. А таким ничтожным
Рабам, как ты, совсем не пригодился
Тот дар святой, и гибнет он напрасно.

Раб-неофит

А разве мало гибли мы напрасно,
Закланные пред идолом неправым,
Да и доныне гибнем за царя,
Нам присудившего навеки рабство?
Кто смерил путь, уставленный крестами,
Рабами, нами пройденный в веках?
Кто взвесил кровь, что и досель не пала
На палачей и снова отягчает
Потомков тех замученных героев?
По этой крови, как по багрянице,
Разостланной для цезарских триумфов,
Прошла богов бесчисленных фаланга
С земли на небо. Сколько же ей стлаться,
Чтоб шли и шли бесплотные тираны,
Чтоб мертвенные, призрачные боги
Бесценный пурпур крови попирали?
Своей же крови я не дам и капли
За кровь Христову. Если это правда,
Что был он богом, пусть хоть раз прольется
Напрасно божья кровь и за людей.
Мне все равно, один ли бог на небе,
Три бога, или триста, хоть мирьяды, —
Ни за какого гибнуть не хочу:
Ни за царя в незнаемом Эдеме,
Ни за тиранов на горе Олимпе.
Ни у кого не буду я рабом —
С меня довольно рабства в этой жизни.
Я честь воздам титану Прометею.
Своих сынов не делал он рабами,
Он просветил не словом, а огнем,
Он мятежом боролся — не покорством,

Не трое суток мучился, а вечно,
И все же не назвал отцом тирана,
Но деспотом вселенским заклеймил,
Предвозвещая всем богам погибель.
Я вслед за ним пойду. Но я погибну
Не за него, — не требует он жертвы, —
Но лишь за то, за что и он страдал.
Пусть никого мой крест не ужаснет.
И если только запылает в сердце
Святой огонь и хоть короткий миг
Я проживу не как несчастный раб,
А вольный, непокорный, богоравный, —
Тогда и на смерть весело пойду,
Тогда без жалоб на кресте погибну.

Внезапно Анцилодея разражается безудержными рыданиями.

Раб-неофит
(ласково)

О чем, сестра? Что так тебя смутило?
Иль это я обидел дерзким словом?

Анцилодея

Нет, брат... ты не обидел... только грустно...
Мне жаль тебя... Наверно, ты погибнешь.

Епископ

Не плачь. Лукавый раб не стоит слез.
Он поклонился духом Прометею,
А это сатана, предвечный змий,
Что искушал на грех и непокорность.
Рабу такому нет у нас прощенья,
Нет благодати. Он уже погиб.
Оставим нечестивца. Отречемся.
Уйдем от зла и благо сотворим!

Раб-неофит

Я встану за свободу против рабства,
Я выступлю за правду против вас.

Вся община двинулась со свечами в руках. Епископ впереди. Раб-неофит уходит один, другим переходом, в другую сторону.

4. X. 1905 г.

В ДОМУ ТРУДА, В КРАЮ НЕВОЛИ

Диалог

Просторная, залитая полуденным солнечным светом площадь на окраине Мемфиса; на западе она переходит в настоящую пустыню, покрытую песком, над которым колеблется раскаленный воздух; на восток от нее начинаются заросли папируса и лотоса, покрывающие болота, которые остались от весеннего разлива Нила. Посреди площади высится огромная постройка, еще не законченная: колонны, пока еще без капителей, но стоящие в строгом порядке, стены с пестрыми фресками, еще покрытые сеткою вспомогательных линий, гигантские статуи богов с незаконченными эмблемами на головах, а некоторые и совсем еще без голов. Толпы рабочих трудятся возле постройки: кто лепит кирпичи, кто носит ил и воду для них из болотистых зарослей, прочие под надзором архитектора заканчивают колонны, укладывают первые венцы кровли, скульпторы и живописцы трудятся над фресками и статуями. Но работа идет все медленнее, становится вялой, полуденный зной угнетает всех — и рабов и надсмотрщиков.

Старший надсмотрщик
(взглянув на солнечные часы перед статуей бога Ра)

Ложитесь! Полдень! Отдыхать пора!

Рабочие бросают работу, и каждый ложится там, где стоял. Некоторые ищут тень, кое-кто достает еду и подкрепляется, но больше таких, которые падают, как мертвые, ничком или навзничь и засыпают на горячем песке, на камнях, на самом краю стены, среди плит между колоннами, на коленях у колоссальных богов; солнце сияет на потных лбах, одежда словно пылает в горячих лучах, — но рабы ничего не чувствуют, они спят тяжелым сном, часто, неровно дыша.

Раб-еврей

(тощий, узкогрудый, обессиленный, в грязной заскорузлой от ила одежде, к которой присохли водоросли. Нетерпеливо ложится, прислонив голову к теневой стороне каменной плиты. Он почти без сознания, голос у него хриплый, усталый)

О боже сил! Ужель я не засну?
Спать! Только спать, хотя б одно мгновенье,
А то не выдержу! О боже мести!

Раб-египтянин

(одежда его вымазана красками, но никакой другой грязи на ней незаметно; он тощ, как и еврей, но его тонкий сухощавый стан плечист и кажется выкованным из красной меди; в нем чувствуется скрытая упорная сила, нечеловеческая выносливость. Он сидит на большом пальце ноги колоссального Озириса и ест сухую лепешку с чесноком, запивая водою из глиняного кувшина. Его продолговатые прищуренные глаза с добродушной насмешкой смотрят на еврея. Он обращается к еврею тонким, слегка скрипучим голосом)

Какая месть? Что ты плетешь? Кому ты
Собираешься отмстить? За что? Зачем?
Вот не болтал бы, так давно б заснул...
Ты, может, хочешь есть?

Еврей

(раздраженно)

Отстань!

(Помолчав, еще раздраженнее.)

Так, значит,
Ты хочешь знать, кому, за что отмстить?
Иль ты не жаришься на солнцепеке
С утра до вечера? Иль не болит спина?
Иль голову не ломит? Ты хрустальный?
Ты медный? Камень ты иль человек?
Тебе еще не так мараться в красках
Наскучило, как мне в болоте?

Египтянин

Стой!
Ты словно нильский паводок! Словами
Меня зальешь. Я, право, утону!

Ну, зной, — так это ж лето! Ну, усталость,
Ну, краски, ну, болото, — что ж такого?
На то работа.

Еврей
(вскакивает и бьет себя в грудь)

Для чего работа?
Зачем? Кто здесь в проклятом этом крае
Нам даст ответ, зачем нас истязают?
Ну, был бы это дом, или дворец,
Иль хоть темница, рига, хлев, конюшня,
А то большая каменная груда,
Вокруг нее столбы и долговязых
Болванов ряд. Скажи, какой в том смысл?

Египтянин

Да это ж храм! Ты что, не знаешь разве?

Еврей

А что за храм? Зачем он?

Египтянин

Ну, а как же?
Богам ведь тоже надобно жилище.

Еврей

Богам? Жилище?
(Показывает на небо и на пустыню.)
Чье это жилище?
Чей это дом? Ответь мне на вопрос!

Египтянин
(спокойно)

Да это ведь не дом и не жилище,
А царство целое, и то, что мы
Сооружаем здесь — дворец в том царстве,
Дом бога Ра, Озириса жилище,
Пристанище скиталицы Изиды,
Опочивальня Фта и люлька Гора,
Хлев Аписа и мастерская Тота;
Анубис, Нейт, Амон здесь будут жить.

Еврей.
(*затыкает уши*)

О боже грома, оглуши меня!
О, хоть бы этих мне имен не слышать!
Горька неволя, но всего в ней горше,
Что я служу чудовищам таким, —
С проклятьями, невольно, но служу!
Хожу в болото грязное за грязью
И душу вывалял свою в грязи.
(*Египтянину.*)
Скажи мне, если бы тебя не гнали
Сюда работать силой, стал бы ты
По доброй воле создавать жилища
Вот этим всем, кого ты тут назвал?

Египтянин

Конечно, стал бы.

Еврей

Значит, для тебя
Неволи нет теперь? И ты не раб?

Египтянин

Ну, как не раб! . . Когда б я господином
Был над самим собой, я б не так
Распределил работу: у меня бы
И отдых дольше был и праздник чаще,
И ел бы я, конечно, повкуснее,
И, ясно, никогда б меня не били! —
Не стены я бы красил, а, наверно,
Учился бы резьбе, архитектуре.
Все по-другому сделал бы я тут.
(*Показывает рукою в разных направлениях.*)
Ту статую поставил бы я выше,
А эту ниже; и не яркожелтым,
А красным цветом выкрасил бы стену;
Фундамент я бы заложил не так,
Он был бы у меня куда мощнее;
За образец колоннам брал бы чаще
Я лотос, чем папирус. . .

Еврей

Но работы
Не бросил бы?

Египтянин

О нет! Пусть Тот-искусник
Мою разгонит лень! Мы, египтяне,
Здесь трудимся не только поневоле,
Но также и по собственной охоте.
Не раз мне думалось, что я б работал
Гораздо лучше, если б вольным был,
Как, например, наш главный архитектор.
Вот счастье — так пожить, как он живет! . .
(Ложится поудобней на выступе сандалии Озириса и, закрыв глаза, мечтает вслух.)
Э, нет, не так! . . Не так, как архитектор, —
Он все-таки себе не господин:
Сперва прикажет царь, жрецы обсудят,
А он потом построит, что велят.
А я б не так. Я возводил бы храмы
По-своему, я б новые эмблемы
Придумал для богов, да и колонны
Не в этом бы поставил я порядке, —
Я б их объединял по пять, по семь,
Вот так, как пальмы в рощах вырастают. .
Вот это был бы храм! О боги, боги! . .
(Нагибается к еврею и говорит шепотом.)
Я хоронил бы, знаешь, в пирамидах,
Скажу тебе по правде, не царей,
А всех, кто добрые дела творили,
Всех, кто по правде жили. Для того
Пришлось бы, верно, пирамиды больше
И выше строить и переходы в них
Устраивать длиннее, но неважно, —
Они тогда еще прекрасней были б
И не разрушились бы никогда:
Ведь стали бы они совсем, как горы. . .
Я, может, просто гору обтесал бы,
Пробил бы переходов в ней без счета,

Поставил бы так много саркофагов,
Чтоб их на всех хватило мертвецов.
И встала бы такая пирамида,
Какой еще не видел свет! . .

(Смеется и затихает. Некоторое время кажется, что он спит, но немного погодя он спрашивает еврея сонным голосом.)

А ты?
Что бы ты сделал, если б стал свободным?

Еврей

(тоже уже было затихший и лежавший неподвижно, словно в каком-то отупении, сразу вскакивает и резким движением придвигается к самому лицу египтянина. Еще более хриплым, почти беззвучным голосом, полным ярости и злорадства)

Что я бы сделал? Я? Я разломал бы
Все ваши храмы, ваши пирамиды!
Разбил бы ваших каменных болванов!
Всех мертвецов повыкидал бы вон!
Загородил бы Нил и затопил бы
Весь этот край неволи!

Египтянин молча заносит руку и бьет еврея в лицо. Тот с пронзительным криком падает на землю.

Надсмотрщик

(прибегает с палкой)

Что за крик?
Что это, а? Проклятые рабы!
Ни сна, ни отдыха не знаешь с ними!

(Бьет обоих палкой.)

Теперь ступайте оба на работу
Всех раньше! Живо! Вот вам наказанье!

Египтянин

(отходит, берет ведро с краской, кисти, собираясь идти красить стену. Еврею)

Послушай, не сердись ты на меня!
Оно, я знаю, не годится драться,
Но сердце закипело. Я забыл,

Что все же мы товарищи с тобою,
Мы общим заняты с тобой трудом.
Ты уж прости!

Еврей
(отворачивается от него и поднимает грязный ковш для глины. Понуро)

Да что там, так и надо,
Я должен знать, что тут я раб рабов,
Что чужд он мне, весь этот край неволи,
Что у меня товарищей здесь нет.
Я больше не скажу тебе ни слова!

Расходятся — египтянин идет к постройке, еврей к нильскому болоту. Остальные рабы спят.

Киев, 18. X. 1906.

КАССАНДРА

Драматическая поэма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кассандра — дочь троянского царя Приама, пророчица.
Поликсена — ее сестра
Гелен — ее брат, предсказатель и жрец.
Деифоб — второй ее брат, предводитель троянского войска.
Парис — третий брат Кассандры.
Елена — жена спартанского царя Менелая, бежавшая с Парисом в Трою.
Андромаха — жена Гектора, брата Кассандры.
Левке, Хризе, Айтра, Климена, Креуза — рабыни Андромахи.
Старая рабыня Поликсены.
Долон — молодой троянец, прежний жених Кассандры.
Ономай — царь лидийский, сватающий Кассандру.
1, 2, 3, 4 — часовые.
Флейтист.
Кифарист.
Синон — эллин, шпион.
Агамемнон Атрид — царь аргосский, главный предводитель ахейского войска.
Менелай Атрид — его брат, царь спартанский.
Одиссей — царь Итаки.
Диомед, Аякс — рядовые командиры ахейского войска.
Клитемнестра — жена Агамемнона.
Эгист — родственник и наместник Агамемнона.
Троянки, троянцы, горожане, часовые, рабы, рабыни, воины троянские и греческие.

Действие происходит во время греко-троянской войны в Трое. Эпилог — в Элладе.

I

Комната в женской половине дома Приама. Елена сидит на низком резном стуле и прядет пурпурную шерсть на золотой прялке; она пышно одета. на поясе висит круглое серебряное зеркало. Кассандра входит в комнату, задумчивый взгляд ее падает на Елену, словно пронизывает ее и словно видит сквозь нее что-то еще. Кассандра останавливается посреди комнаты и стоит молча.

Елена

Сестрица, радуйся!

Кассандра

И ты, Елена,
Возрадуйся: не сестры мы.

Елена

Я знаю,
Что ненавистна я тебе, как смерть.

Кассандра

И ты и смерть — ведь вы родные сестры.

Елена

Кассандра!

Кассандра

Так зови меня, Елена,
А не сестрой.

Елена
(удивленно)

Нет, я тебя уж больше
Не назову сестрой. Но почему
Себя ты не зовешь сестрою смерти?
Тебе бы это больше шло к лицу.
Вот именно к лицу!

Кассандра

Возьми, Елена,
Вот это зеркало.

Елена

Зачем?

Кассандра

Возьми же.

Елена неохотно повинуется и берет зеркало в руки.

Кассандра
(становится с нею рядом)

Смотри: вот ты и я, — но друг на друга
Мы непохожи.

Елена

Разве непохожи?

Кассандра

Когда бы я была со смертью схожа,
Была б и на тебя похожа.

Елена

Прочь!
Зачем ты смерть напрасно накликаешь?

Кассандра

Так разве же сестра сестре убийца?
Сестра сестре обычно помогает.

Елена

А ты затем пришла ко мне, Кассандра,
Чтоб упрекать? Ну, что же, упрекай.
Вы радуетесь все, когда я плачу.

Кассандра берет из ее рук зеркало и держит перед ее лицом. Елена хмурит брови, но не плачет и не отворачивается. Лицо ее проясняется.

Кассандра

Нет, плакать ты не можешь, как и смерть.
Смотри: твое лицо опять спокойно,
Вновь та же сила у тебя в глазах,
Большая сила — всех ты покоряешь,
Всех смертных и Кассандру вместе с ними.
(Опускает зеркало)
Идешь ты — и с почтеньем пред тобою
Седые люди головы склоняют
И восклицают: «Ты богоподобна!»
Ты глянешь — и мужи вдруг каменеют
И тихо шепчут: «Ты непобедима!»
Ты поцелуешь — сразу взгляд погаснет
У младшего из сыновей Приама,
Волной могучей к сердцу хлынет кровь,
И онемеет сердце вдруг и слово,
Поблекнет память, и лицо поблекнет,
И весь он твой, и для него уж больше
Нет ни отца, ни матери, ни дома,
Ни края отчего... Троянки, плачьте!
Погиб бесславно молодой Парис!

Елена

Что ж, брату своему ты смерть пророчишь?

Кассандра

Он для меня уже давно погиб.

Елена

Жестокая! Я знаю, как с Парисом
Всегда ты враждовала.

Кассандра

Нет, неправда,
Любила я его.

Елена

Зачем же ты
Отца и мать просила, чтоб не брали
Его к себе в тот день, когда пришел он

От бедных пастухов, тех, что его
От страшного пророчества укрыли?

Кассандра

То не было пророчеством, Елена.
Ведь было б только счастьем для Париса,
Когда бы жил он вместе с пастухами.

Елена

Но почему ж, скажи мне, Деифоб,
И Гектор, и Гелен, и братья все,
И сестры все, и ты сама, Кассандра,
Должны в палатах жить, один Парис
Ютиться должен в шалаше пастушьем?

Кассандра

А прозябать в палатах разве лучше,
Как прозябал Парис в твоих хоромах?
И Деифоб, и Гектор, и Гелен
Не прозябают: Деифоб в совете,
А Гектор на войне, Гелен во храме
Живут душой и телом. А Парис?
Он жил тогда, когда играл на дудке
Среди отар. Молчит Парис в совете,
Оружье надевает, словно цепи,
И боги с ним в беседу не вступают.

Елена

С ним Афродита говорит!

Кассандра

О нет!
Он раб ее, кто говорить с ним будет!
Она велит — он слушает, и только.

Елена

Лишь ты одна с богами можешь спорить.
Они тебя за это и карают.

Кассандра

Их сила в каре, а моя — в боренье.

Елена

Ты потому и спорила с Кипридой,
Когда она Париса посылала
Ко мне плыть в Спарту? Что же ты, Кассандра,
Тебя Киприда, видно, победила!

Кассандра

Меня, Елена? Нет, тебя с Парисом.

Елена

Парис послушался, но не тебя.

Кассандра

Глухой не слышит — где же тут победа?

Елена

Да кто ж твои бы разговоры слушал?
Не говорила ты, да и не знала,
Чем кончится все это.

Кассандра

Ничего
Не знаю я, лишь только то, что вижу.

Елена

Да что же видеть ты тогда могла?

Кассандра

Я видела, как юноша красивый
С веселым сердцем на чужбину плыл
Не мудрецом, что послан был народом,
Не воином отважным, не купцом;
И легкодумный лоб в пастушьей шапке
Был не суров — красив. И я сказала:
«Мужи троянские, вы шлемы куйте,
Кладите в них в тройном размере медь!»
А позже... ох, страшна была минута,
Как прибыл он, а с ним и ты, Елена,
И я тогда смертельный поцелуй твой
Увидела...

Елена

Неправда! Нет. Кассандра!
Париса я тогда не целовала.

Кассандра

И все-таки я видела его,
Тот поцелуй, в ту самую минуту,
Когда едва земли коснулась нашей
Твоя, Елена, белая нога
В сандальях красных. Ранила ты землю.

Елена

Ты крикнула тогда мне: «Кровь и смерть!»
Того тебе вовек я не забуду.

Кассандра

Я не тебе ведь крикнула, Елена...
Была тогда я заново рожденной
И криком боли новый мир встречала.
Я видела: Парис, на нас не глянув,
Устами лишь приветствовал троянцев.
Я видела, как на его сознанье
Сандалией ты красной наступила.
Я крикнула: «Ячмень несите, соль,
Идет за жрицей роковая жертва!»
И видела я золотые пряди
Твоих волос. «Арес, палимый жаждой,
Летит стремглав на поводу Киприды,
Как жеребец, готовьте гекатомбу!» —
Взывала я и видела: на море
Чернели корабли, и волн багрянец
Рулями резали, рвались ветрила...
На шлемах же у воинов ахейских
Вздымались грозно гривы...

Елена

Ты безумна!
Ахейцы разве к нам в тот день приплыли?
Мы больше года прожили спокойно!

Кассандра

Я *видела* в тот день войска ахейцев.
Теперь я вижу: Менелай тебя
Взял за руку...

Елена

Прочь уходи, злодейка!
Неправда все! Неправда! И вовеки
Того не будет! Лучше разобьюсь я,
Упав на камни острые из башни!

Кассандра
(уверенно)

Твой Менелай взял за руку тебя, —
Едва он взял, уж *ты* его ведешь.
Ты впереди, он за тобою следом...
Моря чужие, край чужой минуя,
Плывет корабль ваш и несет вас к дому...
Огни погасли на руинах Трои,
Над Илионом в небе дым исчез...
А ты сидишь на троне, ты царица,
Прядешь свою пурпуровую пряжу
На прялке золотой, и долго нитка
Все тянется, все тянется...

Елена

Неправда!

Кассандра

Богоподобна ты!.. Непобедима!
Эпиметея дочь!

Елена

Так ты опять?
Вот новое безумство, как ты смеешь
Мне говорить: Эпиметея дочь?

Кассандра

Был Прометей и был Эпиметей.
Известно, что они родные братья.

Жизнь и огонь дал людям Прометей
И *знал,* что муки ждут его за это.
Все муки принял на себя провидец,
За всех сынов праматери Земли.
Его жестоко покарала Мойра,
Эпиметей не знал невзгод обычно,
Его поступок догоняла мысль.
А в жены взял себе он ту Пандору,
Что смерть и горе людям даровала.
Он был счастливым с ней, и никогда
Никто не называл его несчастным.
Родные дети матери одной,
Но братьями назвать их невозможно,
А ты хотела, чтоб тебя Кассандра
Сестрою называла. Нет, Елена,
Неправду говорить я не могу.

Елена

Нет, все, что говоришь ты, все неправда!

Кассандра

Эпиметей сказал так Прометею —
И был счастливым. Радуйся, царица!
(Уходит.)

II

Покой Кассандры. Кассандра пишет книгу Сибиллы на длинном пергаменте. Возле нее большой треножник с курением.

Поликсена
(в белой одежде, красные ленты и красные цветы граната в косах)

Кассандра, милая, родная, знаешь:
Я счастлива теперь! Какой красивый
Мой Ахиллес, мой нареченный! Часто
Я вижу из ворот: идет он полем,
Как Гелиос прекрасный, так он светел.

С Атридами в раздоре он и хочет
С моим отцом быть в мире и согласье.
Считают мирмидонцы и троянцы,
Что брак наш будет очень плодотворным, —
Что из него родится мир и сила,
И что святая Троя не погибнет,
И не умрет вовек народ Приама!

Кассандра

Прости меня, сестрица, не могу я
С тобой сейчас беседовать. Ты видишь —
Пишу я книгу: и теперь должна
Вести беседу с яснокудрым богом.

Поликсена

Нехорошо завидовать, Кассандра!
Я ни при чем, что Ахиллес меня,
А не тебя из всех царевен выбрал, —
Не девушка ведь мужа выбирает,
А он ее. И я не виновата,
Что не могла ты угодить Киприде.

Кассандра

Я не завидую тебе нисколько!
(Заслоняет лицо покрывалом.)

Поликсена

Не будь, родная, на меня в обиде.
Я счастлива сама, и я забыла,
Что слово «брак» моей Кассандре горько
С тех самых пор, когда Долон неверный
Ее навек оставил.

Кассандра

Поликсена,
Что говорить об этом! Я ведь знала,
Что я ему супругою не буду.

Поликсена

Зачем же ты подарки принимала?

Кассандра

Любила я его. А те подарки —
Ведь это все, что мог он дать Кассандре.
Могла ли отказаться я от них?
Он щедро их давал, а я брала их
Себе на память о минутах счастья:
Ведь знала я, что их немного будет.
Смотри: вот эта золотая змейка
Мою десницу обвивает так,
Как будто память возле сердца вьется.
(Показывает браслет на руке выше локтя.)
Долон не виноват, я виновата,
Что взгляд мой не умел сказать: «люблю»,
Хоть от любви все сердце разрывалось.
Он глаз моих боялся. Говорил он:
«Убили наше счастье эти очи
Холодными и острыми мечами».
Они всегда бывали неизменны
Перед богами и перед любимым.
Но не имел Долон над ними власти,
Никак не мог он взгляд моих очей
От тайны повернуть к живому счастью.
И знала я, что в них, в моих глазах,
Мое несчастье, только что мне делать?
Ослепнуть, что ли? Где он может взяться
У птицы вещей, этот нежный взгляд
Воркующей голубки?

Поликсена смотрит ей в глаза.

Поликсена!
Не всматривайся ты в мои глаза,
Не спрашивай меня, не говори
Мне ничего. Ты хорошо ведь знаешь:
Тебя я больше всех сестер любила.
Не говори ни слова.

Поликсена

Нет, Кассандра,
Не думай ты, что я тебе враждебна,
Как все. Ведь ты совсем не виновата,

Что ты больна, что затуманил разум
Тебе господь, что всюду зло ты видишь,
Где даже нет и признака его,
Что ты себе и людям портишь радость.
И мне тебя, голубка, очень жалко.
(Садится на низенькую скамейку у ног Кассандры.)
Ты расчеши мне волосы, сестрица,
Мне мать моя их расчесать велела.
Ты видишь, как запутались они?
Да и цветы из них никак не выну.
(Вынимает из-за пояса золотой гребень и маленькое круглое зеркало.)
Вот гребешок.
(Подает гребень Кассандре, та послушно берет, начинает развязывать ленты, вынимать из волос цветы. Поликсена смотрится в зеркало.)

Кассандра
(шепчет)

Хорошая какая
Моя сестричка! В жертву самых лучших
Завистливые боги выбирают.
О, лучше б жертвенным мечом теперь же
Я жизнь ее перерубила сразу,
Пока она еще не знает горя.

Поликсена
(видит в зеркале глаза Кассандры)

Кассандра, как я глаз твоих боюсь.
Зачем ты смотришь так? И что ты шепчешь?

Кассандра

Нет, ничего, я так. А ты сказала,
Что я больна. Так, может, это правда,
Да, я больна. Не обращай вниманья.
Я вспомнила вдруг нашего Троила.
Он до того был на тебя похож...
Я помню — он лежал мечом пробитый...
Спокойный, тихий, светлый... Поликсена,

Ты уж забыла, чей был этот меч
В груди у брата нашего Троила?

Поликсена

Зачем, Кассандра, вспоминать об этом?
На то война.

Кассандра

Да, так, на то война:
Убийце брата женихом назваться
Его сестры. . .

Поликсена

Но брат давно убит,
И я его едва припоминаю,
Ведь Ахиллес тогда совсем не знал,
Кого он убивал.

Кассандра

А мы то знаем.
Наверно, Ахиллес того не знал,
Что той порой, как он искал послов,
Чтобы к тебе их сватами направить,
Твой брат, наш Гектор, принимал решенье,
Чтоб корабли ахейские поджечь.
В тот самый час, когда цветы граната
Ты в волосы вплетала, Гектор наш
На голову надел свой шлем походный.

Поликсена

Так что ж. Он мирмидонцев не затронет,
И Ахиллесу это безразлично,
Так, как и мне.

Андромаха
(вбегает)

Вы слышали ли, сестры?
Мой Гектор, говорят, убил Патрокла.
Ведь Ахиллес же самым лучшим другом
Патроклу был.

Кассандра

Ой, горе, кровь, отмщенье!
Вот он, твой брак несчастный, Поликсена!
(Берет из-за треножника ножницы и обрезает косы Поликсены.)

Поликсена

Ой, горе нам!

Кассандра

Где траур, Поликсена?

Андромаха

Что делаешь, Кассандра?

Кассандра
(в пророческом замозабвении)

Андромаха,
Сестра по брату траур надевает,
Вдове по мужу траур тяжелее,
А сирота погибнет в колыбели.

Андромаха

Зловестница ты! Чтоб ты онемела!

Поликсена

Зачем же ты мне сразу не сказала,
Что горе близко? Может, задержать
Могла б я Гектора...

Кассандра

Ох, Поликсена!
Я всюду слышу горе, вижу горе,
А показать его я не умею,
Сказать — вот тут оно или вон там.
Но знаю я, что где-то есть оно,
Что отвратить его никто не может,
Никто, никто. Ох, если б можно было,
То я сама бы отвратила горе!

Поликсена

И отвратила б, если б ты сегодня
Сказала Гектору: в бой не ходи.

Андромаха

Ты это знала, что ж ты не сказала?

Кассандра

Хоть и сказала б, кто бы мне поверил?

Андромаха

Да как же верить, если ты всегда
Не во-время пророчишь и некстати?

Поликсена

Всегда пророчишь горе, а когда
И от кого придет оно, не скажешь.

Кассандра

Я этого не знаю, Поликсена.

Андромаха

Так как же можем верить мы словам?

Кассандра

То не слова, я все, все вижу, сестры,
Что говорю. Я вижу: Троя гибнет.

Андромаха

Но от кого же? Кто ее разрушит?
Атриды? Ахиллес?

Кассандра

Не знаю, сестры!
Я вижу только: Троя погибает.
Брак дочери Приама с Ахиллесом
Окрашен кровью воинов троянских,
Постыдный брак не спас бы нашей Трои.
Вино живое будет вам на свадьбу.
И мертвецы взывают: «Крови, крови!»

. . .Ах, сколько, сколько вижу крови черной!
И палачам детей своих колени
Отец наш обнимает... Слышу крик...
Рыдает, плачет, стонет, воет, воет...
То наша мать! Ее ведь это голос.

Андромаха

Всесильный бог, лиши Кассандру слова!

Кассандра хватается за голову и с ужасом смотрит вдаль. Поликсена бросается в объятия Андромахи.

III

Комната Андромахи. Рабыни прядут и ткут, некоторые вышивают и шьют. Андромаха ткет большой белый плат, обходя вокруг высокие кросна.

Андромаха
(рабыням)

Левке́, Хризе́, идите вы к воротам,
И ты, Айтра́; быстрее возвращайтесь
Да, обо всем разведав поподробней,
О Гекторе мне вести принесите.

Рабыни уходят.

Климена
(старая рабыня.)

А что ж ты, госпожа, сама не выйдешь?
Не так бы ты печалилась, увидев,
Как твой герой разит своих врагов.

Андромаха

Я не могу, Климена, я пугаюсь
Мечей бряцанья, топота коней,
Их ржанья, пыли, а всего сильнее
Смертельного напева вражьих стрел!
Когда все это слышу я и вижу,
Мне кажется, что хаос встал из бездны,
Что ни людей уж нет и ни богов,

А только смерть повсюду торжествует.
Когда ж не вижу лютой я войны,
Тогда не страшно мне, тогда я верю,
Что Гектора никто не одолеет,
Что он герой превыше всех героев.

Креуза
(молодая рабыня)

И правда, госпожа, какое счастье,
Что можешь ты про мужа своего
Сказать такую правду.

Кассандра
(входит неожиданно)

Правда! Счастье!
Ты очень их легко соединяешь!

Андромаха
(с невыразимым страхом)

Ну, что тебе, Кассандра? Ты, должно быть,
Здесь у меня веретено забыла?
Креуза, поищи...

Кассандра

Нет, нет, не надо.
Ни прясть, ни ткать уж больше я не буду.
Есть траур у меня, а ты на саван
Уже давным-давно сама напряла.
Успеешь ли, не знаю, только выткать.

Андромаха

Зачем так говоришь ты? Я на ложе
Для Гектора наткала полотна.

Кассандра

Я так и говорю.

Айтра
(входит)

Наш повелитель
Сразился с Ахиллесом.

Андромаха

Ох! . . И что ж?!

Айтра

Он, кажется, его одолевает.

Андромаха

Да кто кого?

Айтра

Наш господин, конечно.
Там Поликсена в обморок упала,
Увидев Ахиллеса в затрудненье.

Андромаха

Бесстыжая, как видно ей не брата,
А мирмидонца жалко?

Кассандра

Это Мойра
На Поликсену наложила руку.
Не ты несчастней всех на белом свете,
Так не суди несчастных. Вдов немало,
А между братом выбирать и милым
Не часто может женщина.

Андромаха

Да что ты!
Ты, будто пьяная, в одно смешала
Догадку с правдою.

Кассандра

Вино с водою
Смешаются, — одним напитком станут.

Левке входит и молча останавливается.

Андромаха

Ну что, Левке?

Левке

Не посылай меня
К воротам, госпожа...

Андромаха

А что случилось?

Левке

Покуда ничего... Но не могу я...
Ох, сам Арес бы убежал оттуда,
Не то что смертный...

Андромаха

Что ты говоришь?
Кто ж убегает?

Левке

Господин... твой муж...

Андромаха
(замахивается на нее ткацким челноком)

Неправда! Как ты смеешь?..

Кассандра
(останавливает ее руку)

Не поможет
Твоя рука против десницы Мойры.

Андромаха

Прочь, злая вестница! Ты виновата,
Коль есть в ее словах хоть доля правды.
Ты отняла у Гектора отвагу,
Сломила дух зловещими речами,
Убила веру, верность. Никогда
Не покидал мой Гектор поля битвы, —
Надежду нес и приносил победу
И славу. Но надежду ты убила
Проклятыми словами: «Месть и смерть!»
Бери же на себя позор, бесславье,
Что брат несчастный принесет из боя.

Кассандра

Когда б хоть их принес, я приняла б.
(Дрожит и, не в силах устоять, садится на первый свободный стул.)
Ох, Андромаха, как бы я хотела,
Чтоб правды не было в моих словах!

Андромаха

А если бы ты их не говорила,
И не пугала нас, и мы б не знали
Злой правды, наш бы дух не угасал.

Кассандра

От этих слов зловещих, Андромаха,
Я отрекаюсь.

Андромаха

Поздно уж, Кассандра,
Наш дух угас.

Кассандра
(невольно)

И жизнь уже угасла!
Ой, горе! Что же делать? Вижу, вижу.
Вон Ахиллес в погоню устремился,
А Гектор падает... Страх и позор
Его убили, а не меч Пелида.

Андромаха

Нет, ты сама, сама во всем повинна.
Не страх, не меч и не позор, а ты,
Коварная, коль говоришь ты правду!
Ну, где ж они? Я больше ждать не в силах
Известий. Я пойду, пойду сама...

Кассандра
(удерживает ее)

Я не скажу, ни слова не скажу.
Не буду предвещать... Я только вижу.
Ослепните вы, злые очи!

Хризе
(вбегает)

Горе!
Наш господин пал от меча Пелида!

Андромаха цепенеет, рабыни ухаживают за ней, плача.

Кассандра
(охваченная горем, говорит, словно в беспамятстве)

Не меч, не страх, и не позор, а я
Своею правдой погубила брата...
(Закрывает лицо покрывалом.)

IV

Часть площади около Скайских ворот, окруженная стеной. По правую сторону, в глубине, храм, по левую — ворота. Смеркается. Длинные тени стелются через площадь. Небольшой отряд троянцев посредине, между воротами и храмом, тихо о чем-то совещается. В середине отряда Долон, бывший жених Кассандры, к нему обращаются собравшиеся. Кассандра с Поликсеной идут от храма через площадь, обе в черных траурных одеждах, только у Поликсены обрезаны косы и непокрыта голова, а Кассандра закутана с головой в длинное черное покрывало.

Кассандра
(останавливает Поликсену и стоит неподвижно)

Какие подозрительные люди,
Смотри, смотри, собрались там...

Поликсена

Да нет же,
То Агенор, Гелен и Деифоб,
А среди них Долон!

Кассандра

Ох, и Долон!

Поликсена

Что так вздохнула ты и застонала?

Кассандра

Так, ничего.

Поликсена

Ты позабыть не можешь,
Что он тебя...

Кассандра

Голубка Поликсена,
Не о себе я думаю.

Поликсена

О чем же?

Кассандра
(складывает умоляюще руки)

Сестра моя родная, дорогая,
Не спрашивай, прошу тебя, молю,
Не заставляй и говорить! Быть может,
И правда, что в словах моих отрава,
Глаза же убивают в людях силу!
Ослепнуть я хотела б, онеметь бы...
О, это было бы большое счастье!

Поликсена

Одумайся, Кассандра, кто же может
Хотеть того, чтоб сделаться калекой?

Кассандра

Кто, Поликсена? — Я хочу.

Поликсена

Родная,
Пойдем отсюда.

Кассандра

Нет, я не пойду.
Должна я насмотреться на Долона...
Нет, ничего... Мне только б насмотреться.
Я не пойду... не в силах... Если хочешь,
Иди одна.

Поликсена

Нет, я с тобой останусь. —
Одной тебе здесь быть не подобает.

Кассандра

Кассандре все равно, что подобает,
Что нет, — она обязана лишь делать,
Что ей на долю выпало.

Тем временем отряд окончил совещание и разошелся. Долон, оставшись без товарищей, приближается к царевнам.

Долон

Царевны,
Приветствую вас.
(Хочет идти дальше.)

Кассандра

Стой, Долон!

Долон

Что скажешь
Ты мне, царевна?

Кассандра
(смущенная, думает, о чем бы спросить. Она все время, пока говорит с Долоном, стоит с низко опущенным на глаза покрывалом, так что лица ее почти не видно.)

Собственно, хотела...
Тебя спросить я... по душе ли были
Тебе подарки на поминках наших
По Гектору?..

Долон
(немного удивленно)

Я очень благодарен
За милость и за честь.

Кассандра

Зачем же ты...
Скажи, не взял теперь щита с собою?

Долон

Зачем же щит? Он разве нужен будет,
Пророчица?

Кассандра
(испуганно)

Нет, нет, Долон, о нет!

Долон
(задумчиво)

Да, правда, я пойду в опасный путь...
Но только щит разведчику помеха...
Украдкой должен я пробраться в лагерь
Ахейский, за ночь обо всем разведать,
Подслушать разговоры и вернуться
Украдкою.

Поликсена

Прости, хоть не к лицу мне,
Как девушке, гражданских дел касаться,
Но я спрошу: зачем же молодого
Тебя на это старшие избрали?

Долон

У молодого звонкая походка,
Он ступит легче,
(*смеется.*)
убежит быстрее!

Кассандра
(про себя.)

Как можно убежать!

Долон

Что ты сказала?

Кассандра молчит.

Долон

Я знаю, я того не заслужил,
Чтоб ты со мной, царевна, говорила...,

А только я хотел... Нет, я не стою...
Прощайте же, царевны!..
(Наклонив голову, собирается идти.)

Кассандра

Подожди!
Что ты хотел?

Долон

Спросить...

Кассандра

Спросить!.. Не надо!
Не спрашивай, я не люблю расспросов.

Долон

Так я пойду...

Кассандра

Нет, спрашивай меня,
Отвечу я.

Долон

Пророчица, скажи:
Вернусь ли из разведки я живым?

Кассандра

Ты почему меня спросил об этом?
Спросил бы у Гелена, разве мало
Есть в Трое предсказателей?

Долон

Нет, поздно
Теперь искать их.

Кассандра

А на что тебе
Мое пророчество? Ведь про Кассандру
Плохая слава в Трое. Кто ей верит?
Никто.

Долон

Не знаю сам я, почему,
Но все же мне хотелось бы услышать
Ответ на это только от Кассандры.

Кассандра

Ты ей поверишь?

Долон

Может быть, поверю.

Кассандра
(горько)

И только, «может»?

Долон

Я тебя обидел?

Кассандра

О нет, привыкла я, что мне не верят.

Долон

А все ж выслушивают предсказанья.

Кассандра

На горе!

Долон

Что ж, хочу я знать его!

Кассандра

А если бы я вдруг тебе сказала —
Я не скажу, я только так, к примеру —
Чтоб отказался ты идти в разведку,
Послушался бы ты?

Долон

Скажу по правде:
Не мог бы я послушаться тебя,
Хотя бы ты и смерть мне предвещала.

Нечестно было бы отречься тайно,
Забыть о том, что восхвалял открыто,
К чему пришел я сам по доброй воле.

Кассандра

Зачем ты хочешь знать, что ждет тебя?

Долон

Судьбе в глаза люблю смотреть я прямо.

Кассандра

О нет, Долон, ты этого не любишь
И не любил, ты говоришь напрасно!
Для глаз таких еще ребенок ты.

Долон

Ребенок? Нет. Я совершеннолетний.
В совет я вхожий и для войска годный,
Не мальчик я давно!

Кассандра

Но для того,
Чтоб встретить взгляд судьбы, пожалуй, мало
Всех этих качеств.

Долон

Вижу я, царевна,
Что ты мне не желаешь дать ответа
И я напрасно только трачу время,
А у меня его совсем немного.

Кассандра
(*вздрагивает при этих словах*)

А кто сказал?

Долон

Дано мне назначенье,
Чтоб я пришел, пока луна не встанет.

Кассандра

Теперь луна ведь очень рано всходит!

Долон

Вот потому и дорого мне время,
И так его я потерял немало.

Поликсена

А ты дождался бы безлунной ночи.

Долон

Война не ждет, царевна, — если б мы
Еще ночей безлунных дожидались,
То, может, осветила бы луна
Руины Трои. Я пойду, царевны.
Счастливы будьте!
(Идет к воротам не оглядываясь, исчезает в них.)

Кассандра молча машет ему вслед рукой, а когда он выходит по ту сторону ворот, она припадает к плечу Поликсены и горько рыдает.

Поликсена

Ну о чем ты плачешь?

Кассандра

В последний раз я говорила с ним!
Что я ему сказала? Ледяные,
Суровые слова, как те мечи
Врагов, что зверски заколоть хотели б
Единственного, милого Долона! . .
Что ж я не бросилась к его ногам?
Богов не умоляла Олимпийских,
Чтоб он не шел в такой опасный путь?
Что ж не сказала: «Не ходи, погибнешь!»
И почему не задержала взглядом?
Он испугался б этих глаз зловещих
И, может. . . может, он бы мне поверил, —
Он сам сказал, — послушался бы, может.
Перед лицом судьбы ведь он ребенок,
И не пошел бы он на их огонь,
Когда бы явно смерть свою увидел.
Ох, а теперь. . . Единственное счастье —
Погибнет там. . .

Поликсена

Кассандра! Успокойся!
Он жив еще!.. О чем же ты так плачешь,
Ведь правда, даже страшно? Не годится,
Услышать могут! Нам пора домой.

Кассандра

Пускай услышит целый мир. Не в силах
Я замолчать... О, ты еще узнаешь,
Как тяжело любимого терять!

Поликсена

Кассандра, хватит! Что ты говоришь мне?
Пойдем, боюсь я, здесь темно и страшно.
Уж поздно...

Кассандра

Поздно... скоро уж луна
Осветит поле... Там теперь Долон мой
Так одинок, как будто кипарис
На раздорожье... хрупкий он такой,
Молоденький и нежный, не для битвы,
Для лиры, для кифары он родился
И для весенних песен... Что им делать,
Таким рукам, с тяжелыми мечами,
Которые вздымаются над ним...
Спасенье!..

Поликсена

Тише!.. Соберутся люди!
Встревожатся, пожалуй, и ахейцы.

Кассандра

Ахейцы?.. Да! Я — замолчу... не буду...

(Долгое молчание. Кассандра дрожит всем телом, сначала плотно закрывает лицо покрывалом и стоит неподвижно. Потом открывается и шепотом говорит, сжимая руки Поликсены.)

Пойдем к воротам... Ты иди за мною...
Мне жутко здесь... Судьбы своей пугаюсь...

Поликсена

Как мы пойдем? Не видно и ступеней.

Кассандра

О нет, темно не очень, я все вижу...
(Протягивает руки в пространство.)
О Артемида, ясная богиня,
Молю я, погаси ты свой светильник
На эту ночь, на эту только ночь!
Пусть меньше грез любимые узнают, —
Они и так счастливы! Неужели,
Чтоб им, счастливым, грезилось блаженство,
Несчастной мне ты посылаешь грезу,
Последнюю отчаянную грезу,
Что *мой* любимый где-то есть на свете,
Хоть мой не суженый, но мой любимый.
И, может, правду люди говорили,
Что в жизни раз и ты любовь узнала,
Ее назвали чистою любовью, —
Молю я: сжалься!

Поликсена
(дрожит)
Ну довольно, хватит.

Кассандра
(останавливается, потом говорит изменившимся голосом)

И правда, хватит, что мои моленья?
Против судьбы бессильны даже боги.
Они законам вечности подвластны,
Как смертные, а солнце, месяц, звезды —
Светильники в огромном храме Мойры,
В нем боги и богини — только слуги,
Своей жестокой госпожи рабы.
С мольбой к ней обращаться — труд напрасный.
Ей не знакома ни печаль, ни милость,
Она слепа, глуха, как будто Хаос.
И умолять ее рабов — напрасно
И низко, а рабынею рабов
Не стану я!

Поликсена

Несчастная, опомнись!
В такую пору ты гневишь богов?
Немало, кажется, они карали
Тебя за дерзость? Или хочешь кары
Ты большей?

Кассандра

Но какой еще? Не может
Раба судьбы, богиня Артемида,
Зажечь ни на одну минуту раньше
И погасить луну в высоком небе,
Как предначертано самой судьбою
Спокон веков. Нет, не боюсь я кары!
Пойдем к воротам.

Обе идут по ступеням на стену возле ворот. Пока они идут в темноте, тихо, на горизонте за стеной небо начинает слегка краснеть.

Поликсена
(стоя на стене над воротами)

Что это? Пожар?
Долон во тьме поджег ахейский лагерь?

Кассандра
(тоже над воротами)

Нет, это не пожар...

Поликсена

А что же?

Кассандра

Стой!
Молчи!

Долгое молчание. Небо все яснеет, из-за горизонта показывается полная луна. Кассандра закрывает лицо плотно обеими руками и стоит, будто окаменев.

Поликсена
(прижимается к Кассандре)

Родная!..

Кассандра

Как судьбы мне страшно...
Она так смотрит, и таким огромным
И белым оком...

(Показывает на луну.)

Ой, она все видит?
Нигде, нигде нет от нее спасенья!..
А я теперь не вижу! Где Долон?

Поликсена

Припал и лезет по стене тихонько.

Обе царевны стоят некоторое время неподвижно, но их черные фигуры резко выделяются при лунном свете.

Теперь поднялся... к лагерю пошел.

Кассандра

Идут, о горе!

Поликсена

Кто? Где?

Кассандра

Эти двое.
Идут... идут...

Поликсена

Луна, ты видишь, скрылась
За тучу, и Долон к земле прижался.
Они не видят.

Кассандра

Да, но я, я вижу!

(Громко кричит.)

Долон!

Поликсена

Безумная, услышал он!
Встал, побежал! Уже за ним погнались...

Кассандра порывается кинуться со стены в поле, сестра удерживает и борется с нею.

Кассандра

Пусти меня... пусти меня... пусти!
Я буду с ним... Пусти меня!

Поликсена
(изо всей силы кричит)

Спасите!
Эй, люди! Слушайте, сюда скорее!

Прибегают часовые и помогают Поликсене удержать Кассандру.

Кассандра

Прочь от меня! Его, его спасайте!

1-й часовой

Кого?

Кассандра

Долона! На него напали.

2-й часовой

Где?

Кассандра

В поле там. Ой, помогите, люди!
Скорей туда!

1-й часовой

Царевна, мы не можем,
Нас только двое! А не то пошли бы
Хотя б на гибель мы в ахейский лагерь.

Кассандра

А где же все троянцы? Где укрылись?
Все умерли? Эй люди, люди, люди!

Начинают сбегаться на площадь люди.

Поликсена

Народ идет...

Кассандра

Пусти меня!

(Исступленно сопротивляется, потом отступает назад, обессиленная борьбою и разбитая страхом.)

Уж поздно!..

Деифоб и Гелен

(Подошли с людьми к Кассандре и, взяв ее за руки, хотят увести ее от ворот)

Иди домой, сестрица!

Кассандра

(отталкивает их)

Уходите!

Убили вы его!

(Внезапно затихает и говорит совсем убитым голосом.)

Нет, это я...

Послушно дает себя вести и идет еле переступая, так что ее скорее несут, чем ведут. Луна прячется за тучу, и темная группа людей, которая ведет Кассандру у стены, еле виднеется, а дальше сливается с глубокой тенью от храма.

V

Покой Кассандры. Нет никого.

Деифоб

(входит)

Сестра! Кассандра! Где же ты? Рабыни!

(Хлопает в ладоши и зовет.)

Рабыни, — эй!

Из соседнего покоя входит старая рабыня.

Рабыня

Что, господин?

Деифоб

Послушай!

Куда ж девались у сестры служанки?

Я никого дозваться не могу.

Рабыня

Пророчица рабынь всех распустила,
Сказала — хватит быть мне госпожою,
Пора трудиться, скоро это может
Понадобиться.

Деифоб

Вот еще капризы!
А чья же ты?

Рабыня

Царевны Поликсены.

Деифоб

Ну все равно мне, позови сестру.

Рабыня

Какую? Поликсену?

Деифоб

Нет, Кассандру,
Да быстро.

Рабыня
(идет, ворча)

Быстро! Прыткий вишь какой.
Немолодые ноги, — где тут быстро...
(На пороге.)
Да вот она сама. Скорей, царевна,
Там братец дожидается...
(Выходит.)

Кассандра
(со льном за поясом и с веретеном идет и прядет.)

Ну, здравствуй!

Деифоб

И что, сестра, ты выдумала, правда?
Рабынь всех распустила, а сама
Из рук не выпускаешь пряжи.

Кассандра

Братец,
Решила я заранее привыкнуть
К тому, что неизбежно.

Деифоб

Речь рабыни!
Так никогда б царевна не сказала.

Кассандра

А как сказать?

Деифоб

«Нам царствовать по-царски
Или погибнуть!»

Кассандра

Все мы, все погибнем.
Не будем царствовать.

Деифоб

Молчи, сестра!
Пророчеством своим меня не потчуй.
Беда и только: брат — пророк, сестра —
Пророчица; в своем родимом доме
Нет места от пророчества родных.
Взяла ты прялку. Это и прекрасно.
Сказать по правде, девушке приличней
Все это, чем пророческие речи.
Пряди и не предсказывай.

Кассандра

Я, брат мой,
Сама бы рада лучше пряжу прясть,
Чем всем предсказывать одно несчастье.

Деифоб

Пряди, пряди, немало белых ниток
На свадьбу нужно будет обрученной
И для одежд и на дары гостям.

Кассандра

И ты уж, брат, я вижу, стал пророком,
Да жалко, что не во-время, не к месту.
(Обиженно отворачивается.)

Деифоб

И во-время и к месту. Я, сестрица,
Слова напрасно тратить не привык:
И что скажу, то, значит, надо слушать,
Вот ты хоть и пророчица, сама
Своей судьбы никак не разгадаешь,
А я тебе скажу, что мы, сестра,
Просватали тебя за Ономая,
Царя лидийского.

Кассандра

Не рано ль, брат,
Ты говоришь: «Просватали тебя».
Ведь я еще пока что не рабыня,
Свою имею волю.

Деифоб

Нет, Кассандра,
Все девушки, царевны и рабыни,
Должны своей семье повиноваться.

Кассандра

Я, брат мой, не рабыня, не царевна,
И больше, чем они, а может меньше.

Деифоб

Не для загадок я пришел сюда,
Не для пустых речей. Скажу я прямо,
Что ты просватана. Царь Ономай
Тебя желает взять себе в награду
За помощь, за союз против врагов.

Он хвастался, что в бой пойдет сегодня
И всех своих лидийцев поведет.
Еще и солнце не зайдет, как будет
Разбито на́голову вражье войско.
«Коль это правда, мы сказали, завтра
Ты поведешь Кассандру в свой шатер».

Кассандра

«Коль это правда» — я должна сказать:
Неправда это.

Деифоб

Я не удивляюсь,
Что ты, троянка, дочь царя Приама,
Самолюбиво можешь отказаться
Подать спасенье и семье и Трое.
Атрида дочь была куда достойней,
Недаром эллинки против троянок
Так восхваляются, что среди них
Та Ифигения была, что смело
Всю жизнь свою девичью положила
Во славу своего народа.

Кассандра

Брат мой,
Не знаешь ты цены всем женским жертвам.
Нет, жертва Ифигении была,
Скажу тебе, ничем не тяжелее,
Не больше тех, что принесли другие.
О, сколько принесли тяжелых жертв
Те женщины, которых даже имя
Нам неизвестно. Ты и от меня
Хотел бы жертвы крови? Да, и я
Могла бы принести ее, но, брат мой,
Я не могу, ведь я не героиня.

Деифоб

Теперь я вижу, ты — сестра Париса,
Не Гектора. Наш Гектор мог отдать
И жизнь свою, жену свою оставить

И сына сиротою для спасенья
И чести Трои. А Парис готов
Лишь для одной Елены погубить
Весь край родной. Вот так и ты, Кассандра, —
Для тени слабосильного Долона,
Хоть он и не всегда тебе был верен,
Ты всех нас утопить готова.

Кассандра

Брат!
Не оскорбляй его несчастной тени!
Ты говоришь, что слаб он был, изменчив.
Зачем же он пошел тогда на гибель,
Когда никто на это не решился
Из братьев, что героями считались.
Иль потому, что Гектор был уж мертвым,
А Деифоб лишь на словах отважным.

Деифоб

Я для разведок стар. А ты, Кассандра,
Ты молода судить того, кто старше.

Кассандра

Всех старших старше в мире *правда,* брат мой!

Деифоб

Оставим мертвых. Речь идет о том,
Что *ты* сейчас должна была бы сделать
Для счастья, для спасенья нашей Трои.

Кассандра

А кто сказал, что в этом лишь спасенье?

Деифоб

Последняя возможность только в этом.
А будет ли спасенье — неизвестно,
Но все же ты должна пойти на это.
Когда убьют лидийца — люди скажут:
«Так суждено!» А если ты откажешь,
То скажут все, что ты нас погубила.

Царь Ономай к тебе придет тотчас же,
Чтоб ты ему сама сказала слово
«Согласна», — и тогда его лидийцы
Все как один готовы будут к бою.

Кассандра

Мой брат, была тройная бы измена
Себе самой, и правде, и лидийцам,
Когда б одним единственным я словом
Погнала войско целое на гибель.

Деифоб

Тебе милей лидийцы, чем троянцы.

Кассандра

Зачем же нам губить их понапрасну?
Не мог спасти нас Гектор богоравный,
Куда ж спасти лидийцам нас?

Деифоб

Кассандра,
Забыла ты, что был тогда Пелид
И богоравный и богорожденный,
Теперь уж нет его.

Кассандра

Так говорила
Пентезилея, дева-амазонка,
Что умерла безвременно за Трою.

Деифоб

Ну что Пентезилея! — Амазонка!
Не женщине спасти ведь Илион.

Кассандра

Да, это правда, брат, и не Кассандре.

Деифоб
(гневно)

Не приставай к словам!

Старая рабыня
(входит)

Там тот, чужой,
Он просит, чтоб его вы пригласили.

Кассандра

Скажи ему, чтобы он шел сюда,
А ты оставь нас, брат.

Деифоб

Так что ж ты скажешь?

Кассандра

Что бог мне повелит.

Деифоб

Ну так запомни:
Коль бог велит сказать, что «не согласна», —
В глазах людей изменницей ты будешь
Отныне и до века.

Кассандра

Деифоб!

Деифоб

Да, так и назову тебя я первый
На площади публично. Помни это.
(Выходит.)

Ономай
(входит и останавливается у порога. Молчание.)

Царевна, радуйся!

Кассандра молчит.

Твою стыдливость
Я уважаю глубоко, но все же
Хотелось бы услышать мне то слово
Единое, что должен я услышать.

Кассандра

А ты уверен, что его услышишь?

Ономай

Твой брат и твой отец мне в этом слове
Ручались.

Кассандра

Что ж, от них его ты слышал,
А я тебе его не обещала,
Да ты меня и не просил о нем,
А ты его уже своим считаешь.

Ономай

Прости, царевна, девушки, я знаю,
Иные речи любят, только я
Не склонен к ним. Мой разговор короткий,
Не ты меня, а я тебя посватал.
Ты мне понравилась, и дело ясно, —
Хочу, чтоб стала ты моей женою.

Кассандра

Как можешь ты хотеть меня взять в жены?
Ты видишь, я душою не твоя.

Ономай

Когда моими будут эти очи,
Уста и стан твой гордый и красивый,
Тогда куда ж душа твоя исчезнет?
Ведь и она тогда моею будет.

Кассандра

Не больше, чем душа твоих рабынь.

Ономай

При чем мои рабыни здесь, Кассандра!
Царицей будешь, как и подобает
Моей жене и дочери Приама.

Кассандра

Но ей не подобает жить в неволе,
Хоть и царицею.

Ономай

Я ж не беру тебя
С мечом в руках, пойдешь по доброй воле.
Я мог с ахейцами б соединиться
И разорить бы Трою и тебя
В плен захватить, но я хочу по чести
Взять от отца тебя и отплатить
Большой услугою.

Кассандра

Купить, вернее,
Меня ты хочешь, царь?

Ономай

Да, все герои,
И даже самые большие, так
Жен покупали.

Кассандра

Где же здесь геройство?
Герой не ищет никогда корысти.

Ономай

Геройство возмещается наградой.
Народ и боги это признают.

Кассандра

А разве мало славы?

Ономай

Славы хватит
И так, царевна, мне, да не хватает
Жены, и в жены я беру тебя.

Кассандра

Берешь. Но я еще ведь не решила.

Ономай

Царевна, правду говоря, я честь
Хотел тебе беседою доставить,
Как жрице божьей и царевне Трои,
Нет в Лидии обычая такого —
Невесту спрашивать, когда отец согласен.

Кассандра

Знай, Ономай, союз такой не будет
С Кассандрою счастливым.

Ономай

Не пугай,
Пророчица, меня ты предсказаньем.
Я думаю, судьба ведь любит сильных,
Отважных, смелых, женщина таких
Должна любить, а если и не любит,
То полюбить захочет все же.

Кассандра

Царь!
Не знаешь ты меня, вот так и судишь.

Ономай

Я женщин многих знаю.

Кассандра

Но Кассандра
Меж ними не была.

Ономай

Вот и хотел бы
Я в жены взять ее.

Кассандра

На горе взял бы.
Я не люблю тебя.

Ономай

Полюбишь.

Кассандра

Никогда
Не полюблю того, кто так коварно
Бедой воспользовался.

Ономай

Кто так славно
Спас от беды твой край?

Кассандра

Не чванься, царь,
Еще у Зевса это на коленях.

Ономай

А если б так случилось?

Кассандра

Благодарность
И похвалу б тебе я воздала,
Когда бы ты не требовал в награду
Меня...

Ономай

Я вижу — ты умна, царевна!
«Хвала и благодарность» — вся награда.
Да если дам голодному я мяса
Со своего стола, то я услышу
Хвалу и благодарность.

Кассандра

Прославляли
Хоть раз тебя спасенные тобой?

Ономай

Не раз, не два! Скажу тебе, царевна,
Что побежденные, пожалуй, славят
Еще не так. Я то и это знаю.
Цена всему одна здесь, потому что
Бессилье силу славит. Только силу
За это лишь отдать — с ума сойти!

Я не безумец — жизнью рисковать,
Губить войска, чтоб слово «благодарность»
Сказали по-троянски. Я услышу
Его от женщин по-лидийски, дома,
Когда войска верну назад из боя.

Молчание.

Так что ж, царевна?

Хочет идти, Кассандра молчит, но, видимо, борется с собой. Ономай медлит, заметив это.

Деифоб

(входит. Заметив нерешительное состояние обоих, пристально и грозно смотрит на Кассандру)

Ты согласна?

Кассандра

Да!

Ономай

От всей души?

Кассандра

Что ж, если ты согласен
Губить войска и жизнью рисковать,
Чтоб я сказала, что уста вот эти
И стан — твои, — ну хорошо, согласна.
Когда солдаты жен своих оставить
Готовы вдовами, чтобы царю
Добыть невесту, — хорошо, согласна!
От всей души я говорю.

Ономай

Как странно
Ты говоришь, Кассандра. Ну, довольно
С тобой нам спорить, мне пора идти,
Чтоб делом заслужить себе награду.

Кассандра

Какой успех, такая и награда.
Прощай же, Ономай!

Ономай

Прощай, Кассандра!

Ономай и Деифоб уходят. Со двора слышен глухой шум большой толпы.

Поликсена
(вбегает)

Кассандра, боже, что ты натворила!

Кассандра

Сестрица, я *должна* была дать слово.

Поликсена

Дала ты слово? Значит, все неправда?

Кассандра
(холодно)

Совсем, как видно, стала ты безумной, —
Не разберу, за что коришь и хвалишь.

Поликсена

Хвалю за то, что выполнила волю
Отца и брата, всей своей семьи.

Кассандра

Так, значит, и твою?

Поликсена

Ну что ж, сестричка,
Конечно, смерть страшна.

Кассандра

А для спасенья
Жалеть не стоит даже и сестры?

Поликсена

Но ведь тебе же хорошо там будет,
Царицей будешь в Лидии богатой,
Ее недаром золотой зовут.

Кассандра

На золото не зарится Кассандра.
С нее достанет одного кольца.
(Смотрит на Долоново кольцо на правой руке.)

Поликсена
(ласково)

Да, знаю я, сестра, как это трудно —
Забыть любимого, но что же мертвым
Иное нужно, кроме слез и жертвы?
Долону же ты справишь гекатомбу,
Как богу. Лидия богаче Трои,
Ведь ты, сестра, царицею там будешь.

Кассандра

За нелюбимым?

Поликсена

Ну так что же делать?
Таких из нас немного, что идут
По доброй воле, по любви. Такая
Уж доля женская — не сердце слушать,
А волю близких; хорошо, как близких,
А то не раз и победитель гордый
Принудит стать невольницу женою.
Антея шла за Деифоба тоже,
Как поневоле, не любя, а стала
Теперь она ему женою верной
И детям нежной матерью.

Кассандра

А если б
Посватала тебя я, Поликсена,
После Пелида за кого-нибудь?

Поликсена

Так что ж... я знаю, что другой не будет
Таким, как был Пелид, и все же мне
Не хочется остаться одинокой.
И я пошла б, когда бы кто посватал, —
Не мужа бы, так я детей любила б,

И, если не любовь, то хоть покорность,
Хозяйственность и верность принесла б
Я мужу в дом.

Кассандра

А если б ничего
Дать, кроме ненависти и проклятий,
Ты не смогла, что принесла б ты мужу?

Поликсена

Ты стала страшной, говоря об этом!
Кассандра, признавайся, значит правда,
Что гибель ты в проклятьях предвещала
Лидийцам и ему?

Кассандра

Откуда знаешь?

Поликсена
(немного смущенно)

Мои рабыни были под окном,
Сушили шерсть и слышали случайно
Ваш разговор. Не знаю только, как
Лидийцам стало все это известно.
Ты шум слыхала? То кричало войско
Лидийское: «Мы не пойдем на гибель,
Кассандра закляла! Домой вернемся!
Пусть гибнет Троя, как и суждено ей».
Домой пошли уж несколько отрядов.

Кассандра
(невольно)

Хвала богам!

Поликсена

Бесстыдная Кассандра!

Кассандра

Но ведь погибли бы они напрасно,
Ведь смерть их — обручение мое.

Поликсена

Зачем же ты царю давала слово?

Кассандра

Не береди моей горячей раны!
Мне это слово на душу легло
Бесчестием и тягостным позором.
Сказали ненависть и принужденье
Позорное то слово, а не я.
Я так царя глубоко презирала
И все его бессмысленное войско,
Толпу его рабов! Я так охотно
Сказала — на погибель им — «согласна!».

Поликсена

Страшна и непонятна ты, Кассандра.

Андромаха
(входит)

Хвала богам! Пошли уже лидийцы!
Пошли на бой. Царь Ономай сказал:
«Я получил согласие Кассандры».
Гелен уверил, что по птицам видел
Счастливый знак на брак и на победу,
А Деифоб сказал — неправда это,
Что прокляла царя ты и лидийцев,
И, успокоившись, они пошли.

Кассандра

Гелен сказал, что он по птицам видел
Счастливый знак на брак и на победу?
Неправду он сказал!

Андромаха

Да что, Кассандра,
Довольно с нас твоей жестокой правды,
Зловещей и губительной, так дай же
Нам хоть неправдою пожить в надежде.
Ох, я от этой правды уж устала.
О, дай ты мне хоть сон, сестра, хоть грезу!

Дай верить мне хоть день, что мой сыночек
Астианакс — останется в живых,
Что не погибнет от руки он вражьей
И будет сильный, властный, богоравный,
Как был его отец, мой милый Гектор!
О, дай ты мне хоть сон, сестра, хоть грезу!

Кассандра

Для сна, для грезы погубить готова
Ты это войско? Стыдно, Андромаха!

Андромаха

Не стыдно, нет, любая скажет мать,
Что я права. И что мне чужеземцы?
И почему я их должна жалеть?
А может быть, и правда, что спасают
Они нам Трою? Может быть, и правда?

Кассандра

И только «может»?

Андромаха

Хватит и того.
Надежда есть, Кассандра, есть надежда!

Кассандра

Прошу тебя, сестрица Поликсена,
Пошли свою рабыню за Геленом.

Поликсена

Пошлю.

(Уходит.)

Андромаха

Зачем тебе Гелен?

Кассандра

Хочу я
Его спросить, а то себе не верю.
Уже свершилась, видишь, божья кара:

Не только люди, а сама Кассандра
Изверилась в Кассандре. Я не знаю,
Все это правда ли, что вижу я теперь.

Андромаха

А что ж ты видишь?

Кассандра

Хватит, Андромаха,
Расспрашивать меня, чтоб проклинать.
На голове моей и так проклятья,
Как тяжкая железная корона,
А надо лбом сплелись слова обиды,
Как будто змеи над челом Медузы,
Шипят и отравляют, глушат разум...
Веди рабынь своих, вели им взять
И флейты и кифары, чтоб сдружили
С напевом нежным музыку и, может,
На очи, утомленные от слез,
Сон и мечту накличут золотую.
А финикиянка, твоя рабыня,
Та, что и змей заговорить умеет,
Пусть усыпит в тебе змею тревоги, —
И ты заснешь, и ничего худого
В том сне не будет, ни войны, ни смерти,
Ни страха, ни Кассандры.

Андромаха

Не глумись!
Я верю все-таки: придут лидийцы.
Придут с царем, с победою. Прощай!
(Уходит.)

VI

Тот же покой Кассандры. Кассандра и Гелен.

Кассандра

Так ты скажи по правде все мне, брат мой,
Что предвещал тебе тех птиц полет.
(Смотрит ему в глаза, Гелен опускает их.)

Гелен

Да что там! Прорицатели мы оба,
Мы оба знаем хорошо, что птицы,
И кровь, и дым от жертвы — это только
Покров и украшенье голой правды
Для глаз людских. Сама же эта правда
На женщину почтенную похожа,
Которой без одежд ходить позорно.
(Смеется.)

Кассандра

Хоть и сама я женщина, но правду
Могу я видеть без прикрас.

Гелен

Скажи мне,
Кто видел правду голую хоть раз?

Кассандра

Я видела ее, и даже часто!

Гелен

Ты думаешь, что ты ее глазами
Своими не испортила?

Кассандра

О брат мой,
К моей ты ране жгучей прикоснулся,
Я все стерплю, я искренне желаю
Тебе свой дать совет, ведь ты мудрейший
Из братьев всех, твой ум так гибок, тонок,
Он — как огонь.

Гелен

А может быть — как уж?
Фригийский ум, Кассандра. Мы, троянцы,
За долгую осаду научились
Ужами извиваться. Что же делать?
Когда б ты видела, как Деифоб
Перед лидийцем ползал, ты б сказала,
Что и другой брат гибким стал и тонким.

Кассандра

Не говори мне про такую гибкость,
В ней для меня не мудрость, только мерзость.
Скажи ты откровенно мне, как брат
Сестре любимой; вправду ли ты думал —
По птицам ли, иль просто — все равно, —
Что в браке лишь моем спасенье Трои
И что спасенье принесут лидийцы?

Гелен

Ты задала мне трудные вопросы.
По правде, думал я и так и сяк.

Кассандра

Как это понимать?

Гелен

А так. Сначала
Поверил я, увидев это войско
Бесчисленное, все в щетине копий,
И свежее по силе и отваге,
Что эллинам, измученным войною,
Осадой утомленным, не сломить
Царя, который жаждет так победы.
И я уверен: если б та победа
Была в руках Елены, Поликсены,
Иль Андромахи, иль кого другого,
А не в твоих, она была б за нами.

Кассандра

И ты уверен в том, что все несчастье
Исходит от Кассандры?

Гелен

Пусть не все,
Но многое.

Кассандра

Что говоришь ты, брат мой?

Гелен

Хотела знать ты правду, я исполнил
Твое желанье, не мое, сестрица.
Не упрекаю я тебя, Кассандра.
Такой характер у тебя. Как видно,
Повинны боги в том, что правду дали
Познать тебе, а сил тебе не дали,
Чтоб правдой управлять. Ты только *видишь*
И, безучастно руки опустив,
Стоишь бессильно перед тем виденьем
Жестокой правды, словно изваянье,
Как будто смотрит на тебя Медуза,
И только страх наводишь на людей.
А правда оттого еще страшнее,
И люди тщетно тратят силы, разум,
В отчаянье бросаются на гибель;
Тогда ты говоришь: «Я предвещала».

Кассандра

А что б ты сделал?

Гелен

То, что и теперь.
Я с правдою борюсь, и я надеюсь,
Что буду ею скоро управлять,
Как кораблями правят рулевые.

Кассандра

А Мойра, брат, безжалостная Мойра?
Ее ведь воля миром управляет,
А ты вдруг ею управлять задумал?

Гелен

Не так, Кассандра, Мойра повелела,
Чтоб был и свет, и море, и погода,
Чтоб был корабль, и рулевой, и штормы,
И скалы, и заливы, чтоб была
Борьба, победа, чтоб была надежда,
И правда, и... неправда.

Кассандра

Если так,
То Мойра хочет, чтоб была Кассандра.

Гелен

И чтобы шел Гелен против Кассандры.
Я эту правду вижу, и борюсь я,
Чтобы троянский нам корабль стащить
С той мели, на которую Кассандра
Его загнала правдою своею.

Кассандра

А ты его неправдою спасаешь?

Гелен

Что правда? Что неправда? Эту ложь,
Что сбудется, — все правдою зовут.
Солгал однажды как-то раб и мне,
Что мой фиал украден, потому что
Ему искать фиала не хотелось;
Пока же он ленился, в самом деле
Фиал украден кем-то был. Где правда
Была тут и где ложь? Чертою тонкой
От правды ложь когда-то отделялась,
А в настоящем нет уж и черты.

Кассандра

Кто скажет то, во что и сам не верит,
То это будет ложь.

Гелен

А если скажет
Хоть в доброй вере, только по ошибке
Совсем некстати — это будет правда?

Кассандра

А как же ты, Гелен, как отличаешь
Ты ложь от правды?

Гелен

Да никак. Я просто
Спокойно отношусь.

Кассандра

А как пророчишь?
Что людям говоришь?

Гелен

Да то, что надо,
То, что полезно или что достойно.

Кассандра

Ты разве никогда того не видишь,
Что неминуемо *должно* случиться?
Ужель тебе не скажет в сердце голос:
«Так будет, так! Так будет, не иначе!»

Гелен

По правде говоря, так не бывало.

Кассандра

Все это нам постигнуть очень трудно.
Но как ты можешь говорить публично:
«Мне это бог открыл...» или: «Я видел...
Я слышал голос тайный», если это
Неправда?

Гелен

Снова правда и неправда!
Слова оставим эти, нет в них смысла.
Ты думаешь — рождает правда слово?
Я думаю, рождает слово правду.
А как же нам назвать такую правду,
Что изо лжи родится? Иль ни разу
Такого ты не видела рожденья?
Не раз я видел. Слово плодовито:
Рождает больше, чем земля-праматерь.

Кассандра

Но ты сказал: «Я делаю, что надо,
Что честно и достойно». Так зачем же

Прикидываться вещим мудрецом?
И разве это честно и достойно?

Гелен

Конечно же! Когда б отец и братья
И с ними все троянцы и троянки
Лидийцев умоляли и просили,
Все это было б ни к чему — лидийцы
Сказали б только: «Закляла Кассандра,
Пророчица, — война и брак несчастны».
А я пришел с достоинством жреца
В пророческой короне, и высоко
Я поднял вверх посеребренный посох.
Он молнией сверкнул тогда в глаза
Всем чужеземцам. Я сказал: «Молчите
И ждите. Я священных голубей
Из храма выпустил!» Замолкли мигом
И шум и разговоры. Я сказал:
«Царь Ономай обидел Аполлона, —
Засватал он пророчицу его,
Не попросив согласья громовержца,
И бог за то свой гнев ему изрек
Устами вещими Кассандры. Можно
Предотвратить тот гнев лишь приношеньем
Богатой гекатомбы из волов,
Что под ярмом еще не побывали».
«Я обещаю!» — крикнул царь лидийский.
А я сказал: «Я вижу голубей,
Они вернулись и птенцов выводят,
И это знак, что будет брак счастливым,
И словом тем я победил тебя,
Пророчица-сестра.

Кассандра

Надолго ль, брат?

Гелен

А вот увидим! Правда, что на поле
Воюют не лидийцы, не ахейцы,
А ты и я. Отвагой управляет
Гелен, отчаяньем Кассандра правит.

Кассандра

А если вдруг Кассандра одолеет?
Чем оправдает он свою неправду?

Гелен

Публично скажет: «Ономай себя
Сам погубил, он вместо гекатомбы
Дал только обещанье Аполлону».
Себе ж он скажет: «Сломано оружье,
Но мы найдем другое. Все ж честнее
С оружьем погибать, чем без него».

Кассандра

А почему ты с посохом шел в бой,
А не с мечом и не с копьем сегодня?

Гелен

Меч и копье не для меня оружье.
Людские души — вот мое оружье,
А вместо стрел — крылатые слова.
Борьба народов — вот мой поединок!
Всем этим правлю я — фригийский ум.
А эта диадема, этот посох —
Как знаки власти над царями всеми.
Я равного себе не знаю здесь
Меж всех властителей и всех героев.
Ты только равная и даже выше,
И мы бороться будем до конца.

Кассандра

О, и сама не знаю я сегодня,
Хочу ли я победы над тобою!
Мне ненавистен этот брак, как смерть,
Он так же страшен мне, как гибель Трои.

Гелен

Но у тебя же ведь фригийский ум.
Ты слышала, как боги укрывают
Своих избранников порою в тучу?
Есть у меня тайник под алтарем.

Когда ты станешь с Ономаем рядом,
Чтоб свадебную жертву принести,
От жертвы дым пойдет сернистой тучей,
А как рассеется, взамен Кассандры
Пустое место будет, понимаешь?

Кассандра

Стыд и позор — советовать такое!
По-твоему, «достойный» это выход?

Гелен

Зато, сестра, полезный, безопасный.

Кассандра

Себя мечом убить бы я хотела!

Гелен

И тем бы раздражила Ономая
И заодно нарушила бы слово.
Вот это бесполезно и нечестно.
(Смотрит с улыбкой на нее.)
Мы разные, но равные по силе,
Пускай хоть не в делах своих, но в мыслях.

Поликсена
(входит)

Царь Ономай убит, и все лидийцы
Пустились наутек. Ой, горе, горе!

Гелен

Кассандра, радуйся, ты победила!

Кассандра
(вещим голосом)

Не я, а Мойра. Я ее орудье.
Фригийский ум — и тонок он и гибок.
Его согнула Мойра и сломила
Своей тяжелой твердою десницей.
Она кует оружье из народов,
А ты и я — мы гвозди в том оружье.
Ты не переоценивай себя.

Андромаха
(вбегает и иступленно бросается к Кассандре)

Ты — злая гибель, всех нас погубила!

Кассандра
(спокойно показывает на Гелена)

А почему же он вас не спасал?
Он, как и я, ведь тоже предсказатель.
(Вынимает из-за пояса лен и садится прясть.)

VII

Большая площадь, с храмом посередине, на небольшом возвышении. Справа, в глубине, двор царя Приама, ближе к сцене разные другие здания города Илиона. Налево, близко к сцене — Скайские ворота. Ясное утро, площадь залита солнцем. Большая толпа троянцев то входит, то выходит в ворота, собирается перед храмом, шумит то громче, то тише, порой совсем затихает и ждет чего-то насторожившись.

С царского двора выходит Гелен в праздничной белой одежде, в серебряной короне, с белым посеребренным посохом в руке, идет торжественной, величественной походкой.

Голоса в народе

Гелен идет! Дорогу прозорливцу!

Гелен
(входит на возвышение храма и дает знак посохом, стукнув им трижды о мраморный помост, начинает речь величаво-вещим голосом)

Отцы и братья! И родная Троя!
Воззрили боги мудрые Олимпа
На наши слезы и на гекатомбы,
И враг был без оружья побежден.
Зевс эллинам вложил в сердца отвагу,
Чтобы покинуть Трою добровольно.
Вы видите — исчез ахейский лагерь,
Один лишь конь на том остался месте, —
Богам троянским дали в дар ахейцы
Того коня. Не пышный, деревянный,
И не богатый был подарок этот.

Но он дороже серебра и злата,
И мрамора, и камня дорогого.
Подарок мирный, лучший из всего,
Что на войне ценою крови взято.
Ахейцы нас покинули по воле
Своей и всех богов, в знак уваженья
Оставив свой подарок. Честь ахейцам!

Люди

Ахейцам честь!

Голос Кассандры
(из храма)

За кровь, за смерть, за слезы!

Деифоб
(оборачиваясь к дверям храма)

Молчи, Кассандра!

Гелен
(к троянцам)

Вам, мужам троянским,
Советую я дар доставить в храм
И поместить с Палладионом рядом.

Кассандра
(появляется в дверях с черным посохом и простирает его, словно загораживая вход)

Я не пущу вас в храм.

Гелен
(отстраняет ее своим посохом)

Пусти, Кассандра!

Кассандра
(снова загораживает)

Мне власть дана, чтоб не пускать сюда.
Никто из вас не смеет приближаться
К подножию Паллады. Я охрана
Палладиона. Прочь, Гелен, отсюда.

Смотри за голубями!
(Смотрит ему в глаза, он опускает посох.)
Страшный дар!
Проклятый дар!

Народ ропщет, видимо изумленный.

Голос из толпы

Гоните прочь ее,
Зловестницу!

Второй голос

Молчи! Она царевна!

Первый голос

Так что ж. Все прорицания Кассандры
В печенки въелись нам. Довольно, хватит
Терпеть!

Третий голос

Убить ее!

Какой-то юноша замахивается копьем.

Гелен
(сдерживает знаком руки)

Не троньте, люди!
Не проливайте крови — там святыня!

Деифоб

Но как же, брат, нам поступить с подарком?

Гелен

Мы для подарка новый храм построим
И «храмом мира» назовем. Пока же
Пускай он во дворе побудет царском.
(К Деифобу.)
Приставь к нему почетную охрану.

Кассандра

Слепой побитых сторожами ставит!

Деифоб

Кассандра!

Гелен

Брат, и вы, троянцы, лучше
На царский двор коня переведите.

Деифоб дает знак трогаться и сам идет к Скайским воротам.

Голоса из народа

Гелен нам приказал, идемте, братья!
Гелена боги пусть благословят!
Он — око наше ясное! Наш разум!

Кассандра

Одно лишь око, да и то с бельмом!

Весь народ идет за Скайские ворота.

Гелен

Кассандра, слушай, для чего меня
Насмешками своими донимаешь?

Кассандра

Испытываю, станешь ли ты зрячим.

Гелен

Но это же безумно! Дело ясно:
Ахейский лагерь опустел; на море
Нет ни челна, ни пятнышка не видно.
Разведчиков далеко рассылали
Мы с Деифобом, юношей быстрейших
И конников и пеших. И не видно,
Чтоб где была охрана, или стража,
Иль что-нибудь другое.

Кассандра

Враг подарков
Зря не дает.

Гелен

Но этот ведь подарок —
Знак мира. Или ты не понимаешь?

Кассандра

Конечно, нет. Когда бы среди моря
Пылающий огнем горящий уголь
Плыл по волнам — то было б это знаком
Воде от пламени на мир? Но кто бы
Все это понял?

Гелен

Люди — не стихии,
Людской беде и гневу есть предел.
Ведь за войну немало подросло
Ахеянок, и, может, Менелай
Найдет жену моложе, чем Елена.

Кассандра

Вчера Елену на воротах Скайских
Он видел утром.

Гелен

Что ж?

Кассандра

Иди скорее
В ее покои и подумай там,
Что ты сказал.

Гелен

(задумывается. Тем временем в Скайских воротах показывается толпа вооруженных троянцев. Гелен показывает на них Кассандре)

Ты видишь эти копья
И те мечи? Твоя предосторожность
Здесь не нужна. Вон часовой трубач.
Труба имеет голос. Троя — ухо.

Кассандра

Немой глухого будет караулить!

Гелен

Кассандра, хватит! Глух я для тебя,
А для меня твои слова — немые.
Мы до конца договорились — хватит.

Деифоб
(с отрядом вооруженных людей ведет связанного эллина к Кассандре и Гелену)

Сюда его, сюда! Пускай рассудят
Все это дело наши прозорливцы
И скажут нам, что с этим чужеземцем
Должны мы сделать. Брат, и ты, Кассандра,
Решите это. Мы его застали
У деревянного коня на поле.
Блуждал он как безумный, слезы лил,
Ломая руки, и слова бессвязно
Выкрикивал. Вот взяли мы его.
Мы без труда в нем эллина узнали.
Теперь у нас возникло разногласье:
Одни за то, чтоб отпустить его, —
Он здесь покинутый и сумасшедший,
И нам он зла не причинит, наверно.
Другие говорят: разведчик это.
Убить его, чтоб не было беды.

Пока Деифоб говорит, подходят люди, мужчины и женщины, кто с поля, от Скайских ворот, кто со стороны города, и собираются толпой.

Голоса из толпы

Убить! Убить!

Один голос

За что же?

Второй голос

Так, из мести.

Третий голос

Из осторожности.

Четвертый голос

Накажет Зевс
За кровь невинную.

Деифоб
(громким голосом)

Молчите, люди!
Не вам судить его. Скажи, Гелен,
Убить его иль отпустить на волю?

Гелен

Ни то, ни это. Без вины убить —
Не к чести нашей и небезопасно.
Ведь если вдруг дознаются ахейцы,
Что эллина убили без вины,
Опять они начнут, пожалуй, смуту
На долгие года. Но есть опасность
И отпустить такого чужеземца.
Пускай себе живет, но лишь в оковах,
Под строгою охраною.

Синон
(пленный эллин)

О царь
Иль вещий прозорливец! Я не знаю,
Как должен называть я господина...
Но вижу на лице твоем я разум
Божественный. Пойми же, о премудрый,
Ты душу эллина. Я из Эллады.
Эллада же извечно — колыбель
Святой свободы. Кровный сын Эллады
Дышать не может без родной стихии,
А если б мог — не хочет.

Кассандра

Этим словом
Ты смерть достойно в Трое заслужил.

Гелен

Зачем же смерть? Пусти его на волю,
Когда ни в чем он не виновен.

Кассандра

Брат!
Что есть вина? Виновна ли гиена,
Что смертью, трупами должна питаться?

Деифоб

Ты разве знаешь мысли чужеземца,
Что ты его с гиеною равняешь?
А если знаешь, то скажи нам ясно,
Что он задумал на погибель нашу?

Кассандра

Не знаю ничего я, только вижу
Гиены лживый взгляд и только слышу
Пронзительный и хищный голос...
(Исступленно.)
Ой!
Гиены бродят по руинам Трои,
И лижут кровь горячую, живую,
И теплые обнюхивают трупы,
И радостно скулят...

Стонет, закрывая лицо руками. Люди стоят в тяжелом молчании, потом начинают перешептываться. Синон тревожно оглядывается по сторонам.

Деифоб

(берет Кассандру за руку и трясет. Тихо)

Сестра, опомнись!
Довольно этих темных, страшных слов,
Что придавили всех, как дымной тучей.
(Громко.)
А если ты гиену в чужеземце
Увидела, убей, мы разрешаем

Гелен

(подает ей жертвенный меч)

Вот меч тебе!

Кассандра

(смущенно)

Нет, брат, я не умею
Мечом владеть.

Гелен

Уметь должна бы жрица
Любую жертву заколоть, коль надо,
Своей рукою.

Кассандра

Разве это жертва?

Гелен

Да, жертва прозорливости твоей.

Кассандра

А что же сам ты жертву не заколешь?

Гелен

Слепой вслепую кровь не проливает.
Пускай твое всевидящее око
Рукою правит верною, а сердце
Пускай руке прикажет и глазам.

Деифоб

Пусть будет так. Пускай хоть раз Кассандра
Почувствует доверие людское.
Коль не повинен эллин, пусть за кровь
Покается Кассандра перед Зевсом,
А суд людской судить пока не будет,
Ручается за это сын Приама.

Гелен вкладывает меч в руку Кассандры. Кассандра молча берет меч. По знаку Деифоба Синона подводят ближе.

Синон

(протягивает Кассандре связанные руки и падает на колени)

Пророчица! О как же, недостойный,
Тебя, пречистую, молить я должен?
Тебе все мелкое, людское чуждо,
Ты, богоравная, глядишь, как Мойра,
На боли сердца слабого, людского...
И, может быть, семьи родимой горе
Тебе, как и богам, святое дело.
А я, несчастный, без семьи на свете,
Я — без отца и матери, я — сирый.
Ведь ты, всевидящая, знаешь это...

Есть только дома у меня невеста,
Которой дорог я... О да, я знаю,
Что для тебя слова мои — пустяк...
Ты если б знала... если бы ты знала,
Как рвется сердце от разлуки тяжкой
И как душа страдает от тревоги!..

Среди троянок движение, вздохи, некоторые вытирают слезы.

Кассандра
(хочет преодолеть собственное волнение)

Встань, говори со мной спокойно, эллин.

Синон
(встает)

Прости меня, уста мои спокойно
Никак не могут говорить об этом...
Прости, они дрожат...
(Закрывает лицо плащом и умолкает, потом открывается и продолжает дальше.)
Зачем, несчастный,
Моей я не послушал Левкотеи?
Она меня вот так же умоляла,
Как и тебя сейчас я умоляю.
«Не убивай меня! — она взывала. —
Ты посмотри на молодость мою!»
Но, как скала, стоял я и на черный
Смотрел корабль, на волны за кормой.
И к морю обратилась Левкотея:
«Ой, море, море! Ты моя разлука!»
И много раз несчастная, рыдая,
В слезах слова разлуки повторяла...
Я слышал их, пока не зашумела
Вокруг вода, темнея и чернея...
(Берется за голову и тихим, словно далеким голосом стонет, говоря.)
«Ой, море, море, ты моя разлука!..»

Кассандра
(озабоченно)

Тебя оставили нарочно?

Синон
(покорно)

Да, царевна.

Кассандра

Зачем?

Синон

Не знаю я зачем, царевна.
Я сонным был оставлен, а проснулся,
Смотрю — я в поле и один, как перст.
Наверно, на меня давно был в гневе
Могучий Диомед, что я публично
Безжалостным назвал его Хароном,
Когда он убивал с другими вместе
Троянского разведчика.

Кассандра
(напряженно)

Когда?

Синон

Давно, пророчица, все это было,
Еще был жив Пелид, но только в гневе
Жесток был Диомед — он рассердился,
Что я посмел за пленника вступиться,
Которого он сам хотел убить.
А мне тогда так было жаль троянца.
Такой он молодой был и красивый,
Так жалобно просил о милосердье...
О, горе! Так и я теперь взываю,
Да за меня здесь некому вступиться...
Хотя б единым словом... Все молчат...
Смерть неизбежна... Для чего ж продлять
Последние минуты под мечом?!
(Падает на колени и наклоняет голову.)
Жестокая, срази меня скорее,
Скорее меч свой опусти, царевна.

Кассандра

Гелен, я сомневаюсь, может правда
Невинен чужеземец? Что ты скажешь?

Гелен

Без птиц, сестра, сказать я не могу.

Деифоб

Мне колебание такое странно.
Ты войско целое людей невинных
Могла когда-то отослать на гибель
Единым словом и не пожалела.
Так что ж тебе какой-то чужеземец?
Ужель он милость заслужил твою
Лишь тем, что заступился за троянца
За одного. Лидийское же войско
Хотело целую спасти нам Трою,
А милости твоей не получило.

Кассандра

(в отчаянном порыве вздымает меч над Синоном, но рука ее задрожала, и она медленно опускает меч, не коснувшись Синона)

Ты отнял у меня воспоминаньем
Остаток сил... Кровь, пролитая зря,
К богам взывает — наказать Кассандру.
Багряной тучей застилает очи
И разум мой... ох, непроглядной тучей!

Меч выпадает из ее рук.

Рука бессильна... Сердце замирает...
Тьма... тьма...

(Шатается и падает на руки Гелену.)

Гелен

Ей дурно, помогите ей,
Троянки, сестры!

Троянки несут Кассандру в глубину храма.

Гелен

(Синону)

Эллин, ты свободен!
Должно быть, жизнь твоя нужна богам.

VIII

Та же самая площадь. Вечереет. Ночь надвигается быстро, темная, безлунная, только звезды сияют ярко, как это бывает в холодные ветреные ночи. На площади поставлена стража: один часовой у царских ворот, другой у Скайских, третий около храма, четвертый ходит вокруг, охраняет троянские дома. Все вооружены, как перед боем. Стража некоторое время безмолвствует. С царского двора слышны звуки музыки и веселого праздничного шума.

Первый часовой
(от царских ворот)

Ну, праздник, братцы!

Второй часовой
(от Скайских ворот)

Вот так это праздник!
Кто пьет, гуляет, ну а стража стой
И сторожи — кого, зачем — не знает.

Третий часовой
(от храма)

Не стало Гектора, не стало и ума.
Тот наше время попусту не тратил,
Не издевался над подвластным людом —
Сам был герой и цену знал другим, —
А эти...

Четвертый часовой
(тот, который ходит вокруг, приближается к третьему и говорит шепотом)

Ты бы, брат, поостерегся.
Ведь там Кассандра, их сестра.

Третий часовой

Ну что ж!
Она с родными, как огонь с водою.
Вот как живут.

Четвертый часовой

Но все ж они родные!

Третий часовой

Пускай их всех возьмет скорее Гадес!
Они же все доверились троянцам,
А пуще всех вот эта злая птица —
(кивает на храм)
И в ней все зло!

Четвертый часовой

Цыц... Вон Парис идет!

От царского двора приближаются Парис и Синон. Парис в праздничной яркой вышитой одежде, без оружия, на голове вокруг красного фригийского колпачка венок из роз, из-под него спадают на плечи длинные кудри.

Парис

Что? Охраняете? Брат Деифоб
Меня прислал взглянуть. Ну как, прилежно
Вы охраняете?

Первый часовой
(уныло)

Да охраняем.

Парис

Что ж вы не веселы?

Первый часовой

Веселья мало
Стоять тут без еды и без питья
В день праздника.

Парис

Да, правда. Подожди,
Придумать что-то надо.

Кассандра
(из храма)

Не дремлите!

Парис
(вздрогнув)

Кто это там?

Первый часовой

Сестра твоя, Кассандра.
Она там стережет Палладиона.

Парис

Ах, вот в чем дело!
(Вздрагивает опять и беспокойно оглядывается.)
Ночь-то холодна!

Четвертый часовой

С гор ветер, без огня придется трудно.

Парис

А вы идите принесите дров.
Костер зажгите.

Ближние часовые идут.

Синон

Холодно, конечно.

Парис закутывается плотнее в плащ.

Твоя золотокудрая подруга
Теперь, наверно, разожгла огонь,
В него насыпав разных благовоний.
Дым от курения, как будто греза,
Над снежно-белым лбом, ласкаясь, вьется.

Парис молчит, размечтавшись смотрит на царский двор.

А очи светозарные, наверно,
Слезой подернулись. Она одна
Сидит, прядет и думает все думу,
А ты пируешь иль стоишь на страже.

Парис
(тихо, как будто про себя, не глядя на Синона)

Какой в том смысл? Не лучше ли уйти мне?
Ну, что случится тут?
(Собирается уходить.)

Кассандра
(появляется в дверях)

Постой, Парис!
Куда идешь ты?

Парис
(смущенно)

Я? Я — за плащом...
Ночь холодна...

Кассандра

Ночь холодна? Напрасно
Ты так уж, брат мой, холода боишься,
Не в том твоя погибель.

Парис

О Кассандра,
Когда же ты оставишь эти речи
О горе, о погибели напрасной?
Все кончилось уже — война и горе, —
Пора и отдохнуть.

Кассандра

Как это быстро
Забыл ты горе!.. Подойди, Парис,
И посмотри туда.

Парис делает знак Синону, чтобы тот уходил, и подходит к Кассандре; она показывает ему рукою долину, освещенную луной. Синон уходит.

Кассандра

Что там на поле?

Парис

Там? Там могила...

Кассандра

Позабыл ты — чья?

Парис молчит и опускает глаза.

Кассандра

В ней Гектор наш, в ней нашей Трои слава.

Парис

Уж он давно погиб...

Кассандра

А ты остался!
Так, значит, радуйтесь и веселитесь,
Троянцы?

Парис

Никогда еще, сестра,
Меня ты словом так не убивала.

Кассандра

Я никогда не видела еще
Тебя таким, мой брат. Вот эти розы
Колючками в мое вонзились сердце,
Кровь каплет из него.

Парис

Кассандра!

Кассандра

Хватит!
Иди, иди к ней, торопись, постылый,
К прекрасной и чарующей Медузе,
Окаменей, пред нею на колени
Упав, — вот так и слава наша пала.

Парис

Как, разве пала? Мы ведь победили!

Кассандра

Победой это ты зовешь? Вся слава,
Вся наша честь потеряна давно.
Украденная есть у нас Елена
Да деревянный конь. И в самом деле —
Победа славная!

Парис

Сестра, послушай,
Коль для того меня ты задержала,
Чтоб я выслушивал слова такие,
Я не согласен.
(Поворачивается, чтобы идти.)

Кассандра

Ну так уходи!
И пусть не говорят, что понапрасну
Потеряна и честь и слава Трои.
Пускай Парис упьется той любовью,
Из-за которой ходим мы в печали,
Пускай тем счастьем сердце утешает,
Которое мы оплатили горем
Извечным! Цель была в том не плохая
Войны погибельной. Так заверши
Великую победу у Елены
В ее дворце роскошном.

Парис собрался было уйти, но при первых словах Кассандры остановился и стоит в нерешительности.

Кассандра

Где твой меч?

Парис

А меч зачем?

Кассандра

Вооружен ты славно —
И колпачком, и вышитым хитоном,
И розами, и черными глазами?
Достаточно их для твоей победы?

Парис
(вспыхнув)

А для твоей чего недостает?
Спросил бы я: Кассандра, где твой меч?
В твоих руках он был уже сегодня.
Что ж не принес тебе он чести, славы?
Молчишь, пророчица? . . Иль онемела?

Кассандра
(словно пришибленная)

Прости, мой брат... И правда... Что ж... Иди...

Парис
(с детской радостью, забыв гнев)

Да, я пойду... Я ненадолго, правда...
Нет, ты не думай.
(Уже на ходу.)
Я ведь за плащом,
Уж очень холодно... Вернусь я скоро...

Быстрой походкой уходит и скоро исчезает в воротах царского двора. Кассандра идет в храм и задергивает за собой завесу на дверях храма. Слышен голос флейты, бренчание кифары и песни. Вскоре появляется Синон с флейтистом и кифаристом, которые несут вдвоем большую амфору вина. Синон с корзиной овощей и с фиалом около пояса, весь в цветах, на руках у него много венков. С другой стороны идут с дровами и кусками мяса часовые, разводят перед храмом огонь, жарят мясо. Музыканты ставят амфору на песок и начинают играть.

Синон
(поет, флейтист и кифарист аккомпанируют)

На полях Асфоделонских,
По долине Елисейской
Ходят, славою повиты,
Тени доблестных героев,
Почему ж они грустны?

Хор часовых

На полях Асфоделонских
И в долине Елисейской
Не цветут цветы.

Во время пения третий часовой отвязывает от пояса Синона фиал и начинает пить и угощать других.

Синон
(поет)

И над Стиксом мутноволным
И над Летою тяжелой
Ходят, лаврами повиты,

Тени наших незабвенных, —
Почему ж они грустны?

Хор

Только в Стиксе мутноводном,
Только в Лете невеселой
Не вино — вода.

Синон
(поет)

Там, у Гадеса в палатах,
Перед троном Персефоны,
В незакатной славе встали
Тени воинов-героев, —
Почему ж они грустны?

Хор

Ведь у Гадеса в палатах
Перед троном Персефоны
Песни не звучат.

Первый часовой
(поет грубым голосом и не в лад)

Вдоль по берегу Кокита
Ходят грустные герои,
Вьются жертвенные дымы,
Льется кровь от гекатомб.
И о чем они горюют?
(Кричит.)
Припев давайте!

Кифарист

Не хочу, отстань.

Первый часовой
(поет дальше один)

Нет ни сала, нет ни мяса,
Нет ноги воловьей жирной, —
Только дым да кровь.

Пятый часовой

Что ж ты не в лад?

Первый часовой

Да было б только кстати.

Синон

Садитесь, братья, к огоньку поближе.
Хвала богам, что есть на этом свете
Вина, и песен, и цветов не мало.

Первый часовой

Да и мясца!

(Хлопочет около стряпни.)

Синон

(раздает всем венки, а первому, который стряпает, сам надевает венок на голову)

Налейте же и мне.

(Ему наливают, он пьет. Второму часовому)

А что же ты не пьешь? Не вкусно разве?

Второй часовой

(нерешительно)

Да нет воды...

Третий часовой

А для чего вода?
Сегодня чистое мы пьем! Гуляем!

Второй часовой

Да чистое-то в голову вступает...

Третий часовой

Еще чего! Ну, так не пей совсем!
Ты охраняй, как велено, ворота.

Второй часовой

Какой ты умный!

Третий часовой

Ты молчи да пей,
Когда дают.

Второй часовой пьет, фиал вновь наполняют, и он переходит из рук в руки.

Третий часовой

Ну что ж один фиал?
Ведь так и очереди не дождешься.

Четвертый часовой
(смеется)

Иди, там в храме жертвенная чаша
Есть у Кассандры, попроси ее.

Голос Кассандры
(из храма)

Эй, не дремать!

Первый часовой

Сама отозвалась!
Царевна, дай жаркое нам поджарить,
Мы угостим тебя.

Все смеются.

Третий часовой

Ишь, догадался!
(Снимает с головы шлем, наливает вина и пьет.)
Чем не фиал?

По его примеру другие делают то же самое.

Первый часовой

Что и сказать, смышленый!
Вот и жаркое. Ешьте, братья, ешьте!
(Снимает один кусок с копья и делит мечом каждому по кусочку.)

Второй часовой
(ест)

Что ж, хоть и сыро, горячо зато.

Синон

Вот перцем, на, немножечко приправь.

Второй часовой

Нет, обожжет.

Третий часовой

А ты вином пригасишь, —
Амфора велика.

Четвертый часовой

А если выпьем,
Еще достанем.

Едят мясо, режут мечами, едят плоды и пьют шлемами вино; чем дальше, тем больше они пьянеют. Музыканты в это время играют.

Второй часовой

Вы еще бы спели.

Третий часовой

А ты?

Второй часовой

Да нет, один я не умею.

Синон играет на флейте, потом передает ее флейтисту, тот продолжает игру, кифарист подхватывает, остальные начинают петь.

Над речкою сад-виноград поднялся.
Ой, сад-виноград мой!
Когда пойдет к той речке Левкотея,
Обвей ее, дружок ты мой кудрявый...

Первый часовой

Такой не надо!

Кифарист

А какую хочешь?

Первый часовой
(поет без музыки нескладным речитативом)

Женку храни не храни,
Не сбережешь — труд напрасный,
Будь ты хоть бог олимпийский,
Как кривоногий Гефест!

(Качнувшись, спотыкается и падает. Мурлычет, припоминая: «Как кривоногий Гефест... Кривоногий Гефест...». Потом замолкает и засыпает.)

Второй часовой

Вот это песенка!

Третий часовой

Спокойной ночи!

Пьют дальше. Флейтист и кифарист играют без песен. Все, кроме музыкантов, пьяны, ложатся около огня и засыпают. Синон тоже ложится, притворяется, будто спит.

Флейтист
(перестает играть)

Вот и уснули. Ну, а нам что делать?

Кифарист

И нам заснуть.

Флейтист

Нет, пировать пойдем.

Допивают вместе остаток вина и идут к царскому двору. На сцене некоторое время тихо, все спят, только издалека слышны звуки музыки, песен и веселого шума.

Голос Кассандры
(из храма)

Эй, слушай, стража!

Полная тишина. Звуки затихают. Синон приподнимается и настороженно оглядывается вокруг.

Голос Кассандры

Сторожи, не спи!

Синон срывается, бежит к царскому двору и исчезает в воротах.

Кассандра
(в дверях храма)

Не спите, стражи!
(Замечает спящих часовых)
Боже, часовые!

Кассандра подходит к часовым и пробует их разбудить. Кое-кто шевелится, бормочет что-то бессвязное, но ни у кого нет сил проснуться.

Кассандра
(приближается к царскому двору, кричит)

Эй, кто живой? Эй, кто живой? Троянцы!

Навстречу ей из царских ворот выходит Синон, а за ним вооруженные эллины: Менелай, Агамемнон, Одиссей, Аякс, Диомед. Они скрещивают копья и загораживают Кассандре дорогу.

Аякс

Стой, девушка! Ты кто такая?

Одиссей

Это
Безумная Кассандра, иль не знаешь?

Кассандра
(хочет пробиться сквозь преграду)

Троянцы! Эй, измена! Эй, троянцы!

Агамемнон

Схватить ее и завязать ей рот!

Кассандра быстро оборачивается и убегает в храм; там она припадает к Палладиону, крепко обнимая статую.

Кассандра

Не троньте! Здесь я под святой защитой!

Аякс

Еще что!

Диомед

Знай, ты пленница отныне!

Диомед хватает Кассандру за ту руку, в которой посох, Аякс схватывает ее за волосы. Свободной рукой она пытается удержаться за пьедестал Палладиона, статуя шатается и вместе с пьедесталом падает. Воины вытаскивают Кассандру из храма, не отбирая посоха, связывают ей руки ремнями от мечей, а потом привязывают к колонне в портике храма над ступенями. В это время Синон, Менелай, Агамемнон и Одиссей открывают Скайские ворота, а Диомед возвращается в храм и приближается к Палладиону.

Диомед
(кричит)

Наш, наш Палладион! Сюда, герои!

В открытые ворота рядами движется ахейское войско.

Кассандра
(кричит, собрав всю силу)

Проснись же, Троя, смерть к тебе идет!

В царском дворе и в домах вспыхивают тревожные огни. Эллинское войско быстро заполняет всю площадь и растекается в разные стороны по улицам Трои. Вскоре поднимается в городе громкий плач, перебегают через площадь троянцы, безоружные, в праздничной одежде; за ними вдогонку вооруженные эллины, одних хватают, других убивают. Через некоторое время занимается пожар. Чем дольше, тем меньше беглецов и догоняющих, но чаще появляются победители эллины, которые гонят копьями впереди себя, как стадо, толпы взятых в плен связанных троянцев и троянок, одних вводят в храм, других выводят за Скайские ворота, некоторых заставляют сесть на землю на площади, тогда они падают ниц и плачут. Пленниц из Приамовой семьи выводят и сажают в портике храма около Кассандры. Когда суета понемногу утихает, рядом с Кассандрой оказывается Андромаха, Поликсена и несколько других женщин.

Андромаха
(рыдает)

Дитя мое, единственный сынок мой!
Зачем тебя на свет я родила!..
Тебя убили!.. Бросили на камень!..

Поликсена

Ой, горе, горе! Мать моя! отец мой!
Наложницею станет ваша дочь!

Другие женщины из царской семьи

Рабынями теперь мы и умрем!..
Рабынями... Далеко на чужбине...

Андромаха
(Кассандре)

Что ж ты молчишь? Что смерть не предвещаешь?
Теперь нам смерть была бы утешеньем!

Кассандра
(со страшным спокойствием, каким-то мертвым голосом)

Другим утешиться иные могут.

Андромаха

Проклятье же тебе!

Кассандра
(как и раньше)

Проклятье мне!
Страшнейшее увидела я нынче.
Троянки и в неволе, и живые,
Обходят кросна, разделяют ложе,
На радость эллинам детей рожают...
Проклятие глазам, что видят это!

Андромаха

Устам проклятье за слова такие!

Кассандра

На мне проклятье, не могу молчать!

Ведут в храм связанных троянцев из царской семьи, среди них Гелен.

Гелен
(проходя мимо Кассандры)

Кассандра, радуйся, ты победила!

Кассандра

Ты победил, сказав мне это слово.
Мой разум сломлен, твой же в мир пойдет.
С ним победить ты сможешь победивших,
А мой с пожаром вместе и угаснет...

Елена
(бежит через площадь, за нею Менелай с мечом)

Спасите, братья эллины! Спасите!
За что же наказать меня он хочет?
Взята я в Трою силой вероломной,
Я пленницей несчастною жила,
Об отчем крае слезы проливала.

Ахейцы нерешительно расступаются перед нею, но не отталкивают, когда она хватается за кого-либо из них, стремясь спрятаться под их защиту.

Менелай

На этом вот мече — Париса кровь,
Что крови твоей жаждет!

Кассандра

О Парис!

Поликсена

О братец мой!

Андромаха

Несчастный!

Елена
(окруженная молодыми воинами, вдруг гордо)

Господин мой,
Ты правда хочешь наказать меня?
Или затем ты пролил море крови
За честь мою и за свою, чтоб здесь
Пятнать ее, позорить безрассудно?

Так вот какой ты почести дождалась, —
Царица Спарты? Кто ж теперь поверит
Невинности спартанок, если царь
Изменницей назвал свою царицу?
(к воинам)
И вы, спартанцы, тоже с ним согласны?

Воины спартанцы
(окружающие Елену)

Она и богоравна и невинна!
Ты, царь, жену свою хулишь напрасно!

Менелай
(Елене нежно)

Прости меня, я вспыльчивый, ты знаешь.

Елена
(улыбается и протягивает руку)

Я вижу, царь мой, ты не изменился.

Менелай протягивает свою руку Елене. Елена берет его за руку и ведет между рядами ахейцев за Скайские ворота, в поле; все расступаются перед нею.

Андромаха

Она опять царица, мы — рабыни!
Где ж, боги, правда ваша?

Кассандра

Ха-ха-ха!

Одна из троянок
(другой)

Кассандра засмеялась... Ой, как страшно!
Я не слыхала, чтоб она смеялась.

Кассандра
(растерянно смотрит, как языки пламени играют по царским строениям)

Сюда скорее огненных цветов!
Гранаты зацвели! Ведь это свадьба!

За сценой слышен голос старой женщины, она страшно рыдает, словно воет.

Поликсена
(с ужасом прислушивается)

То наша мать!

Кассандра

То свадебная песня!
Мать наряжает дочерей к венцу!
Кассандра все неправду говорила.
И нет руин! Есть жизнь! . . Есть только жизнь! . .

Голос старой женщины звучит все громче. Внезапно его покрывает грохот падающего здания. Зарево пожара заливает сцену.

Занавес

ЭПИЛОГ

Действие происходит в Элладе спустя долгое время после разрушения Трои. Дом аргосского царя Агамемнона в Микенах, пышно украшенный снаружи, дорожка от дверей до ворот выстлана пурпурной тканью На небе грозовая туча. Порой сверкает молния, но дождя нет. Царица Клитемнестра с царским наместником Эгистом наблюдают, как рабы и рабыни кончают украшать дом.

Клитемнестра
(Эгисту)

Нигде вовек царь ни один не знал
подобной встречи.

Эгист

Правда, Клитемнестра.
(Внимательно глядя ей в глаза.)
А пурпура тебе не жаль?

Клитемнестра

О нет!
Мне никого и ничего не жалко!

Эгист

А почему ты вздрогнула?

Клитемнестра

Ты видишь,
как молния слепит.

Вестник
(вбегает, задохнувшись)

Царь! Царь идет!

Клитемнестра
(рабам)

Открыть ворота настежь! Эй, рабыни,
вы под ноги цветы бросать готовьтесь.

Громко стучит колесница. Рабы открывают настежь ворота. В них появляется Агамемнон, ведя за руку Кассандру. Рабыни бросают им под ноги цветы. Клитемнестра и Эгист встречают Агамемнона еще в воротах.

Клитемнестра

Мой царь, мой муж любимый! Я не верю
такому счастью!
(Обнимает Агамемнона.)

Эгист

Брат мой, брат мой милый!
(Целует Агамемнона.)

Клитемнестра
(показывает на Кассандру)

А это кто с тобою?

Агамемнон

Дочь Приама,
пророчица Кассандра.

Эгист

А Гелен?
Тот, что теперь из Трои возвратился
и в Дельфах волю божью возвещает, —
он брат ее? . .

Кассандра

А!..

Агамемнон

Правда. Я хотел бы,
чтоб ей почтенье было в нашем доме,
как жрице, как царевне подобает.
Для нас она не пленница.

Клитемнестра

Исполню
твою я волю, царь, хоть и не знаю
Кассандры...

Кассандра

А тебя я знаю: ты
мать Ифигении.

Клитемнестра заслоняет лицо покрывалом.

Агамемнон
(Кассандре)

Зачем, Кассандра,
зачем ты ей напомнила об этом?

Кассандра

А как об этом сам ты мог забыть,
когда ты дочь родную отдал в жертву
разгневанной богине? Ты забыл,
кто Ифигении отец и мать,
ты помнил, что нужна богине жертва,
чтобы скорей погибла наша Троя.

Агамемнон

Я вижу, ты со мною все враждуешь.

Кассандра

Царь, у тебя есть враг куда сильнее,
так что тебе Кассандра?

Агамемнон

Расскажи,
где этот враг и что он мне готовит.
Я не страдаю недоверьем. Слушать
слова твои я искренне намерен
и в сердце схоронить их. Говори!
Слова святые приговором станут
для дома моего. Твои советы
исполню я послушно!

Кассандра

Я? Тебе?
Давать совет? Да разве же мы в Трое?
Здесь разве дом Приама?

Агамемнон
(с некоторой досадой)

Нет, конечно.
Ведь там бы так не верили тебе!

Кассандра

Мне и не надо верить.

Агамемнон

Я обидел
тебя, царевна?

Кассандра

Опоздал ты, царь, —
об этом мог спросить ты в Илионе.
А для таких бесед теперь нет места
на целом свете. Лучше замолчать нам.

Клитемнестра

Так эллинка вовек бы не посмела
сказать царю!

Эгист
(вполголоса)

Троянская натура
известна людям. Вот и Андромаха

такое мужу задает порою,
что странно, как он терпит.

Кассандра

Андромаха?
Она вовеки не была троянкой.
Женою Гектора она была.
Сегодня эллина она жена, довольно.
Не эллинка она и не троянка.
(Клитемнестре.)
Так, как и ты. Ты не жена ведь, правда.

Клитемнестра
(Агамемнону)

Вот это, царь, и есть твое желанье,
чтоб так твоей женой пренебрегали?

Агамемнон
(взволнованный, печально)

Когда б одно бы лишь пренебреженье! . .
Здесь, может быть, иное. . .
(Клитемнестре.)
Клитемнестра!
Уж все ль спокойно в нашем доме?

Клитемнестра

Все.
А что могло случиться в нем плохого?

Кассандра

Мать Ифигении так говорит.

Клитемнестра снова закрывается.

Эгист

Давно бы
Я пленницу заставил замолчать.

Кассандра

Так говорит лишь тот, кто был царем
и кто привычки этой не утратил,
хотя для двух царей тесны Микены.

Агамемнон

Прошу пожаловать в мой дом, царевна.
(Клитемнестре.)
Жена, веди нас.

Кассандра
(хватает его за руку)

Стой! Ужель пора
нам выходить на путь кровавый?

Агамемнон
(Клитемнестре и Эгисту)

Как же
пророчество ее вы разъясните?

Эгист

Ей не осмелиться вступить на пурпур.
Известно, это не к лицу рабыне.

Клитемнестра

Она же сумасшедшая, не слушай.

Агамемнон
(тревожно, умоляя)

Царевна! Объясни, что ты пророчишь?
Теперь наш дом уже судьбу свою
связал с твоей судьбою.

Кассандра
(с удивительным спокойствием)

Царь, я знаю...
Но ты не верь мне, ты царицу слушай,
считайся с тем, что родич твой сказал,
Словам моим не придавай значенья.
Пророчицей была Кассандра раньше, —
она сгорела на пожаре Трои,
и вещие слова ее истлели,
а ветер их унес далеко в море...

Лишь только искорка одна осталась
здесь, в этом сердце, у простой рабыни,
и, вспыхнув на мгновение, погасла
(Смотрит на свой посох.)
Как странно... И откуда этот посох?
И чей он? И откуда диадема?

(Снимает с головы диадему и бросает под ноги Клитемнестре, потом ломает посох и тоже бросает на землю.)

Теперь здесь ничего нет от Кассандры.
Царица, дай же мне теперь работу, —
Я все умею, кроме прорицанья.

Агамемнон
(берет ее за руку и ведет в дом)

Царевна ты! Всегда ты ею будешь.

Клитемнестра
(Эгисту шепотом)

Нам нужно два меча. Точи острей.
Ты бей его, а я ее ударю.

Сильный ветер и проливной дождь. Клитемнестра и Эгист поспешно уходят в дом.

Конец

Ялта, 5. V. 1907.

АЙША И МУХАММЕД

Диалог

Садик у дома Мухаммеда. Айша сидит в маленькой виноградной беседке и ест сласти, лениво откинувшись на низенькой скамье, покрытой большим ковром. Приходит Мухаммед и молча садится у ее ног на край ковра.

Айша

Глянь на меня, любимый.

Мухаммед, смотрящий вдаль, молча переводит взор в сторону Айши.

Мухаммед

Но я гляжу.

Айша

Глядишь ты и не видишь!
Так ведь глядят на дерево, на камень,
На стену, на колоду... я не знаю,
На что другое, — но не на подругу,
Не на свою любимую!

Мухаммед

Не знаю,
Чего ты хочешь, Айша.

Айша

Ты не знаешь?!
Хочу, чтобы меня любил Мухаммед!

Мухаммед

Я разве не люблю?

Айша
(не слушая)

Меня люби
И больше никого!

Мухаммед

Что за желанье?
Верь это — то же, если б ты хотела,
Чтоб лишь тебе одной светило солнце,
Тебе одной служил огонь. Тебе
От этого не стало б ни светлее
И ни теплее, чем теперь, когда
Со всем живым твореньем эти блага
Ты поровну должна делить, — зато
Другим на свете жить бы стало хуже.

Айша

Ты прежней милой так не говорил,
Подобных слов не слышала Хадиджа.

Мухаммед
(удивленно)

А ты как знаешь?

Айша
(злорадно)

А! Я угадала?

Мухаммед
(преодолев смущенье)

Что ж, это правда; ей не говорил я
Слов этих потому...

Айша

Что ты любил
Ее безмерно больше, чем меня!

Мухаммед
(не обращая внимания на ее вспышку)

...Лишь потому, что даже солнце первым
Лучом ласкает первое, навстречу
Ему попавшееся.

Айша

Нет, неправда!
Не первый луч, а все твои лучи
Ты отдал ей, а мне достался отблеск,
Холодный, тусклый! . .

Мухаммед

Айша! И не стыдно
Так говорить? Я холоден с тобою?
А что бы ты сказала, если б я
Тебя ласкал и нежил только так,
Как первую подругу, — ту, Хадиджу,
Которой ты завидуешь?

Айша

Не знаю;
Но только ясно вижу, что меня
Вовеки не любил ты, как ее,
Не любишь и теперь, и не полюбишь,
И никогда ее в твоей душе
Не заслонить мне!

Мухаммед

Дурно, Айша, мертвым
Завидовать. Хадиджа умерла
И повредить ничем тебе не может.

Айша

О! Если бы аллах продлил ей жизнь,
Ее, быть может, я и победила б!

Мухаммед

Не понимаю смысла этих слов.

Айша

Скажи по правде, где ты был сегодня?

Мухаммед

А для чего? Не все ль тебе равно?

Айша

Ты на кладбище был! Был на могиле
Хадиджи! Я тотчас же угадала!
По взгляду вижу. Не обманешь, нет!

Мухаммед

Зачем бы лгать мне? Верно, я там был.
И разве грех — почтить душою память
Покойницы, что мне женой была?

Айша

И я тебе жена, но ты не станешь
Так часто посещать мою могилу.

Мухаммед

Не искушай аллаха. Неизвестно,
Кому из нас на чью ходить могилу.
Одно известно: ты на много лет
Меня моложе.

Айша

Кажется, настолько ж,
Насколько ты моложе был твоей
Хадиджи? Да?

Мухаммед

Да, кажется, что так.

Айша

Ты, значит, взял ее совсем старухой?

Мухаммед
(угрюмо)

Тебе не раз я говорил про это;
Да и сама ты знаешь.

Айша

Очень странно!
Нельзя об этом разве вспоминать?

Теперь не безразлично ль для нее,
Шла за тебя старухой ли она,
Иль девушкой, дурною иль прекрасной?
Ее на свете нету все равно.

Мухаммед

Так радоваться чьей-то смерти — грех.

Айша

Не радуюсь я... А скажи по правде:
Была ль она когда-нибудь красивой,
Или всегда такою, как тогда,
Когда мы с нею повстречались?

Мухаммед

Айша,
Зачем расспросы эти?

Айша

Ну, скажи,
Была ль она когда такой, как я?
(Наклоняется к Мухаммеду.)

Мухаммед
(взглянув на Айшу)

Всех женщин в мире ты прекрасней, Айша,
Живых и мертвых, да и нерожденных!

Айша

Ты и всегда так думал?

Мухаммед

Я лишь глянул —
И вмиг твою приметил красоту.

Айша

И полюбил меня?

Мухаммед

Да. С первой встречи.

Айша

Зачем же ты тогда меня не взял?
И я тебя тотчас же полюбила.

Мухаммед молчит.

Айша

Тогда жила Хадиджа!.. Почему,
Скажи, при ней не мог ты взять другую?
Она была богатой, — потому?

Мухаммед

В то время я уже богаче был.
И ты не думай, что она купила
Мою ей верность золотом.

Айша

О, если б
Могла я думать это!.. Ведь за деньги
Так никого не любят, кто в могиле!
А ты три года одиноким жил,
Похоронив Хадиджу, а потом,
Как только взял меня, взял десять новых...
Как и за что возможно так любить
Умершую невзрачную старуху, —
Красивую и юную презрев,
Любимую, влюбленную, живую?

Мухаммед

Не мучься, Айша, и не мучь меня.
У бога тайны есть, и постигать их
Не смеем мы.

Айша

Ответь! Я знать хочу!

Мухаммед

Когда бы сам я знал...
(Подумав.)
Вот ты сказала:
«Невзрачную старуху...» Мне она

Ни юной, ни красивой никогда
И не казалась. Говорить не стану,
Что я не видел и не замечал
Всего того: я видел все морщины
Ее лица... А счет ее годов
Напомнить мне сумели б и соседки.
Но нечто, нечто вечное в ней было...
Мне кажется, что все живет оно
И на меня глядит сквозь холм могильный,
И голосом таинственным звучит,
И все мои слова и думы знает...

Айша

А это «вечное» во мне, любимый,
Есть?.. Да иль нет? Скажи!

Мухаммед молчит.

Что ж ты молчишь?

Мухаммед молча встает и выходит из беседки. Айша падает ничком на ковер и рыдает в бессильной ярости.

Ялта, 22. IV. 1907.

РУФИН И ПРИСЦИЛЛА

Драма в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

Руфин Эмилий — молодой римлянин знатного рода.
Присцилла — его жена, христианка.
Аэций Панса — ее отец, знатный римлянин, крупный землевладелец.
Кай Летиций — префект, друг Руфина.
Парвус — христианин неизвестного происхождения.
Сервилия — римлянка, плебейка.
Раб в доме Руфина.

Действие драмы происходит во II веке н. э.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Атриум в доме Руфина: большая, красивая комната с квадратным бассейном посредине (impluvium) и таким же большим открытым окном в потолке над ним (compluvium). Возле бассейна простой домашний алтарь без статуй. К приемной примыкают несколько боковых комнат, отделенных от нее не дверьми, а тяжелыми занавесями из дорогих тканей, простенки между ними украшены картинами, а также бюстами философов на высоких подставках. В глубине атриума широкий с раздвинутыми занавесями вход в довольно большую хорошо обставленную комнату (tablinium), где видно много пергаментных свитков, таблиц и т. д., что делает комнату похожей на библиотеку; в задней стене комнаты еще дверь, она открыта. По обе стороны комнаты широкие и короткие сени выводят во внутренний двор — перистиль.
Из атриума видны сквозь сени и сквозь двери таблина этот перистиль с колоннадою, небольшой бассейн посреди него, окруженный цветником и декоративными растениями. Сцена устроена так, что атриум виден только наполовину, поэтому имплювиум

находится на авансцене, таблин же и вход в перистиль немного отодвинуты в глубину. Во время действия входят в атриум через перистиль сенями, а не из боковых кулис. В атриуме довольно много маленьких скамеечек, стульев, столиков, ваз на подставках, что делает комнату красивой и уютной, хотя она и не слишком роскошна. Смеркается.

Руфин один. Нетерпеливо ходит по атриуму. Временами он выходит в перистиль и смотрит в сторону, на улицу. В его поведении заметны не только нетерпение, но и тревога. На пороге сеней, которые ведут из перистиля, показывается Присцилла, закутанная в большое из грубой ткани покрывало; войдя, она его снимает, и ее суровая простая одежда бросается в глаза по странному контрасту с красивым жилищем и дорогой, хотя и благородно-простой патрицианской одеждой самого Руфина. В руках у Присциллы маленький светильник (люцерна).

Руфин

(бросается ей навстречу. С упреком, в котором больше чувствуется боль, чем досада)

Присцилла! Как же можно?..

Присцилла

(спокойно)

Что, Руфин?

Руфин

Ты вновь была сегодня в катакомбах?

Присцилла

(немного помолчав)

Когда бы промолчать могла — охотно
На все б твои вопросы я молчала,
Однако больше, чем светильник этот,
Здесь искренность моя тебе откроет.
(Ставит светильник на один из постаментов.)
Неправду говорить тебе не буду,
А правду замолчать не в силах тоже,
Да, я была сегодня в катакомбах,
Пойду и завтра, если только ты
Туда не запретишь ходить мне.

Руфин

Что ты,
Любимая, да разве ты не знаешь,
Что я тебя никак не принуждаю,

Ни силою, что мне дала природа,
Ни правом тем, что мне дает закон.
Противна мне послушность поневоле, —
Ведь не рабыню взял себе я в жены.

Присцилла

Я думаю, людей немного в Риме
Таких, как ты, а может быть, один ты
На целый Рим. И дорого мне это.
Всевидящий господь тому свидетель,
Как я тебе всем сердцем благодарна.
Настанет день, когда он мне поможет,
Чтоб благодарность эту ты увидел.
А до того — когда б ты знал, как тяжко
Неблагодарной мне казаться...

Руфин

Будет!
Оставим, благодарность не нужна мне,
И не за что благодарить...
(Смущенно.)
Присцилла!
Любовь моя и счастье... Как сказать мне,
Как передать словами ту тревогу
И страх мой за тебя, что, словно ястреб,
Кровавит, мучит, раздирает сердце
За каждый час, когда ты там бываешь.

Присцилла
(мягко)

Чего же, друг мой, так уже бояться?

Руфин

Хотя б того, что ты так поздно ходишь
Дорогой Нументанской, это страшно.
То путь опасный — всякий люд там бродит,
Тебе разбойник может повстречаться,
А ты одна там ходишь вечерами...

Присцилла

Зачем разбойники ко мне пристанут?
Теперь я не похожа на богачку,
А что б имела, отдала б охотно
Любому, кто бы в помощи нуждался, —
Так что же мне разбойников бояться?

Руфин

Не тот разбойник страшен, что хотел бы
Взять золото...

Присцилла

Гордыня, может, это, —
Но пусть господь даст за нее прощенье! —
Я думаю, что никакой гуляка
Меня не может тронуть, не посмел бы,
Когда б я только на него взглянула,
В глаза б его бесстрашно посмотрела.

Руфин

Лишь воспитанье истинной матроны
И чистота природная натуры
Тебе так говорят, но осторожность
Мне убедиться в этом не дает.
Спокойней стал бы я, когда б с тобою
Был провожатый.

Присцилла

Нам не подобает
Брать слуг, когда идем мы на собранья.

Руфин

Я не про слуг сказал... Пошел бы сам...

Присцилла

Однако, друг мой... Горько говорить мне...
Да что ж... ты знаешь сам... ты там чужой...

Руфин
(с горечью)

Я знаю, я чужой... Но я б остался
Стоять и за порогом катакомбы,
Так, как стою давно уж за порогом
Души твоей, и только уберечь
Тебя хоть до порога я желаю,
Хотя я и чужой...

Присцилла

Прости меня,
Тебя никак обидеть не хотела.
Я знаю, защитить меня ты хочешь,
А кто ж тебя сумеет защитить?

Руфин

Меня? Хотел бы знать я, кто посмел бы,
Кто тронул бы Руфина?

Присцилла

Кто? Закон.
Когда увидит кто и в суд заявит,
Что посещаешь ты ночные сборы
И тайные собранья, — не поможет
Тебе твое оружье, и отвага,
И род патрицианский... О Руфин мой!
И допустить такого не могу я!..

Входит раб, вносит светильник и говорит, словно между прочим, безразличным голосом.

Раб

Там госпожу ждет человек какой-то.

Руфин

Меня, быть может?

Присцилла
(тихо Руфину)

Может, кто из братьев?

Руфин
(рабу)

Не понял ты, веди его сюда.

Раб выходит, бормоча что-то тихо про себя. Входит Парвус.

Парвус

Мир в доме всем вам!

Присцилла

И тебе мир, брат мой!
Что не был ты на службе божьей?

Парвус
(шепотом)

Тише!
Иль нашим стал Руфин?

Присцилла

Не наш еще.

Парвус

Так что ж ты так открыто?

Присцилла

Знай, что муж мой —
Не предал никого и не предаст.
Коль недоверчив ты, не верь и мне, —
Я ничего от мужа не скрываю.

Руфин

Ну, я пойду, я не хочу мешать вам.

Парвус

Нет, все равно. Не о себе я думал,
Когда остановил твою жену.
Пекусь об общем деле. Ну, а сам я
Язычникам пути не уступаю,
Теперь молчать не время. Мы теперь
Ведем войну святую, защищая
Небесную державу. И бороться
Мы за нее должны до самой смерти,

Все, кто чем может, — огненным ли словом,
Иль славными деяниями. Горе
Всем равнодушным! Как траву дурную,
Сожжет их бог огнем.

Руфин

Трава дурная...
Да это как бы про меня?

Парвус

Из Савла
Явил господь нам Павла. И с тобою,
Быть может, тоже это чудо будет.

Руфин

Сказать по правде, я не вижу чуда
Какого-либо в превращенье Савла.
Все, что читать мне раньше приходилось
Из книг сего тарсийского рубаки,
Уверило меня, что не менялось
Ничто в нем после «чуда», кроме буквы,
Одной лишь буквы имени его.

Присцилла

Что говоришь ты?

Руфин

Только то, что мыслю.
Ведь на любой странице, в каждом слове
Он виден как задиристый вояка:
Он словом бил, как воин бьет мечом,
Хоть о любви он говорил немало.
Он воевал отчаянно за веру,
Так, как преторианец за обиду
Орла империи, — одно и то же,
Что знак ягненка или знак орла...

Присцилла

Нет, ты не прав, Руфин... Ты мало знаешь
Апостолов творенья, чтоб судить так.

Парвус

Языческое ваше краснобайство
И письменность вся ваша — прах и тлен
Против творений праведников божьих, —
Скажи, ты их читал?

Руфин

Признаться должен,
Что мне не по душе писанья ваших
Учителей. Ведь стиль их простоватый,
Бездоказательность и рабство мыслей
По сердцу режут просто без ножа!

Парвус

Вот если бы ты это прочитал,
(показывает на рукопись)
То, верно, так не стал бы говорить.

Руфин

А что это?

Парвус

Посланье наше к Цельзу —
Философу. Ответ достойный наш.
Его должна переписать Присцилла,
Оставлю ей, ты можешь прочитать.

Руфин

Я Цельза знаю и ценю высоко;
Я думаю, что даже и враги
Не уважать его никак не могут:
Ведь труд его не пахнет ни болотом,
Ни кровью, как бывает очень часто
У ваших недругов. Не так ли это?
(Не замечая, что Присцилла и Парвус нарочно промолчали.)
Позволь мне прочитать хотя б начало.
(Берет у Парвуса рукопись, читает несколько минут, потом Присцилле.)
Скажи, Присцилла, ты читала это?

Присцилла

Епископ вслух читал нам всем недавно.

Руфин

Не понимаю, как могла ты взяться
Дрянь эту переписывать.

Присцилла

Стыдись, друг!

Руфин

Так как же должен я назвать болото,
Как не болотом? Тут уж вовсе нету
Того таланта, что в твореньях Павла
Просвечивает все ж сквозь беспорядок
И грубость формы и сквозь суеверья.
Тут доказательств нету, нету фактов,
Ни доводов достойных, «чудеса» все,
Где бесы вдруг вселяются в свиней,
И всякие хромые силлогизмы,
Что взяты у софистов из предместий.

Парвус

Что из того нам, что у Цельза «факты»
Нанизаны на ниточку, как перлы
Дешевые, зато они фальшивы!

Присцилла

А что из этих «доводов»? Не могут
Они ни одного явить нам чуда
В сердцах людских, как это сотворили
Предания о чуде галилейском,
Что цветом всюду вечным зацвели
Среди пустынь неверия людского?

Руфин
(все смотря в рукопись)

Ты только слушай, что здесь за слова.
(Читает.)

«Змеиный выродок», «исчадье ада»,
«Зловонная душа»...

(Кладет рукопись.)

Читать противно.
Здесь перцу больше, чем в плохой похлебке!
Вот кротость христианская, как видно!
Вот, вот она, святая мудрость ваша!

Парвус

Нет, это лишь огонь святого гнева!
Безумство веры пламенной святое,
Что христианам стать не позволяет
Такими, как философ Цельз премудрый!

Присцилла

По правде, он ни теплый, ни холодный,
Бесплоден он, как дерево сухое.

Парвус

Я предпочту мучителя Нерона
Врагам таким, что, словно моль одежду,
Украдкой нашу веру разъедают,
Что убивают душу, а не тело.
Нерон — тот был великий виноградарь
В саду господнем, грозди, что поспели,
Давил он, и вино из этой крови
Ферментом новым сразу насыщалось.

Руфин

Какая скорбь, что столько крови льется
За вашу веру! Кажется мне только:
Вино играет, а уже в нем уксус.
Я верю, что пожар великий Рима
Не дело христиан, но, может статься,
Они пожар готовят нам побольше.
И все, что нам осталось здесь от славных
Времен былых, спалит все эта вера,
И пепел ветром разнесет по свету.

Парвус

На пепелище новый мир настанет.

Руфин

А в мире том и новый будет Рим?

Парвус

Не Рим, а новый Иерусалим.

Руфин

И ты доволен этим? Кто же ты?
Ты римлянин? Еврей?

Парвус

Христианин я,
Никем иным не стану.

Руфин

Это видно.
И все такие в новом мире будут?

Парвус

Конечно, все там будем мы подвластны
Державе божеской, никак не Риму
И не Афинам, иль Александрии,
Или каким другим земным столицам.

Руфин

До этого дожить я не хотел бы!

Парвус

Там праведники, вставшие из мертвых,
Жить будут, а не ты.

Руфин

Пускай и так,
А мне того довольно, что я вижу.
Коль дальше так пойдет, то быстро станем
Чужими мы в краю родимом нашем,
Изгнанники небесной той державы,
Коль нету ей на свете нашем места,
Тогда и мы попасть туда не сможем,

Где людям можно жить лишь после смерти
И потерять подобие людское,
Чтоб стать и не людьми и не богами,
А чем-то вроде тени, дыма, пара.

Присцилла

Такими, как безгрешный, чистый дух.

Парвус

Там нет хлопот и нет людских злосчастий,
Ни жать, ни сеять в царстве том не будут...

Руфин

Пока Иерусалим настанет новый,
Рим в нищету впадет, ведь ваша вера
Не труд, а нищенство благославляет,
Хоть не задобрит тем голодной черни,
А только больше эту чернь раздразнит.

Присцилла

Ты говоришь, нисколько не поняв,
Что значит божье царство: здесь настанет
Не самовластных цезарей господство,
А господа единого.

Руфин

Наступит
Тот бог единый людям всем на шею,
Как деспоты востока. Предпочту я
Державу даже цезарей-тиранов,
Хоть я республиканец, как ты знаешь.
Дороже всех мне пантеон великий,
Республика веселая прекрасных
Богов Эллады золотой, что стали
В Италии сенатом у народа,
Богов премудрых и трудолюбивых.
Юпитер не боится появляться
Сераписом в Египте иль Амоном,
Венера подает Астарте руку
Так, как сестра сестре.

Парвус

О, им нетрудно
В согласье быть, они все злые духи,
Все равные в злодействе и распутстве,
Им мирно жить легко.

Руфин

Да, жили мирно,
Гармония небесная царила
В том пантеоне. Но еврейский бог
Завистливый и мстительный дал в руки
Меч сыну Иисусу Назарею.
И этот меч невидимый повсюду
Всеобщую гармонию разрушил,
На небе и земле. Конца не видно
Великой той борьбе, что перешла
С небес на землю, от богов к народам.

Парвус

Конец придет, когда тот пантеон
До основанья снимет божья сила.

Руфин

А основанье?

Парвус

Станет алтарем
Единому.

Руфин

Алтарь среди развалин!
И это идеал державы бога?

Парвус

Так быть должно. Не могут помириться
Вода и масло.

Руфин

Но пока огонь
Сожжет все масло, испарит всю воду,
Весь мир уже в пустыню превратится.

Парвус злорадно усмехается.

Присцилла

Откуда ж ты спасенье мира ждешь?
Ведь ты не поклоняешься, я знаю,
Давно и тем богам, что в пантеоне.

Руфин
(показывая на бюсты философов)

Вот образы, каким я поклоняюсь
И не устану поклоняться.

Парвус

Этим?
Туманной тени лучше поклоняться,
Блуждающей комете, чем таким.

Руфин

Они скитались, правда, как и всякий
Отважный, кто краев все новых ищет.

Присцилла

А где конец скитанью дум подобных?
Где рассуждений дно? И где тот якорь,
Куда ты кинешь и за что зацепишь
Его, чтобы корабль остановить,
Отчаяньем безбрежья утомленный?

Руфин

Нет, рано все ж забрасывать нам якорь!
Пусть трудно наше странствие и тяжко,
Но мы не так давно в него пустились,
Чтоб думать о конце и берегах.
Пусть, кто устал, останется с Платоном,
Зеноном, Эпикуром иль с другим
Ловцом жемчужин из морей раздумий,
А с ними отдохнув, плывет все дальше,
Душою им навеки благодарный.

Парвус

Куда же, наконец, он приплывет?

Руфин

Когда б мы знали, то зачем бы плыть нам?
В таких скитаньях неизвестность только
Нам может нашей целью стать.

Парвус

А... так!
Ну что ж, плывите без пути, без цели,
А молвить проще — на погибель душ!
Вы самовольно отшвырнули якорь,
Что подан вам небесною рукою,
И верную вы миновали пристань,
Ту, что отец предвечный вам воздвиг;
От маяка, взнесенного высоко,
Что светит всем, вы отвратили очи, —
Так ждите же, чтоб вас разбили скалы
Подводные и бездна поглотила!
(Распаляется все больше.)
Так ждите ж вы, чтоб вас пожрали змеи
И злые чуда-юда океана!
О, как душа моя в ладоши плещет,
Погибель нечестивых ожидая!

Руфин
(Присцилле)

Любить своих врагов по-*христиански*
Совсем не так уж трудно, как я вижу.

Парвус

Христос нам дал любовь, но дал и меч!

Присцилла
(явно смущенная)

Он ненавидит только слепоту,
А не слепых...

Руфин

Не поясняй, Присцилла,
Он все сказал и так. Я понимаю.
(Парвусу.)

Мой гость, чтоб ты не раздражался больше,
Об этом я сейчас предпочитаю
Беседу прекратить.

Парвус

Я ухожу,
Нет времени для праздных разговоров.
Прощай, Присцилла.

Присцилла

А с посланьем как?

Парвус

Ты ж переписывать его не будешь?
(Искоса глядит на Руфина.)

Присцилла

Нет, нет! Я завтра все перепишу.

Парвус

(со скрытым сарказмом)

Да, мужу твоему стиль не по нраву.

Присцилла

(молча прячет рукопись под покрывало)

А кто переписал?

Руфин, молча поклонившись, уходит в свою комнату и задергивает занавес на дверях.

Парвус

Переписали
Рената, Приск, Альбина — все по разу,
А я так дважды.

Присцилла

Я согласна тоже.

Парвус

Вот хорошо. Семь списков. Разошлем мы
Церквам и Цельзу отошлем один.
Посмотрим, как он этот «стиль» одобрит!
Ха-ха-ха-ха! . . Ну, с богом оставайся!

Присцилла

Иди, брат, с миром!

Парвус выходит через боковую дверь. Присцилла одна провожает его.

Руфин
(входит)

Ну, ушел твой «брат»?
Что, в общине такие все?

Присцилла

Он резок,
Да только на словах, в делах он добрый,
Христианин хороший.

Руфин

Да, я верю...

За сценой какой-то радостный шум.

Постой! Что там?

Идут оба в перистиль.

Присцилла
(видит кого-то за сценой)

Отец!.. Отец любимый!
Так неожиданно! Так поздно!

Аэций Панса
(входит)

Путь не близкий,
Я рано выбрался. Руфин мой, здравствуй!

Здороваются.

Руфин

Привет, мой тесть любимый! День счастливый
Принес мне радость — вот тебя я вижу
Впервые в доме нашем.

Аэций Панса

Извини.
Щадил я кости старые доселе,

Но вот не вытерпел и вас проведал
И очень рад, что вас увидел рядом.
Спросил я: «Дочка где?» Сказали: «С мужем».
Хвала богам! От сердца отлегло.

Руфин и Присцилла переглянулись, немного удивившись.

Присцилла

А чем, отец, ты был обеспокоен?

Аэций Панса

Да вот там слухи разные услышал...

Руфин

О ком? О нас?

Аэций Панса

Да будто бы... о вас...

Руфин

Не понимаю!..

Аэций Панса

Слышал, говорили,
Что будто разводиться вы хотите.

Руфин

Мы? Разводиться?

Взглянул на Присциллу, та мимоходом схватила его за руку. У Руфина гневное выражение лица быстро изменяется на насмешливое.

Аэций Панса
(пристально глядит то на дочь, то на зятя, потом лицо его проясняется добродушной улыбкой)

Да, я вижу: лгали.
А лучше так — взглянуть в глаза, тогда уж
Лжи никакой поверить невозможно,
А то болтали...

Руфин

Да о чем?

Аэций Панса

О разном...
Что ты ее вернуть мне хочешь ныне,
Что недоволен ты бездетным браком...
И то, что не верна тебе Присцилла,
Что по ночам уходит...

Присцилла волнуется.

Руфин

Это вздор,
Не стоит нам и говорить об этом,
Ведь всякое выдумывают люди.
Узнать нам интересней, как живешь ты,
Все хорошо ли в доме и в хозяйстве?

Аэций Панса

Хвала Церере с Вестой — хорошо.
Лишь, говоря по правде, грустно очень
Под старость мне, вдовцу, который отдал
Единственную дочку...

Руфин

Я б за счастье
Почел, коль у меня б ты поселился.

Присцилла

Ведь мы, отец, давно тебя просили.

Аэций Панса

Э, нет. Я никогда и не стремился
К тому, чтоб в Риме жить. И не теперь
Мне привыкать. Вам предстоит другое,
Вы молоды, тебя, Руфин мой, слава,
Людская почесть манит, а тебя,
(кладет Присцилле руку на плечо)
Наверно, после сельского житья
Рим ослепил. Что, зять, скажи по правде,
Тебе ее наряды много стоят?

Руфин

О нет, отец. Мы оба больше дома
У очага домашнего сидим.

Аэций Панса

Хвалю за это дочь. Так воспитал я
Ее по правилам старинным. Дома
Жене быть подобает. А тебя
За это не хвалю я, — ты обязан
Еще немало послужить для Рима,
Чтоб и на отдых заработать право.
Вот я теперь засел в своем хозяйстве,
А смолоду и я служил державе,
Хоть и не в Риме.

Руфин

Да... служил и я...
И отслужил...

Аэций Панса

Не рано ль, сын, не рано ль?

Присцилла

Служить в такое время трудно стало.

Аэций Панса

Ленивый только ищет легкой службы,
Я за Руфином лености не знал.

Присцилла

Он не ленивый вовсе.

Аэций Панса
(Руфину)

Невозможно
Тебе, Руфин, для Рима не работать,
Уж сплетню о тебе пустить готовы,
Как будто ты вступил недавно в секту,
Что безразличье, вялость прививает
И нерадивость к обществу и Риму.

Руфин

Я не боюсь ни слухов и ни сплетен.

Аэций Панса

Напрасно, сын мой, должен всяк стараться
Для доброй славы.

Руфин

Видно, тесть любимый,
Что ты давно уж в Риме не бывал,
А то бы знал, кто славою отмечен
И что дает здесь славу.

Раб
(входит, Руфину)

Господин мой,
Сейчас пришел к нам знатный Кай Летиций,
За поздний час он просит извиненья.

Руфин

Для друга час не поздний. Я прошу.

Кай Летиций входит.

Кай Летиций

Привет мой вам.

Руфин и Присцилла

Приветствуем тебя.

Кай Летиций
(Аэцию Пансе)

Отец достойный, рад я этой встрече,
К тому же неожиданной.

Аэций Панса

И я
Обрадован случайностью такою.

Руфин

Пройдем, быть может, в комнату отсюда?

Кай Летиций

Нет, вечер теплый, в доме душно будет.

Садится на мраморную скамью рядом с Руфином и Аэцием Панса. Присцилла садится на табурет поодаль.

А то и так умаялся я за день,
От самого полудня был в гостях я,
Обедал у Криспина Секста.

Руфин

Вот как?
Ты был у Секста?

Кай Летиций

Был. А что ж такого?
Ведь мы же с ним давно знакомы...

Руфин

Да...
Я это знал...

Кай Летиций

Но он мне говорил,
Что и тебя он в гости дожидался.
Он, кажется, немало был обижен,
Весь день прождав тебя.

Руфин

И не дождется.

Кай Летиций

Да, на пирах Криспиновых, конечно,
Нет вкуса настоящего, и сам я
Хожу на них с тяжелым чувством, зная,
Что честного согласья там не встретишь.

Руфин

Так что же за обязанность терпеть их?

Кай Летиций

С людьми ведь нужно как-то уживаться!

Руфин

Хотел бы жить я без людей совсем,
Чем жить с таким.

Кай Летиций

У каждого плохое
В поступках и характере найдется.
Криспина Секста я не одобряю —
За все дела, что и тебе известны,
Но это же никак не преступленья;
Какими б ни были его поступки,
Все ж он хороший римский гражданин.

Руфин

Ну, от таких «хороших граждан Рима»
Когда-нибудь погибнет город наш!

Аэций Панса
(с суеверным страхом)

Пусть боги это слово не услышат!
Нет, никогда не может Рим погибнуть.

Кай Летиций

Пусть в добрый час, отец, сказал ты это!
(Руфину.)
Чем мысль свою ты доказать сумеешь?
Криспин гражданский долг свой выполняет;
Республике и цезарю, ты знаешь,
Он честно служит.

Руфин

Цезарю — возможно,
Но вот республике — чем он полезен?
Иль тем, что со своим любезным другом,
Никчемным Крустою, наводит страх
На всех угрозою своих доносов?

Кай Летиций

Доносов не чурался и Катон,
И Цицерон сам не гнушался ими.

Руфин

Ужели не для шутки ты сравнил
Их с Крустой и Криспином?

Кай Летиций
(усмехнувшись)

Как сказать!
Да, это люди мелкого пошиба.

Аэций Панса

Теперь все люди очень измельчали.

Руфин

Как будто так! И мельче стала мера,
Которой честь и добродетель граждан,
Достоинство их измеряют.

Кай Летиций

Друг мой,
Ты сам виновен в этом тоже.

Присцилла

Как?

Кай Летиций
(Присцилле)

Не надо обижаться, ведь укор мой
По дружбе сказан. Почему твой муж
Не станет первым в римском государстве,
Не даст публично честности примера,
Который стал Катону бы под стать?
Руфин бы смог. Тогда, наверно, мера
Достоинств римских стала больше снова,
Когда б такого образца дождались.

Присцилла

Ужель достоинство на людях больше?
Ужель оно сокрытое мельчает?

Кай Летиций

Для женщин — нет, а для мужчин — наверно.

Аэций Панса

Вот, что я говорил! О том же самом
Перед твоим приходом я сказал.
Руфин, ты слышишь? Может, ты подумал,
Что в мыслях у меня другое было,
Что, может, дочке я своей хотел
Добыть через тебя почета больше...

Кай Летиций

Ну, дочь твоя и большего достойна.

Аэций Панса
(Руфину)

Смотри, Руфин, твой друг о том же самом
Тебе сказал, а он ведь посторонний.

Руфин

Чтоб обо мне не думали вы хуже,
Чем стою я, скажу по правде вам...
(Подумав.)
Я знаю, Цицерону и Катону
Никак не будет следовать Летиций,
И здесь сказать могу я откровенно,
О чем всегда умалчивать привык...
«Республике и цезарю служить»...
Ты так легко слова сближаешь эти,
А у меня всегда они враждуют
И ставятся как два меча скрещенных,
Одно напротив одного так остро,
Непримиримо...

Кай Летиций

Да... Я уж не впервые
В тебе такую неприязнь заметил,
Питаемую к цезарю. Не знаю,
В чем здесь причина, но ты должен
Сознаться, что Калигула с Нероном

Давно уж только страшной сказкой стали,
И цезари уж нынче не тираны,
А тени славных стародавних римлян
Братаются достоинством суровым
С властителем республики единым.

Руфин

Единым, говоришь? Так он не может
Ни с кем брататься, властвовать лишь только
Иль враждовать. А все другие
Подножием суровой чести служат
Того единого республиканца.
Нет, всяк живущий возле тех «единых»
Или страдать, иль угождать им должен.

Кай Летиций

Никто ведь жить не может паразитом
На Палатине! Там работы много
При власти, войске, только пожелай!

Руфин

Яд с Палатина всюду проникает,
Как будто мор...

Кай Летиций

Тогда я удивляюсь,
Зачем в тебе не возродился Брут
Уж до конца...

Аэций Панса
(со страхом)

Ой, друг мой! Что за шутки!
(Руфину.)
Теперь, Руфин, ты видишь, до чего
Твое упрямство вечное доводит.
(Каю Летицию.)
А ты не принимай все близко к сердцу,
Ведь издавна ведется у Руфина,
Что шутка у него граничит с правдой.

Кай Летиций

Отец, ты не волнуйся, мы ведь дружим.
Я пошутил. Ну, а насчет Руфина —
Не шутит он, я это понимаю, —
Он думы эти в жизнь не воплотит,
И потому, что наш Руфин философ,
Наш император может спать спокойно.

Руфин
(горько, задумчиво)

Да, да... наш цезарь может спать спокойно,
Так как не мало было этих все же Брутов,
Чтоб верить в силу их... И каждый Брут
Другому цезарю давал дорогу,
Да и не лучшему.

Кай Летиций

Вот сам ты видишь —
Напрасно против цезаря бороться.
Друг, недруг ли ему — смириться должен,
Ты не отважишься идти на гибель,
Так лучше в мире жить с ним так, как я,
Да и служить республике, чем можешь
И как сумеешь.

Аэций Панса

Вот сказал ты верно!

Руфин

Чтоб в *мире* жить нам с тем неотвратимым
Недугом гибельным, что тело ест
И душу Рима губит? Невозможно!
Лекарств я от него не знаю, правда,
Но и мириться не желаю! Нет.
Хоть я смотрю с немыслимою скорбью,
Как гибнет Рим...

Кай Летиций
(нетерпеливо)

Кто выдумал такое?
Уж сколько раз я слышал: «Гибнет Рим!»

И сколько уж столетий Рим наш гибнет,
А власть и сила Рима все растут
И скоро целым светом завладеют!
Так до какой поры грустить мы будем
По старым добродетелям? Быть может,
Плохими стали римляне, но Рим
Стал величавее, чем был он раньше.
И знаешь ты, что нам дает величье?
То право римское, законы наши,
Которым нету в целом свете равных!
Их «веред» никогда не одолеет,
Они у нас сильнее всякой власти...

Руфин

А самовластье их еще сильнее!

Кай Летиций

Так только кажется нам, самовластья
И не было и быть не может в Риме.
Закону подчинялся и Нерон.

Руфин

Он сам давал законы.

Кай Летиций

Нет, неправда.
Когда б при нем сенаторы стояли
На страже справедливого закона...

Руфин

Когда б!..

Кай Летиций

Вот я ловлю тебя на слове!
Когда бы ты и всяк тебе подобный
На страже римского закона были,
А не сидели, словно сидни, дома,
То вереды, как ветряная оспа,
Исчезли б с тела Рима навсегда.

Руфин

Ты так уверен, Кай, в законах этих?

Кай Летиций

Нет, я одно хотел бы знать, Руфин,
Как долго собираешься носить ты
Весь этот траур духа самовольный?
(Аэцию Панса)
Повальная болезнь, отец, как будто
У всех философов высокородных:
Они в своих домах, как в тесных урнах,
Находятся, не обратившись в пепел;
У них и лица вытянулись даже
И стали желтыми — кто б мог подумать,
Что все они вступили в эту секту,
Что только принимает нищих духом...

Руфин

Ты вправду речь ведешь, как Цицерон,
Мой друг, я пыл твой погашу немного.
Распорядись подать вино, Присцилла,
И что-нибудь поужинать для нас.

Присцилла выходит.
Слуги быстро приносят вино и еду. Руфин угощает гостей.

Кай Летиций

Ох, это христианство! Вот болячка!
И вырезать никак ее не можем.

Аэций Панса

А почему?

Кай Летиций

Нельзя ж за веру резать,
Хотя среди людей повсюду слухи
Об этой секте ходят.

Руфин

Лгут не мало,
Сказал бы лучше.

Кай Летиций

Нет, понять нам трудно.
Та вера зародилась в Палестине,
А в тех краях и чуждых нам и диких
Уже стихии сами порождают
Безмерные и страшные злодейства.

Руфин

Но есть у христиан такие люди,
Которых честь и совесть непреклонны,
Ужели молча зло они терпели б?

Кай Летиций

А вспомни-ка историю Сабины,
Ее злодейство ты припоминаешь?
Она ж была, наверно, христианка, —
Призналась, а Криспин все подтвердил.

Руфин

Она призналась только в своей вере.

Кай Летиций

А муж и все свидетели затем
Суду сказали то, что она скрыла,
Что христиане делают.

Аэций Панса

А что же?
Об этом я не слышал ничего.

Кай Летиций

Да неудобно говорить мне даже.
Сабину, как я слышал, осудили
За связь кровосмесительную с братом.

Аэций Панса

Еще такого не бывало в Риме!

Кай Летиций

Да ведь и секта их у нас недавно.

Руфин

Все клевета, Сабина невиновна.

Кай Летиций

Но ведь и суд признал ее вину.

Руфин

Криспин ее тогда оклеветал,
Чтоб от нее избавиться. Злодей он.
Против него я говорил в суде
И хоть сейчас могу сказать все снова.
К Сабине относились с уваженьем,
Она была примерной в Риме.

Аэций Панса

Ба!
Но все же она стала христианкой,
А это ведь матроне не пристало.
Да и была ль Сабина та матроной?

Кай Летиций

Да, да и роду славного.

Аэций Панса

Как странно!
Я просто не могу себе представить,
Чтобы Присцилла, например, моя...
К еврейской ложной вере обратилась...
Смешно и глупо вышло бы! Конечно,
Так быть не может.

Кай Летиций

Ведь не все матроны
Сравниться бы могли с женой Руфина
И дочерью Аэция.

Руфин

И я
Слыхал про христианок знатных родом
И добродетельных и потому-то
Привык уже не верить слухам разным
Про эту секту.

Кай Летиций

Друг мой, мы не знаем,
В какие сети ловит неофитов
Та секта христиан. Не знаем также,
Дают какую клятву и присягу
Участники мистерий христианских
И посетители ночных собраний.
Они все одержимые как будто,
Тогда ни воспитанье и ни совесть
Ни в чем их никогда не остановят:
Пытай — и ничего они не скажут;
К сердцам не обращайся — бессердечны;
Грози им смертью, а они, как трупы
Иль как бессмертные — им все не страшно.

Руфин

Что ж, и Сцевола Муций одержимый?

Кай Летиций

Нет, он страдал за правду,
Ну, а эти
За веру ложную свою. Под пыткой
Совсем недавно раб один сказал,
Что под дверьми у христиан подслушал
Он сам слова такие: «Ешьте тело
И пейте кровь».

Аэций Панса ужасается.

И сам не раз я слышал
От христиан такие разговоры
О их сектантах, тех, что назывались
У них «еретиками», хоть в Христа
Сектанты эти верят непреложно.

Аэций Панса

Тогда опасна очень эта секта,
Ведь мы не знаем, кто там «еретик»,
А кто простой сектант. Не лучше ль было б
Всю эту секту взять с еретиками
И навсегда под корень уничтожить?

Кай Летиций

Закон карает только преступленья.

Аэций Панса

Ты ж сам назвал преступной эту секту.

Кай Летиций

Но ведь не каждый, кто сектант, — преступник,
Он только легче *может* стать опасным,
Чем не сектант.

Руфин

Сомнительно все это.
Известно все ж, что эти преступленья
Достойные не подтверждали люди,
И мы их тоже подтвердить не можем.
А я на месте судей бы — не верил
Свидетельству какого-то раба
И клевете Криспина или Крусты.

Кай Летиций

По правде, сам я также не люблю
Таких процессов. Все они темны,
Запутаны, понять их очень трудно,
Там хаос, лабиринт, а не процесс.

Руфин

Вот видишь!

Аэций Панса

Все ж я не понимаю...
(Задумывается и медленно пьет вино, не вслушиваясь в разговор.)

Кай Летиций

Страшны не этим христиане. Сроду
Никто порядок Рима не разрушил
Такими преступленьями. Однако
Мы знаем: христианство — враг державы;
Закон, религия и император —
Ничто не свято им. Богам не служат
И культа цезаря не признают.

Руфин

Скажи по совести — ужель ты вправду
Считаешь цезаря за бога?

Кай Летиций
(уклончиво)

Скажем —
Не цезаря, а гений чту его.

Руфин

Да хоть и так. Ты полагаешь: цезарь
Над нами, как Юпитер, высший бог,
Душа и сердце римского народа?

Кай Летиций
(сухо)

Я дум своих другим не открываю,
А делом я не преступлю закона,
Да и другому это не позволю,
Пока того закона не отменит
Власть надлежащая своим порядком
И я пока зовусь префектом римским.

Некоторое молчание.

Аэций Панса

Я так установил бы: эта секта
Должна быть для одних рабов.

Руфин

Рабов?

Кай Летиций

Зачем?

Аэций Панса

Ведь для рабов она полезна.

Кай Летиций удивленно смотрит на него.

Нет, правда, я давно в своем хозяйстве
Смог убедиться в этом; каждый раб
Становится, лишь примет христианство,
Покорным, честным, работящим, так что
Хоть палку забывай! Я покупаю
Все христиан себе. А остальное —
Обычай их, — мне от раба нужны лишь
Покорность и усердие в работе.
Ну, о свободных разговор другой.

Слышен женский плач в перистиле: «Пустите, мне префекта надо видеть...» Этот голос перебивается тревожными возгласами слуг. В атриум вбегает Сервилия, за нею Присцилла.

Присцилла

(удерживает Сервилию, желая ее успокоить)

Да не волнуйся, твой сынок найдется.

Сервилия

Да где его теперь искать! Уж ночь!
А я его разыскиваю с полдня!
Пропал! Пропал!

Руфин

(подходит к Сервилии)

Что, женщина, с тобою?

Сервилия
(Присцилле)

Он кто? Префект?

Кай Летиций
(тоже подходит)

Нет, я префект. А что там?
Зачем меня в гостях ты беспокоишь?

Сервилия

Сын у меня единственный пропал!

Кай Летиций

Так чем могу помочь я?

Сервилия

Господин мой!
То христиане... Близится их праздник...
Для жертвы взяли мальчика!
(Громко рыдает.)

Присцилла

Опомнись!
Как можешь говорить такое!

Кай Летиций

Слушай!
Ты сгоряча сказала это слово
Иль думать так имеешь основанье?

Сервилия

Префект! У нас соседи христиане,
Наверно знаю. Моего ребенка
К себе не раз заманивали в гости;
Бывало, и домой не шел от них,
Вот так они его околдовали.

Присцилла

Ты выдумала!

Сервилия

«Выдумала!» Как же!
Известно, что волшебники они!
Я, глупая, не верила... Ой, горе!
Когда б я знала, что дождусь такого!
Там был один... Седой как лунь старик,
Он больше всех манил... Я так слыхала:
Он с ним за Тибр отправился куда-то;
И больше он не возвратился.

Кай Летиций

Кто с кем?

Сервилия

Мой сын с тем дедом... Дед — христианин.

Кай Летиций

А дед вернулся?

Сервилия

Не пришел и дед.

Кай Летиций

Где ж он?

Сервилия

Когда б я знала!
(Внезапно падает к ногам Кая Летиция.)
Господин мой!
Найди, найди мне моего ребенка!
Служить тебе до гроба буду честно!
Свободна я, но я пойду в рабыни —
Тебе служить!

Кай Летиций

(Дает ей знак встать. Сервилия встает.)

Ну, это все не к делу!
Ты кто такая? Как зовут?

Сервилия

Зовусь я
Сервилия, легионер Фастидий
Мой муж, он нынче Риму честно служит
В Паннонии.

(Плача.)

Он жизнью там рискует
За цезаря... А здесь... Его ребенок
У людоедов... Выпьют кровь они...
Они съедят...

Кай Летиций

(с чиновной важностью)

Запомни, что скажу я:
Ручаюсь я тебе законом римским,
Коль жив твой сын, так мы найдем его,
Иль за него мы отомстим жестоко,
Когда б случилось то, чего боишься,
А я сейчас пойду распорядиться
Вигилам всем и всем центурионам:
Пусть ищут христианские собранья
По Риму всюду.

(Руфину.)

Должен уходить я,
Друзья, прощайте.

(Сервилии.)

Ты иди за мною.

Руфин

Прощай!

Присцилла молча кланяется.

Аэций Панса

Прощай!

(Руфину.)

Ну что это такое
Творится в этом Риме? Просто ужас!

Руфин

Да в чем же ужас тут? Где не бывает,
Что вдруг ребенок может заблудиться?

Присцилла

А, может быть, уже мальчонка тот
Пришел домой и одиноко плачет.

Аэций Панса

Но женщина сказала: христиане...

Присцилла

Она по темноте своей не знает,
Что говорит.

Аэций Панса

А ты откуда знаешь,
Какие христиане? Разве знаешь?

Руфин
(перебивает, потчуя)

Да хватит нам, поужинай, отец.

Аэций Панса

И так, дочь, за столом я засиделся.
(Встает.)
Прилечь, поспать бы я не прочь, пожалуй.

Присцилла

Пойдем, пойдем, отец мой, для тебя там
Постель готова.

Ведет Аэция Панса через перистиль в дальнюю комнату, скоро возвращается и садится возле Руфина. Некоторое время они молчат.

Руфин

Знаешь ли, Присцилла,
Меня не радует, что там случилось
С мальчишкою. Начнутся вновь гоненья
На христиан.

Присцилла

На то господня воля.
Должны перенести мы испытанье
Отважно, стойко, как пристало верным.

Руфин

Присцилла, вот ты вымолвила слово,
Какого я не смел промолвить первый,
Я думал — ты его не примешь в душу.
Но я смотрю, что и твоя душа
Еще доступна все ж людской тревоге.
«И допустить такого не могу я» —
Не мною это сказано — *тобой,*
Подумай-ка теперь, чего мне стоит,
Чтоб не сказать такого слова.

Присцилла
(немного подумав)

Слушай,
И я б то слово заглушить хотела
На дне души, когда б я только знала,
Что пострадать не за меня ты хочешь,
Но лишь за то, что выше, над людьми.
Что б ты сказал, коль от меня б услышал
Подобное в те времена, когда
Ты думал воевать за славу Рима?

Руфин

Сказал бы я, что так нельзя матроне,
Что гражданкою римской рождена...

Присцилла

И не послушал бы меня?

Руфин

Конечно!

Присцилла

Теперь скажи: что, если б я была
Во власти злобной варвара лихого
И не было б защиты, кроме смерти,
То мог бы ты сказать тогда: «Присцилла,
Умри, но не покрой себя позором»?

Руфин
(подумав)

Я мог бы так.

Присцилла

Теперь подумай ты:
Ведь то, за что я смерть принять готова,
Дороже для меня, чем слава Рима,
Дороже чести даже.

Руфин

И Руфина?

Присцилла

Руфин, мне выбирать еще пока
Не надо.

Руфин

Но придется делать выбор,
Лишь про тебя узнают.

Присцилла

А умру я,
Ты пережить утрату эту должен.

Руфин

Не знаю я, смогу ли пережить.

Присцилла
(подавляя волненье)

Иль ты, Руфин, не римлянин? Ужели
Ты смерть жены не перенес бы стойко?

Руфин

Ты духом более тверда, чем я,
Ведь и меня ты утопить готова
Для славы христианства.

Присцилла

Я? Тебя?
Да не сама ли я тебя просила
Не провожать на тайные собранья?

Руфин

Что провожать, что нет, — не все равно ли?
Теперь здесь не о секте тайной, хуже —
Речь будет о кровавом злодеянье
(Коль до суда дойдет такое дело),
Тогда и мужа истой христианки,
Наверное, возьмут под подозренье.

Присцилла

Недавно христианку осудили,
Как будто бы за колдовство, к сожженью,
А муж ее остался невредимым.

Руфин

Но от нее муж на суде отрекся
И доказал, что с той поры, когда
Она вступила в секту, то забыла
Свой долг супруги. Перестала вовсе
Женою быть.

Присцилла
(опустив глаза)

И ты, коль надо, сможешь
И про меня сказать такое.

Руфин

Вправду
Ты думаешь, что мог бы я так сделать?

Присцилла

Ведь ты, сказав такое, только правду
Открыть бы мог.

Руфин

Но есть такая правда,
Которая не может быть открыта.
Развода мы не брали.

Присцилла

Можем взять.
Я знаю и сама: мне невозможно
Быть под твоей защитой и заботой,
Поставить жизнь, покой твой под удары,
Ведь я и вправду не жена тебе.

Руфин молча отходит и опирается, закрывшись тогою, на пьедестал.

Присцилла
(подходит к нему и кладет ему руку на плечо)

Руфин, неправ ты, сердишься напрасно:
Я только то сказала, что должна бы
Сказать уже давно, что ты сказал бы,
Когда б о посторонних речь зашла
В подобном деле.

Руфин
(горячо)

Никогда на свете!
У христиан супружество, быть может,
До тех пор держится, покуда страсть
Владычествует.

Присцилла

Лишь одна измена
Брак честный христианский расторгает.

Руфин

А истинный — одна лишь смерть. Присцилла,
Хоть изменила мне ты для Христа,

Тебе же никогда не изменю я
Ни для кого. Тебя я отпустил бы,
Тебя бы не держал в своей неволе,
Когда б хоть раз ты мне сказала прямо:
«Пусти меня, ты мне постылым стал,
Душе моей и сердцу ненавистным».
Ты можешь так сказать мне?

Присцилла
(в порыве)

Нет, любимый!
Хоть, может, было б то *святой* неправдой,
Но все ж ни сердце, ни язык не могут
Отважиться сказать ее. Руфин мой!
Хотя б с тобою мы навек расстались,
А сердцу ты остался б самым близким
Из всех людей.

Руфин

Из всех людей «неверных»?
Уж говори все до конца, Присцилла!

Присцилла
(искренне)

Я все договорила. Твердо знаю,
Что сердце так ни для кого не бьется,
Так никому не верит без сомненья
И не болит ни за кого так тяжко...

Руфин
(перебивает с горячим состраданием.)

Болит?!

Присцилла

Ты знаешь это сам...

Руфин

Родная!
(Нежно и сильно обнимает ее.)

Присцилла
(осторожно, но твердо освобождается из его объятий)

Ты так не обнимай меня, Руфин...
Мне тяжелее от таких объятий.

Руфин
(с болью, обиженный, застыдившийся)

А! Я забыл!.. Никак мне не привыкнуть,
Что ты меня совсем уже не любишь!..

Присцилла

Будь это правда, не было б так тяжко...

Руфин

Скажи ты мне... Я не пойму... Зачем же,
К чему себя ты мучишь и меня?
Иль повелела так тебе община,
Иль ваш епископ брак расторгнул наш?
О, как страшна, сурова эта вера,
Что разлучает мужа и жену.
Кровавый Молох сам у карфагенцев —
И тот бы жертв не требовал таких!

Присцилла

Не надо нашей вере этой жертвы,
Душа моя одна лишь запрещает
Мне этот брак, пока твоя душа
Не может с нею слиться без остатка.
Я знаю: хоть жилище грустно наше,
В нем детских голосов не раздается, —
Но хуже, если бы ребенка душу
Отец и мать калечили нещадно.
И если б я свое дитя учила
Молитве христианской «Отче наш», —
Я знаю, ты молчал бы, но ребенок
Узнал бы, что отец пренебрегает
Молитвою домашней, и спросил бы:
«Что, мой отец — «язычник»? А когда б
Ты перед ларами поставил сына,
По вековой традиции латинской,

Ну что б могла я сделать? Я не знаю,
Молчать себя заставила б, наверно,
И, может, сын мой, отданный той вере,
«Сектанткою» родную мать назвал бы.
И нам тогда пришлось бы разлучиться
Не телом если, то душой и сердцем,
И эта к детям сладкая любовь,
Что людям даже старость украшает,
Для нас была бы горькой, как полынь,
А для детей отравой.

Руфин

Может, так...
Ну, значит, суждено тогда бездетным
Весь век прожить мне. Ты одна навеки
Родная мне... Так неужели я
Утрачу и тебя?.. Скажи, Присцилла,
Когда б я не приказывал тебе,
А попросил, как друг, как самый близкий,
Чтоб ты на те собранья не ходила,
Тогда б послушалась?

Присцилла

Друг, невозможно
Нам отказаться от собраний наших,
А то, пожалуй, половина верных
Отринуться б должна была от веры.

Руфин

Я не прошу от веры отрекаться,
А лишь не выставлять ее открыто
И не искать опасности напрасной.

Присцилла

То, что сказал ты, хорошо продумал?
Должно быть, нет, а то бы сам дошел
До слов, какие нам сказал апостол:
«Мертва без дела вера».

Руфин

Знаю это.
Бросать не посоветую и я
Хорошее, что есть и в христианстве:
Вершить добро и наделять убогих,
Да и к рабам своим быть милосердным.
А из достатков наших ничего
Тебе не запрещал я брать. Не нужно
Мне знать, куда, на что ты тратишь деньги.
Хозяева мы сами в нашем доме,
Нет старше нас, — и кто бы приневолил
Тебя пенатам нашим поклоняться,
Когда ты потеряла веру в них?
Была б ты «верной», честной, безупречной...

Присцилла
(перебивает)

Такой, пожалуй, можно быть в раю,
Я на земле живу, к тому же в Риме.
Какая ж «верность» будет, что пенатам
Не поклонюсь я дома, а открыто
С матронами служить богам пошла бы,
Как древний римский требует обычай?
И кто открыто смел его нарушить?
Лишь христиане. Как же узнают
Скорей всего нас? Только христиане
Открыто, честно мыслей не скрывают.

Руфин
(грустно)

Да, это правда.

Присцилла

Не одна из наших
Так начинала, как меня ты просишь,
Но двум богам служить ведь невозможно,
Особенно в часы, когда господь
Свою пшеницу веет среди тока
Великого. Нет, не могу никак я
Лететь полóвой легкою по ветру
Погожему в приют твой безопасный
Тогда, когда, созрев зерном тяжелым,

Все братья лягут на землю покорно
И будут все положены под жернов
На му́ки, чтобы сделаться тем хлебом,
Что жизнь дает правдивой нашей вере.
И как я помощь тайную подам,
С каким челом пред братьями предстану,
Когда в час грозный на арене шумной
Львы с леопардами их песнь заглушат,
Затопят кровью? И ужель не лучше
Была б им помощь в том, когда б мой голос
Хоть на минуту к ним дошел до слуха,
Слова святые правды им отдав?
Когда б моя рука пожала руки
В последний час замученным совместно?
Ужель могу служение такое
Переводить на деньги? Что все жертвы,
Когда любовь живая чахнет в мраке,
Когда светильник правды тоже гаснет?
Скажи, когда бы шли твои друзья,
Чтоб умереть в бою за край родимый,
Чтоб отвратить от Рима злую гибель,
А ты б сидел в своем дому спокойно,
Взамен себя в поход наняв другого,
Внеся в казну военную даянье,
Себя считал тогда бы честным ты?

Руфин

Конечно, нет!
(С удивленьем, полным уважения, смотрит на жену.)
Я уяснил впервые,
Как тяжко ждать, сложив бессильно руки,
И думать: возвратится ль друг отважный
Домой из тех сражений, где нет места
Тому, кто под знамена стать не может...
Как жгучий стыд, гнетет тревога эта,
Бессильная и злая!

Присцилла

Что заране
Так волноваться! Может, все тревоги
Развеются, как тягостный туман.

Вот, может, завтра и найдут ребенка,
Мы горячо помолимся об этом.

Руфин

И я на то надеюсь... А молиться
Не знаю я кому...
(Задумывается. Взгляд его с глубокою печалью устремляется вдаль. Молчание.)

Присцилла
(кладет ему руку на плечо)

Руфин, любимый,
О чем ты думаешь?

Руфин
(вздрогнув)

Не знаю... так...
Повеял ветер из садов над Тибром,
Запахло цветом... Птица отозвалась
Запевом ранним... Вспомнил я тот сад
И вспомнил ту весну, когда впервые
У твоего отца мы были вместе...
Такой тогда была весна прекрасной:
И в золотом и розовом цветенье
Стояли анемоны и мимозы,
Похожие на бабочек в траве,
Как будто ввысь они взлететь хотели...
Ты так любила их, так осторожно
Из них себе венки плела, а я
Хотел, чтоб зацвели скорей гранаты.
«Тебя огнем украшу!» — говорил я...
И не пришлось — в поход я устремился,
А ты пошла тогда же к христианам...
Взамен цветов гранатовых меж нами
Тогда блеснула сталь меча Христова,
Покой и счастье разрубила вдруг.

Замолкает и низко опускает голову на руки. У Присциллы молчаливая мука на лице.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ВТОРОГО ДЕЙСТВИЯ

Руфин.
Присцилла.
Кней Люций — молодой оптимат-христианин, приятель Руфина.
Круста — римлянин, приживальщик и доносчик (delator).
Нартал — африканец, вольноотпущенник Люция.
Епископ.
Диакон.
Теофил — пресвитер.
Фавстин-Редивиус, Нигрина Рената — обрученная пара, оба простолюдины, но состоятельные.
Аквила — раб.
Флегон, Урбан, Фортунат, Парвус — ремесленники.
христиане
Центурион. Стража. Рабы. Христиане и христианки.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Садик перед домом Руфина. Широкая, обсаженная кипарисами дорожка ведет в летний триклиний на углу двухэтажного дома. Двери, сделанные широкою аркой, настежь открыты, сквозь них видна середина дома с красивой мозаикой и фресками на стенах. Как раз против дверей над столом, обставленным ложами, приходится фреска-иллюстрация к мифу об Адонисе и Венере: раненый Адонис умирает, склонившись к богине на колени, а возле ног Венеры цветет багровым цветом цветок, который вырос из крови Адониса. Под фрескою — мозаика, которая изображает целую вереницу мистерий в память Адониса, его подземное путешествие по царству теней и его воскресение в облике Диониса, окруженного пляшущими вакханками. Между деревьями, среди лавровых и миртовых кустов, видны еще свежие следы недавно выкопанных пьедесталов от статуй, а кое-где одни пьедесталы еще не убраны, только под одной маслиной стоит бронзовая статуя Катона Младшего; ветви деревьев около этой статуи подстрижены так, чтобы не закрывать ее, — по всему видно, что на нее кто-то нарочно старался обратить внимание, чтобы она лучше выделялась. Руфин очень быстро выходит через трик-

линий в садик, становится против обвитого глицинией и вьющимися розами окна, открытого на верхнем этаже в женской половине, и тревожно кричит, вместе с тем понижая голос.

Руфин

Ты не ушла, Присцилла?

Присцилла
(откликается, а вскоре сама подходит к окну)

Нет, но скоро
Уйти я собиралась.

Руфин

Поскорее
Тогда спустись ко мне.

Присцилла

Сейчас иду я.

(Через минуту выходит в сад к Руфину, одетая, как для выхода из дому и в покрывале.)

Руфин, что там случилось? Ты как будто
Встревожен чем-то? Почему так рано
Ты возвратился с пира? Кай Летиций
Не любит рано отпускать гостей.

Руфин
(берет ее за руку и отводит в самый дальний угол сада)

Украдкой я сейчас ушел оттуда,
Ни с кем не попрощавшись... Я узнал
Плохие вести...

Присцилла

Что? О нашем деле?

Руфин

Да, я узнал, что о собраньях ваших
Властям известно, что туда сегодня
Центурион со стражей будет послан,
Чтоб вас схватить на месте преступленья.

Присцилла

Кто это говорил?

Руфин

Пришлось сидеть мне
Неподалеку от Криспина Секста,
И пьяный он, склонившись к «другу» Крусту,
Шептал так громко, что и я услышал:
«Сегодня, друг, охотиться мы будем,
И уж немало выловим «святых»,
Тогда еще не так мы запируем!»

Присцилла

Но, может быть, он так спьяна хвалился?

Руфин

О нет, он вспоминал про катакомбы,
Про дерево сухое возле входа...
Нет, очевидно, обо всем он знает.

Присцилла

Как мог узнать он это?

Руфин

Ох, Присцилла,
В общине-то у вас — святые все?

Присцилла

(сначала уверенно, потом с горьким сомненьем)

Я думаю... что тех... двенадцать было
Вокруг Христа, из них один Иуда,
А нас гораздо больше.
(Печально задумывается, но внезапно спохватывается.)
Скорей, скорей, предупредить их надо!

Руфин

Куда ж пойдешь?

Присцилла

Пойду я в катакомбы,
Предостеречь.

Руфин

Боюсь, что будет поздно,
Ведь там уже расставлены дозоры,
Я думал хоть тебя спасти, Присцилла,
Предупредив, что...

Присцилла

Как? Меня одну?
И ты мог думать — я пойду на это?
Да ни за что! Нет, я пойду туда.
Не помогу — погибну вместе с ними!
Прощай, любимый!

(Хочет идти.)

Руфин
(хватает ее за край одежды)

Подожди, Присцилла!
Спасенье есть. Я по домам пойду,
Сам извещу их... всех, кого успею...
Ты мне скажи, где кто живет... хоть старших...

Присцилла

Нет, это невозможно, не найдешь их.
И ты не вхож туда, чужой им. Лучше
Пойду сама, как ты сказал мне... правда...
Еще не поздно... Можно... Я пойду!
(Идет, но оборачивается, останавливаясь на ходу.)
Коль задержусь я, не тревожься очень,
То будет означать, что собрались мы
Не в катакомбах.

Руфин

Это же безумство!

Присцилла

Должны собраться мы. Дела большие
Нас ожидают.

Руфин

Пережди немного.

Присцилла

Нельзя. Послы явились издалека
Для этого сегодня. Среди них
Есть тайно пребывающие в Риме,
Им каждая минута дорога.

Руфин

И ты должна быть на собранье этом?

Присцилла

Да.

Руфин

Для чего?

Присцилла

Нет времени сказать мне.

Руфин

Где ж соберетесь вы?

Присцилла

В чьем-либо доме.

Руфин

Но у кого?

Присцилла

Я этого не знаю.
Решит епископ...
(Внезапно с отчаяньем.)
Боже, боже правый,
Спаси людей своих! Ведь наш епископ
Живет всех дальше. И придется дважды
Всех обойти, а беготню такую
Весь Рим заметит...

Руфин

Разошли рабов.

Присцилла

Нет, нет, нельзя никак. Пойду сама,
Да будет воля божья!

Руфин

Стой, Присцилла!
Что я придумал! Собирайтесь здесь!

Присцилла
(бесконечно удивленная, не понимая)

Где здесь?

Руфин

У нас.

Присцилла

В твоем дому?

Руфин

Нет, в нашем!

Присцилла хочет что-то сказать, Руфин движеньем останавливает ее.

Руфин

Нет времени у нас на споры. Хватит!
Иди скажи товарищам своим,
Тем, кто поближе к нам, и возвращайся,
Они оповестят, кого там надо,
Что сбор у нас сегодня. Я же здесь
Дверь буду открывать, встречать гостей
Сам, без рабов. И пусть проходят гости
В садовую калитку, в переулок,
Но не в ворота.

Присцилла

Все-таки послушай...

Руфин
(сурово)

Иди сейчас! Приказываю я!

Присцилла уходит Вскоре после ее ухода входит Круста. Раб вводит его в триклиний из глубины сцены, не через сад, а через двери дома. Круста навеселе, но еще довольно твердо держится на ногах.

Круста
(рабу, стоя на лестнице из триклиния в сад)

Где ж господин твой?

Руфин
(отзывается, не разглядев)

Кто там? Что там надо?

Круста

Я это, друг любезный, Галий Круста.

Руфин закусывает от досады губу, но сразу заставляет себя изменить выражение лица на приветливое и подходит к Галию Крусте.

Мы так встревожились — ты вдруг исчез,
Ни с кем не попрощавшись. Кай Летиций
Боится, не обидел ли тебя кто
В его дому.

Руфин

Нет, нет, никто ни словом.

Круста

Наш друг Криспин подметил, что как будто
Ты общий пир оставил в ту минуту,
Когда за цезаря мы стали пить.

Руфин

Неправда.

Круста

И я сказал: неправда. Хоть и знаю,
Что римлянин такого склада мыслей,

Как наш Руфин, — скорей бы яд он выпил,
Чем пить вино за цезаря здоровье.
(Грубо смеется и фамильярно похлопывает Руфина по плечу. Тот невольно от него отстраняется.)
А все-таки я им сказал: неправда.
Я видел ясно — не тогда ушел.
Что не тогда — то не тогда. Сказал им:
Пойду проведаю; он, может, болен.

Руфин
(проводит по лбу рукою)

Да, да, ты угадал, я вправду болен.
Бывает так со мной... В походе где-то
Схватил я лихорадку...

Круста

Друг мой милый,
Ты в комнате прилег бы.
(Рабу.)
Постели,
Удобным сделай ложе господину
И принеси горячего вина.
Я напою и присмотрю.

Руфин

Не надо.
(Рабу.)
Иди, я позову, коль будет нужно.

Раб уходит.

(Крусте.)
Мне как-то тяжело в дому и душно.
Жар у меня.

Круста
(берет его за руку)

Нет, по руке не видно.

Руфин освобождает руку.

А дай-ка лоб твой!
(Хочет тронуть лоб Руфина, тот отклоняет голову.)

Руфин

Не хочу, не надо!

Круста

А если б женская рука была?
(Снова грубо смеется и внезапно перестает.)
Да, вот что, к слову: встретил я Присциллу
На улице, куда-то так спешила,
Что я не смог приветствовать достойно.
Ужель ты в город часто отпускаешь
Ее одну, да и к тому так поздно?
Неосторожно это, друг мой милый,
Здесь нужен глаз да глаз, стена и палка.
(Смеется.)

Руфин
(холодно)

Свои слова ты мог бы поберечь.
Она пошла за лекарем, помочь мне.

Круста
(льстиво)

Иметь жену такую — просто счастье!
Но ты ее нисколько не жалеешь!
За лекарем и раб сходить бы мог,
Ну, а жена б ухаживала дома.

Руфин
(гордо и резко)

Ты не сказал, а я не догадался.

Круста

Мой бедный друг! Ты в самом деле болен,
И голос изменился! Лег бы лучше
Хоть на скамье в триклинии. Ты дай лишь
Тебе помочь на лестницу подняться.

Чуть пошатнувшись, берет Руфина под руку и тянет к лестнице. В эту минуту кто-то трижды стучит в калитку. Руфин бросается открывать, вырвавшись от Крусты, который идет следом за Руфином и, раньше чем Руфин успевает открыть, спрашивает.

Круста

Кто там?

Голоса за калиткой

Рабы господни.

Круста

(сначала удивленный, потом хитро сквозь зубы бормочет)

Вот так штука!

Руфин открывает. Входят неизвестный христианин и Фортунат.

Фортунат

Присцилла нам сказала...

Руфин

(перебивает)

Да, я болен.
Как хорошо, друзья мои, как рад я,
Что вы решили навестить меня.
Я очень благодарен. Извините,
Что, может быть, принять вас не смогу я
Так, как хороших, дорогих гостей,
Но я ведь болен... Я, друзья, прошу вас
Пройти в триклиний. Там прилечь я должен,
Стоять мне трудно.

(Неизвестному.)

Извини, мой друг,
Я попрошу, чтоб ты мне руку подал.

Удивленные христиане не могут промолвить ни слова. Руфин берет неизвестного христианина под руку и быстро уходит в сторону от Крусты, который собрался было вновь взять его под руку. Фортунат идет вместе с неизвестным и Руфином. На ходу Руфин поворачивается к Крусте.

Закрой, пожалуйста, калитку, Круста,
Я не могу.

Круста

(Фортунату)

Как будто ты моложе,
Пойди закрой ее. Руфин, постой же!

Фортунат возвращается и закрывает. Круста догоняет Руфина.

Постой, Руфин, тебе нельзя так бегать!
Ведь ты же болен.

Руфин
(христианам шепотом, быстро)

Вы не удивляйтесь
И помолчите.
(Громко Крусте.)
Лечь бы мне скорее...

Круста
(идя в триклиний)

Я ведь сказал! Когда бы ты послушал!
Вот хуже стало. Если б лег ты раньше
Да выпил бы горячего вина...
(Последние слова говорит уже на лестнице.)

Руфин

Да, это правда. Я тебя прошу,
Пойди найди рабов и прикажи им,
Чтоб поскорее мне вина нагрели.

Круста

И дали б нам холодного? Ведь так?

Руфин со слабой смущенной усмешкой кивает головой.

Да только нам раба искать не надо.
Вот пальцами я щелкну — сам придет.

Щелкает пальцами. Из внутренних дверей выходит раб. Круста обращается к нему.

Ты господину подогрей вино,
А нам, скажи, холодного чтоб дали,
И если нет киприйского, то асти
Нам пригодится. Быстро там справляйся.

Вскоре другой раб вносит кувшин вина и три фиала. Поставив фиалы перед гостями, наливает им, потом встает у порога, приготовившись прислуживать.

Руфин
(рабу)

Иди, мы угостимся без тебя.

Раб выходит.

Я не терплю, чтоб лишние здесь были
В часы беседы нашей.

Неизвестный
(косо глядя на Крусту)

Это верно.
Конечно, неприятно.

Круста
(выпил тем временем фиал и наливает снова)

Я хотел бы,
Чтоб кто другой кувшин тяжелый двигал.

Фортунат

Дай я тебе налью.

Круста подставляет фиал. Фортунат наливает и ставит кувшин на стол.

Круста

Что ж ты не пьешь?

Фортунат

А я непьющий.

Круста

Странно! Знаешь, друг мой,
Ты обижаешь бога Диониса.
А мы здесь под его защитой, видишь?

Показывает на картину вакханалий; христиане сумрачно опускают глаза вниз.

Руфин, мой друг, какой твой дом красивый!
Мозаика чудесная! . . Но только
Куда все статуи твои девались?

Руфин

Да так... пришлось там кое-что поправить...
И то не все... Остались кой-какие...

Круста
(пьянея)

Остались, да... Катон тут Младший есть...
Ушедший Рим... республика...

(Вновь трезвея.)

Как будто
Здесь раньше бюсты цезарей стояли?

Руфин

Нет, никогда!

(Спохватившись.)

Я что-то их не помню...

Круста
(вновь опьянев)

Да, да... Забыть нетрудно...

Кто-то стучит в калитку. Круста быстро поднимается, чтоб идти открывать. Руфин удерживает его за руку.

Руфин
(Крусте)

Не тревожься.
Есть помоложе.

(Фортунату.)

Отопри-ка, друг мой,
Прошу тебя.

Фортунат идет, открывает старому христианину Теофилу и что-то шепотом говорит ему; тот недовольно качает головой и, суровый, медленно идет с Фортунатом в триклиний, приветствует Руфина и молча садится за стол.

Руфин

Вот неожиданно, друзья, сегодня
Сошлись вы все ко мне, да только плохо,
Что вдруг я заболел.

Раб вносит горячее вино.

Вот и лекарство,
Как повелел красноречивый Круста.

Теофил
(наклонившись к Фортунату, тихо)

Не тот ли Круста, друг Криспина Секста?

Фортунат

Тот самый.

Теофил ничего не говорит, только еще сильнее хмурится.

Круста
(Теофилу)

Чем отец мой опечален?

Теофил

Уж стар я веселиться.

Круста

Что там старость!
Анакреон постарше был тебя
В те дни, когда слагал веселью оды.
Вот нам бы кто какую-нибудь спел!
(Руфину.)
А нет ли у тебя рабынь-гречанок,
Чтоб спели нам Анакреона песни?

Руфин

Нет у меня гречанок, ты прости,
Но все же не до песен мне сегодня,
Так голова болит.

Круста

А, верю, верю!
Как ты про цезарей, так про болезнь я
Совсем забыл.

Вновь стук в калитку, очень тихий. Круста его не слышит, а Фортунат быстро поднимается и без просьбы бежит открывать Входят трое христиан-плебеев: Урбан, Флегон и Аквила, они одеты просто, как ремесленники.

Урбан

Что, это дом патриция Руфина?
Нам сказано сюда прийти...

Руфин
(перебивает)

Да, да.
Здесь есть для вас работа.

Урбан

Как, работа?

Руфин

Там кое-что...
(Поднимается, чтоб идти к ним.)

Круста
(удерживая его)

Да не трудись, ты болен!

Щелкает пальцами; входит раб.

Вот людям покажи, где им работать.

Руфин
(Крусте с досадой)

Ты уж меня за мертвого считаешь?
Есть воля у меня еще и голос,
И сам могу я слуг позвать своих
И дать приказ им, если захочу я.
(Рабу.)
Иди, иди, мне ничего не надо.

Раб уходит. Руфин поворачивается к ремесленникам.

Вы сядьте там под дубом на скамейке.

Аквила
(бормочет)

Не то здесь что-то... Я не понимаю...

Все трое садятся под дубом на каменной скамье

Круста
(Теофилу)

Ужасно как болезнь характер портит!
Сердечный друг мой стал таким сердитым.
Ты видел ли его когда таким?

Теофил молчит.

Руфин

Он моего характера не знает!
Он друг отца. Сюда недавно прибыл
Из стран чужих, где прожил лет немало.

Круста

А!
(Теофилу.)
Где ж ты бывал, отец почтенный?

Теофил молчит.

Руфин

Был в Галии.
(Крусте тихо.)
Старик уж плохо слышит.

Теофил удивленно поднимает глаза на Руфина, его взгляд встречается с умоляющим взглядом Руфина. Круста усмехается. Входит молодой патриций Кней Люций и с ним очень молодой вольноотпущенник, бывший некогда его рабом, — африканец Нартал; оба христиане Руфин неуверенно смотрит на Люция, не зная, как следует его встретить, но, увидев, что все христиане приветствуют его, как знакомого, встречает и сам его приветливо.

Руфин

Какая неожиданная радость!
Не ждал, что ты ко мне придешь сегодня.

Люций

И я никак не думал, что Руфин
Меня *сегодня* примет в этом доме
С другими вместе. . .

Руфин
(поспешно перебивает)

Иногда бывает
Любая неожиданность. К примеру,
Пришел вот Галий Круста, редкий гость,
Пришел непрошенный...

Круста

И нежеланный?

Руфин
(смущенно)

Нет, не хотел я этого сказать.

Круста
(смеется)

Я знаю, знаю! Ясно! Пошутил я!
Ведь мы давно приятели с тобою.

Люций
(сдержанно и горделиво)

Не ожидал я этого услышать.

Круста
(придирчиво)

Как собственно понять мне это надо?

Люций

А так, что непривычно объяснять мне
Свои слова, так понимай, как хочешь.

Руфин
(поспешно)

Я дорогих гостей прошу отведать!
Вот здесь вино.. Ну что я за хозяин!
(Поднимается очень живо, чтоб налить вина, но внезапно склоняется на скамью.)
Ох, эта слабость! Вот уже не впору!..
Берите сами, гости дорогие.

Круста
(поднимает кувшин)

Фиалы дайте!

Люций

Я не пью, спасибо.

Неизвестный

И я!

Фортунат

И я!

Парвус

И я!

Теофил молча закрывает свой фиал рукою.

Круста

Вот чудеса-то!
Впервые увидал непьющих столько!
Нет, вы, друзья, не брезгуйте вином,
Заведено, чтоб выпить при беседе.
Слыхал я, так у христиан ведется,
Чтоб насухо беседовать! Но все же
Пьют и они людскую кровь порою.

Плебеи, которые сидели на скамье под дубом, вскакивают при этих словах и приближаются к лестнице триклиния.

Руфин

Ну, знаешь, это выдумка, конечно,
И странно верить в это.

Круста

Почему?
Все говорят о том, что христиане
Не пьют вина, и не поют, пируя,
И оргий не заводят, если крови
Убитого ребенка не пригубят.
До этого, как мертвые, сидят все,
А после — песни буйные, и пьянство,

И крик сплошной, и кое-что такое
На оргиях творится там, что будет
В диковинку видавшим виды людям.
Сын с матерью, сестра родная с братом
И с дочерью отец любовь заводят.

Нартал

Все это ложь!

Круста
(прищурив глаза, смотрит на Нартала)

А ты откуда знаешь?

Руфин
(вступает в разговор)

Ну, каждый, кто читал хотя бы Цельза,
Не может верить этим наговорам.
Ведь Цельз — противник старый христианства,
А утверждает, что неправда это.

Круста

А, что там Цельз! Посредственный философ,
Плохой писатель, незнакомый с жизнью,
Да и откуда знать ему обряды,
Которые придумал этот сброд?

Нартал
(вспыхнув)

Как говоришь ты — сброд?

Круста

Ну да, конечно!
Любой достойный римлянин не будет
В преступной этой секте, той, что богом
Себе осла избрала.

Нартал

Что ты лжешь?

Теофил молча встает и уходит, неизвестный христианин идет за ним и что-то шепотом ему говорит, но тот, махнув рукой, выходит за калитку. Неизвестный христианин выходит за ним.

Круста

Все знают хорошо, что христиане
Осла, как бога, почитают.

Урбан
(вскочив на лестницу)

Лжешь ты!

Круста

Руфин, что это значит?

Руфин от смущенья не находит сразу, что сказать, только хватается за голову, словно в приступе внезапной боли.

Руфин
(болезненным голосом)

Умоляю!
Прошу, друзья, вас, тише... Не могу я...
Такая боль...

На дорожке к триклинию появляется Присцилла, с нею девушка-христианка Рената.

А, это ты, Присцилла!
Как долго! Где же лекарь? Вот ты снова
Гадалку привела...

Присцилла
(со страхом)

Руфин, опомнись!

Руфин

Не говори, я знаю. Вот и Круста
Недаром так о женах говорил,
Когда пришел, с тобою повстречавшись.
(Крусте.)
Теперь согласен я с тобою, Круста!

Присцилла

Здесь Круста?
(Немеет от удивления и страха.)

Круста

Я как будто не медуза,
А госпожа окаменела словно,
Меня увидев.

Присцилла
(пытается прийти в себя)

Вовсе нет, я просто
Устала... Извини... Не ожидала,
Что здесь гостей застану...
(Руфину.)
Не сердись ты.
Я думаю, что лекарь будет скоро.
А девушка со мною — не гадалка,
Я поручала ей покрасить нитки,
Она просила снова дать работу.

Руфин

Что ж, кстати, кстати. Здесь вот мастера
Пришли работать тоже. Покажи-ка,
Что делать им.
(Плебеям.)
Идите вы за нею.

Присцилла

Идем, идем!

Быстро направляется через триклиний в дом, плебеи и Рената идут за нею. В калитку входит старый диакон с принадлежностями ритуала, завязанными в платок. Руфин встает навстречу диакону.

Руфин

А вот и лекарь мой!
(Перехватывает его на пороге.)
Как жду тебя давно я! Ради бога
Скорее помоги мне.
(Гостям.)
Извините,
Что всех вас на минутку я покину.

Коль разрешит, то возвращусь я быстро,
Прошу, пойдем.

Берет за руку молчащего от удивленья диакона и ведет через триклиний в дом.

Круста
(удобно ложится на скамью)

Какими наглецами
Плебеи стали! Распустилась чернь.
Пора бы укротить. Да что же делать,
Когда патриции доводят сами
Их до того. Я знаю сам таких,
Что цезарем пренебрегать готовы —
Для них он лишь тиран и узурпатор, —
А сами, как гостей, в дому встречают
Плебеев всяких да рабов недавних,
Да чужестранцев-варваров, да разных
Ублюдков темнокожих.

Нартал
(вспыхнув гневом)

Сам ты кто?
Ублюдок! Римский мусор! Как ты смеешь?

Люций
(тихо Нарталу)

А если ближнему «рака» кто скажет,
Тому что будет?

Нартал молча садится на место, тяжело дыша.

Круста
(Люцию)

Я о том не знал,
Что заклинать зверей ты научился,
Как вавилоняне.

Люций

Скажи, зачем же
Учиться стал бы я у вавилонян
Таким обычаям, что запрещают
Не только начинать в гостях раздоры,

Но и других до ссоры допускать?
Кто носит в Риме тогу, это знает.

Круста

(притворяясь, что совсем не слушает и не слышит Люция, разглядывает картины на стенах)

Ну что за фрески! Хороши картины,
Мозаика прекрасна!.. Адонис...
«Великомученик» назвать бы можно
Его по-христиански. Только где там!
Наш мученик мудрее был всех тех,
Кто сдуру распинался где попало.

Фортунат и Парвус встают, выходят в сад и о чем-то беспокойно шепчутся между собою.

Глянь, как простерся на роскошном лоне
Венеры дивной! Я клянусь Амуром,
Что сам хотел бы мучиться вот так
И больше, чтоб веселым Дионисом
Воскреснуть, господином пенных вин,
Властителем пиров... Но я не знаю:
Как тот распятый христианский бог,
Который будто бы воскрес из мертвых,
Достаточно ли в винах разбирался?
Как будто кто-то мне и говорил,
Что в жизни этот бог непьющим не был,
И даже из воды вино он делал.
Он этим превзошел и Диониса,
Коль правду люди говорят: не чудо
Уметь вино из винограда сделать,
Вот из воды попробуй! И не диво,
Что все пьянчуги римские охотно
Вступают в секту христиан — и как же
Не почитать им этакого бога?
Да что! Я сам готов пойти на это
И помирить Исуса с Дионисом.
(Машет фиалом в левой руке и щелкает пальцами правой.)
Эван, Эвоэ, Вакхе! Аллилуйя!
Иль как там восклицают христиане
На цирковых аренах против зверя?

Нартал
(грозно)

Молчи!

Круста

Обижен ты за Диониса?

Нартал хватает со стола кувшин и замахивается на Крусту. Люций удерживает его за руку, Круста прячется за стол.

Люций
(Нарталу)

Опомнись! Замолчи!
(Тихо.)
Учись терпенью!

Нартал
(бледный от гнева, глухим голосом)

Я за себя стерплю, а за святыни
Не в силах...
(Внезапно, резким, высоким голосом.)
Эй, пусти, иль сердце треснет!
(Пытается вырвать руки.)

Диакон
(входит из дверей дома)

Что тут за крик? И что случилось?

Круста

Видишь,
Свершил тут бог из Галилеи чудо:
Патриций этот без вина стал пьян.

Диакон
(подходит к Нарталу и тихо говорит)

Ты всех введешь в беду. Утихомирься!

Нартал выпускает из рук кувшин и бросается на скамью, совсем обессиленный после вспышки. Люций кладет ему руку на лоб и что-то шепчет, низко наклонившись над ним.

Диакон
(обращается к другим и в первую очередь к Крусте)

Хозяин просит извинить его,
Что он не выйдет попрощаться даже,
В постель сейчас же должен он ложиться,
А вас прошу я разойтись скорей:
Нельзя больного беспокоить.

Круста
(поднялся, потом сел снова)

Может,
Я здесь поспать улегся бы тихонько.
А то совсем мои не ходят ноги.

Люций

Нет, это не годится. Лучше я
Тебе добраться помогу до дома.

Круста неохотно встает. Люций помогает ему.

Диакон
(Нарталу)

Прошу, чтоб посидел ты у больного,
Пока мы с госпожой готовим ванну.

Круста
(останавливается)

Я посижу с ним.

Диакон
(слегка хлопает его по плечу)

Нет, уж лучше ляг
В своем дому да выспись. Сам признался,
Что «ноги уж не ходят». Как же можно
Сидеть с больным тебе?

Круста

Ну, прощай!

Уходит с Люцием. Едва закрылась калитка за Крустой и Люцием, как из-за кустов в саду выходят Фортунат и Пар-

вус, а за ними его несколько других, которые незаметно для Крусты вошли в сад и, предупрежденные двумя ранее пришедшими христианами, пережидали в саду.

Фортунат

Избавились от Крусты, слава богу!

Парвус
(печально)

Да неизвестно, что там дальше будет.

Фортунат

А что же может быть? Ведь он ушел.

Парвус

Куда ушел?

Фортунат

Домой к себе, наверно.

Парвус

Кто это знает!

Диакон

Люций с ним пошел,
Он проследит, предать нас не позволит.

Парвус

Да так-то оно так... А я хотел бы,
Чтоб кто-нибудь за Люцием пошел.

Диакон

А для чего?

Парвус

Не очень-то я верю
Таким патрициям высокородным,
Уж слишком к разным Крустам деликатным
И вежливым.

Диакон

А как бы ты хотел?
Так, как Нартал, схватиться с ними, что ли,

Чтоб этим самым нас обречь на гибель,
И даже раньше, чем пройдет собранье?

Парвус

Да я не знаю... Только слушать все же,
Как нечестивый оскорбляет бога,
И промолчать — ведь это ж искушенье,
Так до безверия дойти недолго.

Диакон
(подумав)

Да, непростое дело... Я не в силах
Сам объяснить его. И наш епископ
Пусть даст нам разъясненье на собранье.

Фортунат

Конечно, так вернее, пусть епископ.

Кто-то из новоприбывших

Да, да, епископ! Он нам растолкует!

Парвус

Пусть будет так... Но только вновь скажу,
Что я патрициям не доверяю:
У них я откровенности не вижу,
Как у плебеев. Всё мудрят там что-то,
Философы-язычники в почете
У них и все обычаи мирские,
Как будто бы им книг священных мало,
Христовых слов и заповедей, данных
Отцом небесным, что еще нужна им
Обманчивая мудрость этой жизни.

Фортунат

Ну, так они воспитаны все, брат мой,
Привыкли с детства.

Парвус

Да и я скажу,
Для нищих духом это — искушенье,

Что господа и книжники как будто
Руководят общиной, словно богу
Они простых людей дороже.

Диакон

Сын мой,
И это дело мы понять не в силах.
Спроси, пусть разъяснит тебе епископ.

Кто-то из присутствующих

Да, да! Так лучше!

Парвус

Что ж, пусть будет так...
Я лишь напомнил вам про осторожность...
Не сам я это выдумал, а старец
Наш даже прочь ушел с такой «беседы», —
Одно, что не хотел кощунства слушать,
А также потому, что он Руфина
И Люция в измене заподозрил.

Диакон

Руфина?

Парвус

Да. Никак не спрячешь правды,
И я подозреваю, тут неладно.
Нам не было б какой-нибудь ловушки...

Между присутствующими тревожное перешептыванье.

Диакон

Остерегись бросаться так словами
И сеять подозрительность, безверье
В общине нашей братской.

Парвус

Добрый отче,
Общину я всем сердцем уважаю,
Но я не видел в ней еще Руфина,
И что за человек он, я не знаю.
Я говорил с ним раз и не заметил,
Что может быть он другом христианам.

Диакон

Но издавна мы знаем все Присциллу
И можем на слово ей в этом верить.

Парвус

А все же не жена глава в дому,
А муж, и не жене судить о муже
И за него ручаться ей...

Фортунат

Молчи!
Руфин идет!

Разговор и шепот обрываются Мертвая тишина. Из дверей дома входят в триклиний Руфин, Присцилла, Рената, Нартал, Флегон, Урбан и Аквила.

Руфин
(выходит из триклиния в сад к тем, которые ждали там)

Теперь я в дом прошу гостей почтенных.

Парвус
(неприветливо)

Мы здесь не гости, здесь у нас собранье.

Руфин
(миролюбиво)

Я знаю и прошу начать собранье,
А сам посторожу я у калитки,
Чтоб снова кто непрошенный не влез.

Парвус
(сквозь зубы)

Немного поздно.

Руфин

Что?

Парвус
(не отвечает и поворачивается к другим)

Так что ж, пойдем мы?

Диакон

Епископа еще дождаться надо.

Руфин встает возле калитки и закрывает ее. Слышно, как кто-то постучал в нее.

Руфин

Кто там?

Голос за калиткой

Господень раб.

Руфин открывает Входит епископ и за ним несколько христиан и христианок.

Диакон

Вот и епископ.

Епископ

Мир, братья, вам.

Община

И духу твоему!

Диакон

Благослови нас, преподобный отче.

Диакон, а за ним все, кроме Руфина, подходят под благословение епископа.

Епископ
(Присцилле, показывая на Руфина, который стоит в стороне)

Хозяин дома он?

Присцилла

Да, он, мой отче.

Руфин
(епископу)

К твоим услугам сам я и мой дом.

Тем временем Парвус что-то сказал на ухо диакону.

Диакон
(епископу)

Я должен кое-что тебе поведать
Уединенно ото всех, владыка.

Епископ отходит с диаконом немного в сторону и, о чем-то тихо переговорив с ним, вновь подходит к собравшимся.

Епископ

Пойдемте в дом и там начнем собранье.

Все, кроме Руфина, идут, но епископ внезапно останавливает Присциллу.

А ты останься с мужем ненадолго,
Мы позовем тебя немного позже.

Присцилла, удивленная и смущенная, молча подходит к Руфину, стоящему у калитки.

Епископ
(Редививусу и Ренате)

Вас тоже после позовут, останьтесь.
(Тихо диакону.)
Не надо молодым об этом слушать.

Епископ и община входят в триклиний, диакон закрывает двери в сад. Руфин и Присцилла остаются возле калитки, а молодая пара прогуливается по саду, тихо разговаривая.

Руфин

Когда б ты знала, как меня тревожит
Вторженье неожиданное Крусты!

Присцилла

А если ты боишься, то скажи,
Мы сразу же тогда твой дом покинем
И где-нибудь пристанище найдем.

Руфин

А я куда пойду?

Присцилла

Что ж, одному
Здесь безопасно.

Руфин

Как ты полагаешь,
Я за кого боюсь?

Присцилла
(сжимает ему руку)

Прости меня.
Я, правда, что-то говорю некстати.

Руфин

Какие принадлежности нес тот,
Кто шел вслед за тобой?

Присцилла

То был диакон,
Он нес платок, и чашу, и другое,
Потребное для христианской службы.

Руфин

Какая же у вас должна быть служба?

Присцилла

Я этого сказать тебе не смею.

Руфин
(уязвленный)

Ты неужели мне не доверяешь?

Присцилла

И неофитам знать нельзя того,
Пока они еще не крещены:
То богом установленная тайна.
Одно сказать могу, что ничего в том
Плохого и преступного не скрыто,
И верить мне прошу тебя. Ты веришь?

Руфин
(просто и искренне)

Тебе всегда я верю без сомненья.
Но ты скажи мне, если это можно:
Собрались вы не только ради службы?

Присцилла

Нет, и другие есть дела. Ведь ныне
Большая смута церковь раздирает:
Ведется спор, когда справлять нам пасху —
В тот день, что иудеи, иль в другой.

Руфин

Ужели это важно так, что стоит
Опасности вам подвергаться?

Присцилла

Важно.
Иначе церковь расколоться может.

Руфин

Все ж лучше бы собраться вам потом.

Присцилла

Сейчас решать нам надо, скоро пасха.

Руфин молча пожимает плечами.

Еще нам надо разрешить, возможно ль
Пророчествовать женщинам.

Руфин

Но разве
От дозволений этот дар зависит?

Присцилла

Не всякий прорицать имеет право,
Хотя бы обладал тем даром, может
От этого быть церкви вред. За тем-то
Мы, женщины, должны быть на собраньях,
Вопрос касается нас близко.

Руфин

Странно,
Ужели это все так неотложно?

Присцилла

Пророчествуют много еретички,
И ширится та ересь, как зараза,
Она страшна для церкви, как чума,
И со спасеньем некогда нам мешкать.

Руфин

Ты говоришь мне правду?

Присцилла

Да, конечно,
Мне церковь дорога, как мать родная,
И все, что плохо для нее и вредно,
Мне причиняет боль, тревогу, муку.
И, чтоб помочь ей, я отдать готова
И кровь свою и жизнь.

Диакон
(появляется в дверях)

Мы ждем тебя, сестра!

Присцилла идет в триклиний. Стук в калитку.

Руфин

Кто там?

Голос Люция

Кней Люций.

Руфин
(открывает ему)

Проводил ты Крусту?

Присцилла
(с порога триклиния)

Рената! Редививус! На собранье!

Рената и Редививус входят в триклиний.

Люций

Да, проводил. Хоть посреди дороги
Он чуть опять на пир не возвратился

К Летицию, но я довел его
К нему домой и уложил на ложе,
И сразу же заснул он, как младенец.
Я полагаю так, что Круста завтра
Забудет все, что слышал здесь и видел,
Ведь он напился, словно винный мех.
Я повозился с ним, зато уверен,
Что с ним заснула и опасность наша.

Руфин

Пускай она спала бы до утра!
Не в пору этот гость был... Я тревожусь,
Что это не окончится добром.

Люций

Раз ты так думаешь, то, может, лучше
Ты попросил бы разойтись общину?

Руфин

Теперь она решает пусть, не я.
Я все им рассказал, что знал про Крусту,
При мне и без меня совет держали, —
Что ж, если все-таки они остались,
То, значит, думают, что безопасно.
Я не могу им показать порога:
Я сам просил в моем дому собраться.

Люций

Как вышло так, что ты нас пригласил?
Ты, может, стал сегодня неофитом?

Руфин

Вчера, сегодня, от рожденья тот же
Я римский гражданин, и только он.

Люций

Что ж христиане у тебя собрались?

Руфин

Позволь тебе на это не ответить
И верь, что поступаю я по правде,
Как римский гражданин везде и всюду,
И я привык с врагами честно биться.

Люций

Скажи, как понимать мне о врагах
Слова твои?

Руфин

В моем дому сегодня
Ты гость. Тебя обидеть не хочу я.

Люций

Я твой товарищ, друг твой с детских лет
И верю твердо, что Руфин и Кней
Не будут враждовать между собою.
То, что сказал ты, ближе или дальше
От чувства, что обидою зовется.

Руфин

Ты рассудительный такой же, добрый,
Каким и в детстве был, и непривычно
Меж христиан таких встречать мне.

Люций

Странно!
Что ж, ты ума и доброты не видел
У христиан?

Руфин

Об этом не скажу.
У них есть ум, но очень уж неверный,
Он — что костер из дерева сырого,
Всегда в нем больше копоти, чем света,
И нет тепла. Конечно, христиане
Добры, коль измерять обычной мерой,
Но доброты в них истинной не видно;
Они — не люди и не будут делать
Что-либо даром, — только за награду,
Не малую, за вечное блаженство
На небесах! И меньшего б не взяли.
Им никого не жаль, мученьям вечным
Они обречь готовы с легким сердцем
Всех «грешников», — так бог у них палач,
Что исполняет приговор безумный.

Люций

Ошибся ты: нет, бог наш не палач,
А высший судия. Не лучше ль было б,
Когда б тираны наши отдавали
Свои решенья все на волю божью
И «грешников» не предавали мукам
В надежде на геенну?

Руфин

Да, возможно.

Люций

Вот так же и с умом. Пусть наш огонь
От дерева сырого, и сырое,
Ты согласись, гореть мы заставляем,
А твой огонь пылать всех ярче мог бы.
Ну, а сырой валежник будет гнить
Тем временем без пользы, понапрасну.

Руфин

Что ж, и его бы разве не зажег
Ум философский?

Люций
(возражая, качает головой)

Так ведется в людях:
Восприниматься может совершенство
Лишь в очень ограниченном кругу.
И если бы все римляне имели
Характер твой, то я тогда сказал бы,
Что и без чуда божьего стал Рим
Ерусалимом новым. Все ж я знаю,
Что мало римлян есть таких, как ты,
И верю, что должно быть чудо божье,
Чтоб Рим восстановить нам.

Руфин

Что тебе
Теперь до Рима? Ты христианин ведь,
«Ерусалим» теперь твоя столица,
Не по сердцу республика тебе,
Монархию Христа ты созидаешь.

Люций

Вражду ты видишь там, где есть согласье.
Я римлянин всемирный и хотел бы
Наш Рим увидеть как столицу мира,
И чтоб разрушенный Ерусалим
В Италии, как феникс, возродился
И крылья распростер на наши горы.
И если будет царь один на небе,
То на земле уж места не найдется
Тиранам-цезарям, и церковь наша
Республику навек заложит в Риме.

Руфин

Но то не будет Рим. Что вашей церкви
Законы римские и слава Рима?
Она взяла обычай иудейский,
И веру, и закон.

Люций

Но иудеи
От своего Мессии отказались,
И он всемирным богом стал. Так воды
Из малых речек, брошенные в море,
Свет обнимают вместе с океаном,
С водою всех краев и стран братаясь.
Здесь пьяный Круста простоватой мыслью
И грубыми словами то заметил,
Чего еще и мудрые не знают,
Из пьяных уст пророчество открылось:
Христос наш с Дионисом помирится,
С Идеей Слово воссоединилось.
В Христе воскреснет Дионис вторично.

Руфин
(печально)

Нет, верь ты мне, не воскресают боги,
Адонис мог воскреснуть Дионисом,
Адонис был ведь смертным. Что героя,
Как бога, прославляют, то обычно.
Бессмертье люди в смерти обретают.

А бог? Бог должен жить не умирая,
Так, как живет платонова идея.
Когда умрет он, больше не воскреснет.
Коль жив ваш бог, а умерли все наши,
То лишь тогда, наверно, воцарится
Меж ними мир, когда и ваш умрет.

Люций

Нет, не умрет наш бог!

Руфин

Покажет время...
Пока не вы еще, мы носим траур...
(Показывает на яму от статуи.)
Здесь статуя стояла Диониса,
Теперь тут яма — ты ночной порою
Не оступись в нее, — и что заполнит
Вот эту пустоту?..

Люций

Меня послушай
И сделай так: во все такие ямы
Ты посади хорошие деревья,
И сразу садик твой повеселеет.
Где изваянья мертвые стояли
Богов умерших — зацветет весна
Красой живой и плодоносной.

Они некоторое время молча ходят по тропинкам.

Руфин

Друг мой,
Ты в душу заронил зерно надежды...
Когда б ты знал, как жажду иногда я
Поверить, в христианство ну хотя бы,
Как веришь ты. Но вижу я, что вера
Твоя, как говорят, с «крупинкой соли»,
Не горяча.

Люций

Нет, нет! Ошибся ты!
Ужели холодно то ожиданье,

Что нас живит и мучит у постели
Отца больного? Разве мы не стали б
И руки целовать тому и ноги,
Кто силу и здоровье даст больному!
И разве чистым золотом не платим
Мы за лекарство, хоть оно и горько?
И разве сами мы не помогаем
Больного обмануть, коль это надо,
Чтоб принял он целебное лекарство?
Хоть иногда в душе и есть сомненья
В искусстве лекаря, в его лекарствах,
Но если помощь не нашлась иная,
То мы сомненья глушим и, как можем,
Скрываем от больного. Где же холод,
Когда душа горит от ожиданья?

Руфин

Не знаю... Ненадежны те «лекарства»,
Небезопасны...

Люций

Такова болезнь!
А, может, ты какие лучше знаешь?

Руфин

Я думал, что не знаю, и напрасно
Потратил только дорогое время,
Все думал: я один на целый Рим
Товарищей хороших не имею
Для замыслов моих. Но вот теперь мне
Блеснуло что-то... Вижу: ты такой
Отважный, благородный... И другие
У вас такой же обладают силой
Все вытерпеть, идти на смерть за то,
Что кажется им правдою. Я вижу,
Что среди римлян есть еще герои,
Зачем же зря тому геройству быть!
Наделены вы силой Геркулеса,
Ведь вы могли бы уничтожить гидру
Преторианскую, и прочь из Рима
Прогнать в одежде цезаря химеру,

Восстановить закон и справедливость.
Утихли бы тогда волненья черни,
И варваров мы одолеть смогли бы.
Господствовал бы римский мир повсюду.

Люций

Кто может усмирить чернь, кроме бога?
А цезарскую власть кто ограничит,
Кто спесь преторианскую принизит,
Как не Христос? Чему же Рим поверит
На свете всем? Одной лишь вести той
О братстве меж людьми и о согласье,
О наивысшей правде в царстве божьем?
Заранее я знаю, что ты скажешь:
Традиции, законность, добродетель!
Ох, друг мой, разве ты и сам не видишь,
Что от всего того остались ямы.
А статуй нет уже давно. Попробуй
Садовником теперь быть вместе с нами!
Коль нет закона, пусть произрастают
Желанья у людей награды вечной
И божий страх, чтоб зло они сдержали
И преступленья. Новая легенда,
Которая еще не охладела,
Традиции заменит. В христианстве
Пусть добродетель Рима возродится,
Они довольно схожи меж собою.
Увидим мы пришествие второе
Христа и славы римской с этим. Друг мой!
Отважься и пойдем садить сад божий.
Как хочешь, — я введу тебя в общину.
Идем!
(Делает движенье в сторону триклиния.)

Руфин
(нерешительно)

А кто ж здесь будет открывать
И охранять вас?

Открываются двери, и полоса света падает на Руфина и Люция. Из триклиния выходит Присцилла, тихо подходит, пристально смотря на обоих.

Присцилла

Я к тебе, Руфин.

Руфин

Зачем?

Присцилла

Скажи, где нам достать бы глины
Иль краски, только побыстрее надо.
Нам неудобно вызывать рабов.

Руфин

А для чего?

Присцилла

Да... видишь... там епископ
С общиною сейчас решили вместе
Миф об Адонисе закрасить...

Люций
(невольно)

Как?
Прекрасную мозаику и фрески
Бесценные?

Руфин

Присцилла, разве мало
Для жертвы богу твоему всех статуй?

Присцилла

Сейчас не я решаю. Наша церковь
На поношенья Крусты негодует,
И невозможно ей смотреть на то,
Что побуждает к мыслям богохульным.
Епископ службы начинать не будет,
Пока мы не закрасим эти стены.
Он приказал мне...

Руфин
(гордо и гневно)

Кто же тут хозяин —
Я иль епископ? Не за тем он позван,

И не за тем пришел, чтоб здесь приказы
Давать, как содержать в дому нам стены,
Нам в собственном дому!

Присцилла

Но я сама
Прошу дать позволенье уничтожить
Стенную роспись мне.

Руфин

Сама? .. Присцилла,
«Где я хозяин, там и ты хозяйка»,
Так я сказал, когда моей женою
Ты стала. Это слово нерушимо
И раньше и теперь.
(С большой болью.)
Иди, Присцилла,
Уничтожай, что хочешь. Не проси лишь,
Чтоб я тебе в том деле помогал —
Мне это не под силу, не могу я...

Диакон
(приоткрыв дверь)

Присцилла, мы нашли ведерко краски,
И братья там закрашивают.

Присцилла
(тихо)

Пусть...

Стоит на лестнице, не решаясь ни вернуться, ни подойти к Руфину. Сильный стук в калитку.

Руфин

Кто там?

Голос

Рабы господни!

Руфин открывает калитку, в нее врывается центурион со стражами, которые сразу занимают вход, все дорожки и лестницу в триклиний.

Руфин

Что такое?

Центурион

Я послан, чтобы выполнить приказ.

Из триклиния выбегает диакон и несколько христиан.

Диакон

Нас предали! Ловушка здесь! Измена!
Спасайтесь все, кто может! Убегайте!
(Увидев центуриона со стражами, молча застывает на месте.)

Нартал
(выбегает)

Оружье где? Руфин! Обороняйся!

Руфин

Не подниму меча на слуг закона.

Его вяжут, он не сопротивляется.

Присцилла
(Бросается к Руфину.)

Меня вяжите! Муж мой невиновен!

По знаку центуриона стражи связывают вместе ее и Руфина.

Центурион

Кто виноват, кто нет, пусть суд решит.

Епископ медленно выходит и становится на пороге.

Нартал
(вырывается и борется со стражами)

Не смеете вязать! Я не преступник!

Епископ

В писанье сказано: злу не противься!

Нартал перестает сопротивляться и дает себя связать. Епископ сходит вниз и сам дает себе связать руки Вся община поступает таким же образом по его примеру.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ТРЕТЬЕГО ДЕЙСТВИЯ

Руфин.
Присцилла.
Аэций Панса.
Люций.
Нартал.
Парвус.
Епископ.
Диакон.
Теофил.
Редививус.
Рената.
Аквила.
Флегон.
Урбан.
Фортунат.
Нофретис — рабыня Присциллы.
Тюремщик.
Тюремная стража. Христиане и христианки, которые были взяты на собрании в доме Руфина.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Темница, довольно просторная, но очень низкая, с небольшими, скорее широкими, чем высокими, окнами под самым потолком. Свет падает скупо, и только привычный взгляд может рассмотреть много людей, которые сидят и лежат на полу или же ходят из угла в угол размеренным шагом, звеня кандалами. Среди узников находятся Теофил, Парвус, Фортунат, Епископ, Диакон, Редививус, Рената и все, кто был на собрании у Руфина. Нартал короткой цепью прикован к столбу посредине темницы. Кандалы сильно препятствуют всем его движениям, однако он очень беспокойно ведет себя и передвигается, сколько может.

Диакон

Как долго не приводят их назад!

Фортунат

Наверно, снова их на пытку взяли.

Люций

Зачем все это? . . Ведь Руфин сказал
Одну лишь правду, что обязан судьям
Сказать любой из честных римских граждан.

Парвус
(сквозь зубы)

И может, даже больше. . .

Люций

Что сказал ты?
Как это понимать?

Парвус
(угрюмо)

Да ничего я...
Одно мне только странно, что Руфин,
Один из «справедливых римских граждан»,
Не объявил, как все мы, так же просто:
«Христианин я», а крутил, крутил
Сюда, туда, и так, и сяк...

Люций

Неправда!
Никак он не крутил, ответил сразу:
«Я знал, зачем собрания бывают,
И сам, без уговоров с кем-нибудь,
Я пригласил к себе общину». Вот что
Префекту он сказал, я слышал все
И все слова запомнил.

Парвус

Что ж, неплохо
Иметь такую память! Но открой мне,
Коль ты запомнил все его слова,
Что он сказал судье, когда был спрошен,
Сторонник ли он веры христианской?

Люций

Что ж! Он сказал: «Пусть судят по деяньям».

Парвус

Правдиво ль это? Ты ответ припомни,
Когда его спросили, почему он
Культ цезаря в своем дому забыл:
«Его не чтут не только христиане!» —
Сказал Руфин, прегордо усмехнувшись,
И больше слова не хотел прибавить.
Нет, он сказал еще, и это хуже,

Когда его про замыслы спросили,
Какие он имел, нас приглашая,
Ответил он: «Что замышлял, то сделал».

Люций

Я ничего плохого здесь не вижу.

Парвус
(вспыхнув гневом)

Конечно! Ведь и ты с ним вместе был,
Те выполняя «замыслы».

Люций
(не понимая)

Что значит...

(Вдруг догадываясь.)

Ты, слушай, говори все до конца,
Коль начал, иль совсем не начинай,
А то шипишь змеею подколодной.

Парвус
(общине)

Так говорит христианин-патриций,
Приветливый и добрый.

Люций
(слегка смутившись)

Нет, по правде,
Когда в чем обвиняешь, то скажи
Открыто, так, как подобает братьям.
Ведь все мы вместе кандалы здесь носим,
И всех нас участь ждет одна и та же...

Парвус

Ну, это неизвестно, кто как долго
Носить оковы будет и кому
Какая участь выпадет...

Люций

Известно,
Что мы осуждены на смерть.

Парвус

Тогда уж,
Как приговор свершится, станет ясным,
Кто осужден был подлинно, кто только
Для вида. Я вовеки не поверю,
Чтоб тот, кто страже путь к нам указал,
Мог в самом деле тоже быть казненным.
Предательством заплатят разве судьи
Тому, кто предал нас?

Фортунат

Нас Круста предал,
Известно это всем нам, для чего же
Небратские ведете разговоры?

Парвус

Да, Круста Крустою, а где был Люций,
Пока центурион к нам не пришел?

Люций

Отправив Крусту, я вернулся. После
Руфин и я вели беседу.

Парвус

Странно!
Патриции взамен собраний наших
Заводят разговоры по углам!
Однако на суде что ж промолчал ты,
О чем была беседа между вами?

Люций

Я не хотел никак вредить Руфину,
Пусть о себе свидетельствует каждый;
Я обращал Руфина в нашу веру,
Его хотел вот-вот ввести в общину...

Парвус
(иронически)

И что ж? Центурион вам помешал?

Люций
(не совсем уверенно)

Я думаю, что так.

Парвус

Все можно думать.

Люций
(вновь раздражаясь)

А ты что думаешь?

Парвус

Пусть лучше мысли
Мои останутся при мне.

Люций
(общине)

Вас, братья,
Зову я в судьи между ним и мною.

Фортунат
(миролюбиво)

Ну, для чего судиться? «Не судите
И не судимы будете», — господь
Сказал, и, зная, что предаст Иуда
Его, господь не осудил Иуду
И не велел апостолам своим
Судить.

Люций
(дрожащим голосом)

Ты, Фортунат, я знаю,
Душою прост, и ты не понимаешь,
Что за отрава есть в твоих словах.

Нартал
(внезапно отзывается хриплым голосом)

Что там «душою прост»! Доколе будешь
Ты, Люций, с ними нянчиться, все время

Водиться с ними? Если бы я мог
На месте быть твоем, хоть с кандалами,
Но только не прикованным к столбу,
Тогда давно бы этим «братьям» нашим
Я братство показал свое, чтоб знали,
Как жалить втихомолку да шипеть им!
Гнездо змеиное! Перед врагами
Под ноги стелются, как будто сдохли,
А перед братом на дыбы встают
И съесть его готовы! Скорпионы!

Епископ
(подходит медленно из дальнего угла к Нарталу.)

Смирись, мой сыне...

Нартал
(резко)

Я тебе не сын.
Отец нашелся!

Епископ
(со страхом к общине)

Что в него вселилось?

Нартал

Что? Желчь! Которой вы не позволяли
Бурлить и выкипать, — сейчас она
В меня вцепилась, задушить готова,
Я выплюну ее тебе в лицо!

Плюет на епископа, тот уклоняется, христиане с грозным звяканьем кандалов бросаются к Нарталу.

Епископ
(быстро опомнившись от оскорбленья)

Не трогайте! Стерпел я оскорбленье,
Вы за меня стерпите, умоляю.
Одна овца плохая пусть не губит
Христово стадо всё своей заразой.

Нартал, дико, пронзительно закричав, забился, словно в корчах.

Тюремный сторож
(вбегая в темницу с ременною тройчаткой)

Что здесь у вас?
(Нарталу.)
Вновь этот бесноватый?
Ты замолчишь ли, выродок проклятый?

Бьет его несколько раз тройчаткой, тот хрипит, стиснув зубы, сторож выходит за двери, оглядываясь и погрозив на ходу тройчаткой. Некоторое время в темнице царит тяжелая тишина.

Люций
(подходит к Нарталу, который как-то весь опустился, словно умерший на кресте)

Кто даст воды? Он в обмороке будто.

Рената
(подает воду в глиняной кружке и помогает Люцию привести в чувство Нартала)

Уже глядит. Ему как будто легче...
(Уходит снова к своему жениху Редививусу.)

Люций
(тихо Нарталу. Весь дальнейший разговор ведется вполголоса, едва слышный остальным)

Мой дорогой, поймешь ли ты, как трудно
Мне знать, что за меня ты пострадал.
Но все же ты встревожился напрасно,
Ведь я совсем не так уж опечален
Тем, что здесь Парвус говорил недавно.
Я верю: если не теперь, так после,
А правда нашим всем глаза откроет.
И я прошу тебя во имя дружбы,
Во имя власти той, что я когда-то
Имел над чистою твоей душою...

Нартал
(тихо, но горько)

Не говори со мной, не вспоминай ты
Об этой власти. Я и сам ведь знаю,
Что был твоим рабом, что ты, патриций,

Богач и римлянин, купил меня,
Несчастного и дикого номада,
И с телом и с душою.

Люций

Мальчик милый,
Я выкупил тебя, а не купил!
Ты был моим рабом минуту разве,
И то формально.

Нартал

Был всегда рабом!
Ведь римляне вовеки не давали
Рабам освобожденья. Ты купил
Меня с душою. Я у господина
Знал, что мне римлян надо ненавидеть,
А здесь я должен полюбить тебя.

Люций
(с мягкой усмешкой в голосе)

Что ж, это зло?

Нартал
(качает головой, при этом кандалы тихо бренчат)

О, зло, большое зло!
И хуже нет, чем это!.. Был я дикий,
Горячий, гордый, словно зверь в пустыне.
Попавши в клетку, грыз, ломал решетку,
Как лев, как барс, и рвался вновь в пустыню,
Как на врага, на господина рвался
И вырвался б на волю иль погиб,
Когда б не ты.

Люций

Тебя не принуждал я,
Ты мог домой идти, когда б хотел.

Нартал

Когда хотеть бы мог! Теперь я знаю:
Тем хитрый Рим и властвует над нами,

Что он от нас желанья отнимает.
Здесь римлянин любой скорей погибнет,
Чем варвару даст волю, — так и ты!
Не ты ли мне показывать стал сразу
Не сквозь решетку, а на вольной воле
Красу Италии, богатство Рима, —
Дух захватило! И совсем забыл я
Мою пустыню и шатер отца
Для нечисти блистательной. Потом
Ты мне открыл сокровища другие, —
Свет философии, наук, таланты, —
И я, несчастный варвар, думал, верил,
Что римлянином сам навеки стал,
Да что и Рим меня за сына принял.
Ошибся я, и скоро показали
Сограждане твои ошибку эту,
Патриции да выскочки-плебеи, —
Всегда они презреньем вызывали
Со дна души моей былого зверя,
Я становился вновь номадом диким,
Душою поворачивался к дому.
Но снова сплел ты для меня силок:
Ты обратил номада в христианство.
Тогда-то власть и стала беспредельной,
Господство надо мной твое — безмерным.
Ох, как же тяжко я тогда страдал!
Не знал ты, как рыдал, бывало, горько,
Как я в ночах оплакивал неволю.
И я жалел о той железной клетке,
Где был я телом раб, душой свободный,
А возвращенья не было уж мне.
Красы Италии, богатства Рима
И разума сокровищ не хватало.
Дал ты мне волю и меня изнежил,
Душе растленной захотелось неба,
Блаженства вечного, богатств надземных,
И продал я за них и честь и гордость.

Л ю ц и й

Но получил любовь и мир душевный.

Нартал

Неправда! Сам ты знаешь, что неправда.
Нет, я врагов любить не научился,
Я лгал себе, что я люблю врагов,
Чтоб хоть обманом, но достигнуть неба.
Но все ж неправдой неба не достигнуть,
И я сломал себя совсем напрасно
И ни за что в бесславье погибаю!
Как будто пес, к столбу прикован я,
Вот мне награда за житье собачье!
И, никого не полюбивший в жизни,
Как пес хозяина, тебя любил я,
Не зная, что ты враг мой самый страшный,
А то бы ненавидел и тогда
Так, как теперь. Однако здесь я только,
В темнице, на таком большом досуге,
Постиг всю тяжесть своего позора
И твоего злодейства.

Люций
(с глубоким сочувствием, искренно)

Мальчик бедный!

У Нартала вырывается короткое рыданье, но он сразу усилием воли прекращает его.

Нартал

Молчи! Молчи! Ты вновь меня опутать,
Поймать в ловушку хочешь? Знаю я
Теперь все злое римское коварство.
Сейчас я понял, что же заставляет
Вас, воинов жестоких, обратиться
К религии любви и всепрощенья, —
Еще свободных вы сковать хотите,
Без войска подчинить себе всю землю,
На варваров на всех надеть ярмо,
Все Карфагены без войны разрушить.
Ну что, неправда?

Люций молчит.

А, молчишь, молчишь?
Ага, я наступил тебе на горло?

Люций

Нет, подожди! Что за ярмо такое?
Пусть Рим и будет властвовать над вами,
Он не мечом вас покорит — любовью.

Нартал

Желал бы ты увидеть покоренным
Рим Карфагеном, хоть бы и любовью?

Люций молчит.

Теперь меня ничем ты не обманешь,
Ничем не свяжешь душу ты мою!
Ох, если б только кандалы мне сбросить,
Я так бы Риму отомстил!

Люций

Несчастный!
Что б сделал ты?

Нартал
(вдруг выкрикнул на всю темницу)

Я этот Рим поджег бы!

Среди заключенных слышны вскрики ужаса.

И по ветру бы я развеял пепел.
И соль посеял бы на пепелище,
Чтоб и трава не выросла!

Кто-то из христиан

О боже!
Что говорит безумный этот варвар!

Фортунат

Не услыхала б стража этих слов...

Люций
(уже несколько сурово)

Ты лишнее сболтнул, неправду, видно.
Ты никогда бы не пошел на это.

Нартал

Я не пошел бы?
(Вдруг замолкает, потом, глухо застонав.)
Верно это! Верно!
Сгноил, сгноил мою отвагу Рим!

Громко рыдает от ярости и боли. Люций молча стоит возле него, опустив руки, потом, вздохнув, отходит.

Нартал
(начинает так, что его речь напоминает восточный надгробный плач)

Ой, горе, горе мне! Шатры в пустыне!
Зачем вас предал? О мое оружье,
Зачем тебя не поднял на врага?

Флегон
(с суеверным страхом)

Кто меч поднимет, от меча погибнет.

Нартал
(с внезапным порывом, словно с радостью)

О боги, боги! Смерти нет честней!
Как жаль, что раньше я не догадался!
(Смеется судорожно, потом обрывает смех.)
Эх, есть о чем грустить мне? Вот возьмут нас,—
И варваров, и римлян, черных, белых, —
Возьмут, да засмолят, да подожгут всех,
Как щепочки. И станем мы светить там,
В садах у цезаря,
(вновь со смехом)
как светоч правды!

Епископ

Безумный молвил мудро ненароком:
Светить мы будем светом божьей правды.
Запомним и обрадуемся сердцем,
Что бог сподобил нас такого счастья.
Споемте аллилуйя!

Диакон, а за ним хор христиан

Аллилуйя!
Осанна в вышних! Слава в вышних богу!..

Безумный смех Нартала покрывается громким, исступленным пением христиан. Открываются двери, и стража вводит закованного в кандалы Руфина в одной тунике, без тоги; он бледный, измученный, едва переступает; следом за ним вносят Присциллу со слабыми признаками сознания.

Начальник стражи
(заключенным)

Эй, вы! Что здесь вы так развеселились?
Молчать!

Все замолкают, кроме Нартала.

(Страже.)
Его заприте в подземелье
На эту ночь.
(Указывает на Присциллу.)
Ее здесь положите.
Ей жить, наверно, только ночь осталось.

Указывает место в нише, куда и кладут Присциллу на солому. Руфин садится возле нее на полу, прислонившись к стене.

(Руфину.)
А ты подумай да попробуй вспомнить,
А то как завтра вновь начнем пытать,
Живым не выпустим. Спокойной ночи!

Выходит со стражей и Нарталом.

Люций
(подходит к нише, шепотом Руфину)

Вас мучили?

По телу Присциллы пробегает дрожь.

Руфин
(машет на него рукой)

Не вспоминай, прошу,
Не говори, пусть отдохнет Присцилла.

Люций
(еще тише)

А ты?

Руфин

Я так... я рядом с нею буду...
Оставь нас...

Люций отходит в сторону.

Люций
(Парвусу, который стоит у стены, противоположной нише, рядом с пресвитером Теофилом)

Что, твоя спокойна совесть?

Парвус

А почему бы нет?

Люций
(показывает на нишу, где лежит Присцилла, а возле нее сидит Руфин)

А их ты видишь?

Парвус

Но я при чем тут? Разве я пытал их?

Люций

А ну-ка вспомни, что ты говорил?

Парвус

Что говорил — сказать готов я снова.

Люций

За что Руфина мучили, ты знаешь?

Парвус

Их мучили обоих, чтоб дознаться,
Кто был второй, который с Теофилом
Собрание покинул.

Л ю ц и й

Ну и что ж?
Ты слышал, что сказал начальник стражи?

П а р в у с

Присцилла не расскажет, хоть и знает!

Л ю ц и й

Но и Руфин. . .

П а р в у с
(перебивает)

Руфин его не знает.
А если б знал, наверно б не молчал.

Л ю ц и й
(едва-едва владея собой)

Ну, доведешь меня ты до безумья
Иль до греха!

Т е о ф и л
(говорит решительно)

А ты напрасно, Люций,
Сам снова этот разговор заводишь,
Который нас довел уж до беды.
Вступать в него я не хотел доселе
Из-за того, что не люблю кидать
Каменья в ближнего, хоть и за дело.
Я думал, пусть тебе уж лучше Парвус
Покажется теперь «Фомой неверным»,
Чем в старом друге ты б узнал Иуду.

Л ю ц и й
(вспыхнув)

Иуду? . . Теофил, будь благодарен
Своим сединам, что стерпел я это.

Т е о ф и л

Мне седина моя не позволяет
Словами необдуманно бросаться,
Я говорю о том лишь, в чем уверен.

Знал ли Руфин того, с кем я ушел,
Не знаю я и говорить не буду,
Но то, что обо мне сказал он Крусте
Тогда, что я из Галлии вернулся, —
Я слышал сам.

Люций
(бесконечно удивленный и встревоженный)

Ошибся ты, ошибся,
Тебе послышалось.

Теофил

Ты мне скажи,
Откуда Круста мог узнать о том,
Что «друг отца Руфина возвратился
Из Галлии?» Меня по тем приметам
Нашли тогда и взяли. А рабы
Руфина — те меня узнали сразу
И выдали.

Люций

Но их позвал же Круста!

Теофил

Звал и Руфин их.

Люций

Теофил, послушай!
Руфин тебя не знал, я уверяю,
Еще ведь в детстве он отца лишился
И всех друзей отцовских позабыл.
О том, что ты в изгнанье был и где,
Никак не мог узнать он.

Парвус

А Присцилла
Сказать об этом не могла?

Теофил

Ни слова
Я не могу добавить иль убавить,
Что знал, то и сказал.
(Отходит к другой стене.)

Парвус
(ядовито Люцию)

А ты что скажешь?

Люций
(не обращая на него внимания, в задумчивости)

Нет, что-то здесь не так... Так быть не может...
(Подходит к нише.)
Прости, Руфин, тебя спросить мне надо.

Руфин

Потом нельзя ли?

Люций

Нет, о срочном деле.

Руфин с большим усилием встает. Люций ему помогает, они немного отходят от ниши, туда, где стоит Теофил. Руфин прислоняется к стене. Парвус, увидев это, подходит ближе к ним.

Руфин

Ну, что там?

Люций
(быстро, без умысла)

Ты сказал про Теофила
Что-либо Крусте?

Руфин
(припоминая)

Теофил? Кто он?

Люций
(показывает)

Вон тот старик.

Руфин

А, тот... Постой, дай вспомнить.
Как было все там? Круста удивился,

Что гость меня не знает, и пришлось мне
Придумывать немедля...

(Останавливается, трет лоб.)

Люций

Ну и что ж?

Руфин

Мне кажется, сказал, что друг отца он
И долго в Риме не бывал... сказал я,
Что он к нам из Германии приехал.

Люций

Из Галлии, быть может?

Руфин

Я не помню
Уже теперь, что говорил тогда,
Я и тогда о том не очень думал;
Зачем тебе все это?

Люций

Надо знать мне.
(Теофилу.)
Вот видишь, это случай несчастливый, —
Он наугад сказал, не знал, что правда
Сойдется с вымыслом. Смотри, как просто!

Руфин

Какая правда? И какой там случай?

Теофил

А случай тот, что по твоим словам
Я вскоре схвачен был.

Руфин
(словно ужаленный)

Что говоришь ты?

Теофил

Лишь то, что было.

Руфин

Почему же суд
Меня совсем не спрашивал об этом?

Теофил

Когда меня схватили, я признался,
Кто я такой, чего ж тут отрекаться?

Парвус
(подойдя между тем к ним)

Шпионов добровольных суд не может
Спросить при всех.

Руфин

Шпионов добровольных?
Ты...

Люций
(берет его под руку)

Дай я отведу тебя назад.
Присцилла там одна.

Руфин

Нет, невозможно
Все это так оставить.

Люций

И зачем
Об этом говорить? Все ясно мне:
Всему причина случай несчастливый.
(Теофилу.)
Ведь и тебе все ясно?

Теофил

Что слыхал,
То я сказал и большего не знаю.
Пусть будет бог тебе судьею.
(Отходит в глубину темницы.)

Руфин
(вслед Теофилу)

Слушай,
Я Римом присягаю...

Теофил не возвращается и не откликается.

Парвус

Не приемлем
Такой присяги. Только бог один
Свидетелем нам был бы достоверным.

Диакон
(подойдя при последних словах)

Не искушайте бога, не клянитесь
Ничем. Да или нет... Присяг не надо.

Парвус

Язычникам я на слово не верю,
И клятвы их и разные присяги —
Пустая речь.

Диакон

Но брат наш не язычник.
(Руфину.)
Христианин ты?

Руфин
(холодно и уже спокойно)

Тут не в этом дело.

Парвус

Вот так всегда он. Люций говорил,
Что он уже склонялся к нашей вере,
Так почему не хочет приобщиться
Он к ней теперь? Как раз пришла пора!

Люций

Нет, время не настало. Оскорбленьем
Для бога было б, если бы кто принял
Его закон для выгоды минутной.

Я полагаю, что Руфин желает
Для этого другое время выбрать.
Христианин я старый и ручаюсь
Пред вами за него.

Парвус

Еще бы нет!
В одном вы лагере! В тебе патриций
Христианина победил давно.

Люций

О боже, дай терпенье! Ты подумай,
Какая же была ему в том польза,
Чтоб Теофила заточить в темницу?

Парвус
(упрямо)

Такая же, какая и тебе,
Когда ты к нам позвал центуриона
На гибель нашу! Оба доносили
Вы заодно!

Руфин
(спокойно)

Иную благодарность
От вас я получить вовек не думал.

Люций

Ты не шути, нам оправдаться надо.

Руфин

Пред глупостью излишни оправданья,
Чтоб ты, патриций, как сказал он, друг мой,
Мог в дом мой привести центуриона —
Такая это глупость, что не стоит
Серьезного ответа.

Парвус

Хорошо,
А для чего к себе нас пригласил ты,

Не будучи христианином? Только
Чтоб угодить жене? Не слышал я
Об этаких супружеских подарках!
А почему не угодить и больше
И не вступить в общину?

Руфин молча отходит и садится возле Присциллы.

Присцилла
(слабым голосом)

Вы о чем там
Поспорили?

Руфин

Пустые разговоры.
Ты не волнуйся.

Присцилла

Голос твой дрожит.

Руфин

Измучен я.

Присцилла

Да, правда. Ляг, любимый.
Все ж будет легче.

Парвус, а за ним Люций подходят к Присцилле.

Парвус

Ты прости, Присцилла,
Что я к тебе...

Люций

Опомнись! Как ты можешь
Тревожить эту мученицу!

Парвус

Слова
Единого прошу, нетрудно это.
Хотел бы знать: тебе не приходилось
Руфину говорить о Теофиле?

Присцилла
(безразлично)

Не помню я, возможно говорила...

Парвус
(Люцию злорадно)

Так, значит, ты *наверно* говорила,
И, значит, не случайно, а нарочно
Руфин все это Крусте разболтал!

Присцилла
(поспешно, более громко, чем ранее)

Что говоришь ты, брат, побойся бога!

Парвус

А ты не знаешь, для чего Руфин
К себе нас пригласил? Ты не просила
Его о том?

Присцилла

Нет, не просила. Сам он
Решил умом и сердцем.

Парвус

Не хотел ли
Руфин стать неофитом в этот вечер?

Присцилла

Об этом я не знаю.

Парвус

Извини,
Что я тебя побеспокоил.
(Отходит в сторону.)

Присцилла
(подавленно)

Друг мой!
Беда какая! В чем нас обвиняют?

Руфин

Тебя никто ни в чем не обвиняет.
А я не принимаю обвинений.
Я знаю, ты поверишь без присяги,
Что я не предал.

Присцилла

Я, Руфин, поверю
Без слов и без присяги, но другие...

Руфин

Мне до других какое дело?

Присцилла

Правда,
Они тебе чужие, ну, а *мне*
Они родные братья, дорогие
Душе моей! И вынести нельзя мне,
Чтоб в памяти потомков христианских
Ты с именем предателя остался!

Люций

Ты успокойся, я об этом деле
Общине и епископу скажу
И попрошу суда.

Присцилла

Иди же, брат мой,
Иди, пусть дух святой тебе поможет!

Люций идет в глубину темницы к епископу.

Присцилла
(подавленно)

Еще один большой ложится груз
К той тяжести, что есть уже на сердце...
О господи, дай силу донести
Покорно эту тяжесть...

Руфин

Что ж, родная,
Тебя так мучит, кроме беспокойства
О той измене ложной?

Присцилла

Это дело
Не так бы мучило, когда бы я
Не знала, что из-за меня одной лишь
Страдаешь ты невинно. Если б правдой
Ответить я могла бы на вопрос их,
Не собирался ль стать ты неофитом:
«Да, он хотел, я точно это знаю», —
Мне было бы тогда на сердце легче.

Руфин

Но разве это что-нибудь изменит?

Присцилла

Да, непременно! Если бы ничто
Не изменилось, все равно б я знала
О том, что богом награжден ты будешь
За все страданья.

Руфин

Я такой награды
Вовеки не хотел бы, хоть и вправду
Принял бы христианство — мысль такая
Скорее отшатнула от него бы.
Не ради выгоды своей хотел я
В великие обеты новой веры
Уверовать, их мне в одной беседе
Открыл и разъяснил недавно Люций.

Присцилла

Вы говорили? Ты хотел поверить?

Руфин

Да, я хотел!

Присцилла

Теперь мне стало легче...
(Закрывает глаза и улыбается.)
Я чувствую, что боль моя утихла...
И все ж скажи, ты мог бы нашу веру

Принять? Пойми, спросила я об этом
Не потому, что хочет знать община,
Пойми, что мне *самой, самой* знать надо!
Скажи, ты мог бы?

Руфин
(посмотрев на нее, делает героическое усилие)

Мог бы.

Присцилла
(тихонько)

Слава богу!

Беззвучно шевелит губами, как будто произнося молитву, руки набожно сложены на груди, глаза закрыты. Епископ, а за ним большинство членов общины приближаются к Присцилле и Руфину.

Епископ

Тебе не трудно, дочь моя, ответить?

Присцилла

Нет, нет, не трудно, преподобный отче!
Руфин, ты подними меня, я сяду.

Руфин поднимает Присциллу так, что голова ее склоняется ему на грудь.

Присцилла

Спроси, мой отче, рада я ответить
На все твои вопросы только правду.

Епископ

Не говорил ли муж тебе о том,
Зачем в свой дом он пригласил общину?

Присцилла

Об этом и не надо говорить бы.
Когда он мне сказал, что в катакомбах
Опасно собираться христианам,
Я по его совету собрала вас
В своем дому. Он думал: безопасней
У нас, чем там...

Епископ

Ну, ладно. Ты не знаешь,
Как относился муж твой к христианству?

Присцилла

Все знаю, ничего не утаю.
Сперва он отвергал его, однако
Не верил клевете на христианство,
Не одобрял гонений на него.
А после был готов он нашу веру
Принять душою всей и мог сейчас бы
Вступить в общину, если б обвиненье
В предательстве ему не помешало.

Епископ

Наверно это знаешь?

Присцилла

Да, наверно!

Среди христиан начинается шепот. Парвус о чем-то тихо спорит с другими.

Епископ

Когда ж возникла эта перемена
В душе Руфина?

Присцилла
(с минуту что-то припоминает)

Это было, верно...
Тогда, в последний вечер. Вы послали
Меня за глиной. Я в саду застала
Руфина с Люцием, они там оба
Вели беседу, тут я догадалась,
Взглянув на лица их, что та беседа
Была серьезна, о делах высоких
И важных для души. Я полагаю,
Что та беседа мысли изменила
У мужа моего.

Епископ

Так говоришь ты,
Что были Люций и Руфин в саду
Тогда?

Присцилла

Да, были, преподобный отче.

Епископ

Когда вернулся Люций, ты не знаешь?

Присцилла

Когда меня позвали на собранье,
То двери Люцию открыл Руфин.

Редививус Фавстин

Об этом слышал я.

Рената Негрина

И я слыхала.

Епископ
(Парвусу)

Ты извинись пред Люцием сейчас же
За злые, необдуманные речи.

Парвус
(принужденно)

Прощу прощенья, брат мой.

Люций

Бог простит.
Не для себя я начал это дело —
Для невиновного Руфина.
(Епископу.)
Отче,
Переспроси еще сестру Присциллу,
И пусть она, как следует припомнив,
Нам скажет, говорила ли Руфину
Она про Теофила.

Епископ
(Присцилле)

Ты слыхала?
Тогда, Присцилла, дочь моя, ответь нам.

Присцилла
(понемногу голосом более уверенным, хотя с большими паузами)

Святого духа сердцем я просила
Мысль укрепить и прояснить мне память,
Расшатанную, темную от мук...
И смиловался бог — я сердцем слышу...
И как в душе моей слова Христовы,
Так в памяти моей все разговоры,
Какие с мужем я вела, все стали
Написанными словно... Их читаю,
Как будто развернув пергамент...
(Долгая пауза.)
Нет
О Теофиле в свитке том ни слова.
Свидетельствует дух святой об этом,
Моими он устами здесь глаголет.

Епископ
(Теофилу)

Что скажешь ты теперь?

Теофил

Что и сказал:
Мне нечего добавить иль убавить
Ко всем моим словам.

Люций

Отец и братья,
Сестре Присцилле можем мы поверить,
Как праведной душе в господнем царстве.
Кто может ей не верить?

Голоса христиан

Это правда!
Она святая! Любит бог ее!

Парвус

Сестре Присцилле я готов поверить,
Но верить не могу жене Руфина.
Когда в супружестве две разных веры,
То у жены там две души: одна
Святою может быть, зато другая
За мужем в ад бы кинуться готова.

Голоса христиан

Да, это правда! Метко Парвус молвил.

Епископ
(Парвусу)

Не искушай ты малых сих. Присцилла
Сказала нам, что сам Руфин стал близок
К пути в господне царство.

Парвус

Я хотел бы,
Чтоб кто-нибудь другой сказал об этом,
А не Присцилла, да еще при муже.
Да пусть и так. Одна беседа с другом
Руфину изменила мысли так,
Как их не изменяли все беседы
С его женою, истой христианкой.
И Круста был еще до той беседы,
И был еще язычником Руфин,
И эти разговоры, что Присцилла
Сейчас пред всеми нами вспоминала,
Велись все с мужем нехристианином.
(Общине.)
С *язычником,* но с *мужем,* вот в чем дело!
И пусть теперь стоит он недалеко
К пути в господне царство, только где же
Стоял в то время он, когда Присцилла
Не только проводила с ним беседы,
Но и женой язычнику была?
И где же быть могла тогда Присцилла,
Ее душа какою шла дорогой,
Когда рвалось любовно сердце к мужу?

Одна ли у нее душа, иль две,
Свидетельствует нам из них какая?
И, может быть, свидетельство такое
Не от святого духа? Кто нам скажет?

(Присцилле.)

Возможно ль это, чтоб тела ходили
Одним своим путем, тогда как души
Двумя путями разными?

Присцилла

Отвечу:
За нас господь решил, и не должна я
Рассказывать его решенья людям.

Руфин

(наклоняется к ней и шепчет)

О нашей жизни ты открой им правду
И этим отведи все разговоры.
За что должна терпеть ты понапрасну?

Присцилла качает отрицательно головой и слабо улыбается.

Парвус

Вот, преподобный отче, братья, сестры,
Вы слышали, как речь ее менялась,
Когда она о муже говорила?
Такое ль слышать от нее привыкли,
От чистой, словно золото, Присциллы?
Все, как тростник, качаются слова:
Сказала мне одно, а вам другое
На все вопросы.

Фортунат

Может, это пытки
Ей мысли спутали...

Парвус

Не знаю, может...
Под пытками, однако, не сказала
Ни слова лишнего сестра Присцилла,
И, значит, ее мысли не затмились.

Люций
(не сдержавшись)

Да, не было там палача такого,
Как ты!

Парвус
(иронически)

Спасибо, брат мой!

Епископ

Мир вам, дети!
(Общине.)
Пора закончить, братья, это дело.
Не нам судить, мы выслушали только
Все, что сказала нам сестра Присцилла;
Мы слышали, и знаем мы, что суд
Не нам принадлежит, а только богу,
Он высший судия над нами всеми.
Когда одни супруги провинились
Грехом большим пред церковью христовой
И вынесли то прегрешенье братья
Апостолу на суд, он грех увидел,
Но не судил. Бог покарал супругов.
Пусть бог их судит.

Люций

Преподобный отче,
Ужель последним это слово будет?

Епископ

Последним, сын мой.

Отходит в сторону, за ним большинство христиан.

Присцилла
(Люцию)

Брат мой, не тревожься.
Суд божий прозорливее людского,
И я его спокойно жду. Суд божий
Не ошибается.

Руфин
(тихо Люцию)

Припомни, друг мой,
В саду беседу нашу и подумай:
Сказал бы мне то самое ты снова?

Люций, наклонив голову, молча отходит в другой угол. Неожиданно открываются двери, и врывается Нофретис, египтянка, рабыня Присциллы.

Нофретис

Да где ж они? Темно как! Боже! Боже!

Присцилла
(тихо отзывается)

Нофретис, ты?

Нофретис

Я, госпожа, Нофретис.
(Бросается на голос Присциллы и припадает к ее ногам плача.)
Ой, госпожа любимая моя!
Ой, ноженьки, измученные пыткой!
(Целует ноги.)
Ой, рученьки! . .
(Припадает к рукам.)

Присцилла

Нофретис, успокойся!
Ты участи моей должна быть рада.

Нофретис
(страстно)

Я не могу!

Присцилла

Но я тебя прошу,
Не мучь мое ты сердце пыткой новой.

Нофретис
(с величайшим усилием подавляет рыданья и достает спрятанную на груди фигурку бога с бараньей головой.)

Вот, госпожа, что принесла тебе я...

Присцилла
(с ужасом)

Нофретис! Бойся бога! Снова идол?
Ужель ты предала Христа?

Нофретис
(невинно)

Как можно!
Коль предала, пусть бог меня карает!
Не идол это.

Присцилла

Это ведь Амон!

Нофретис

Нет, госпожа моя, ягненок это,
Ягненок божий! Как-то из Египта
Его привез благочестивый брат.

Присцилла

Ошибся он, не знал, что это идол.
Нет, нет, Нофретис, не возьму его.

Нофретис

Так, может быть, возьмешь тогда другое?
(Вынимает круглый камешек и подает Присцилле.)

Присцилла

Зачем мне? Камешек?

Нофретис
(таинственно)

Большая сила
Заключена в нем! Вечное заклятье!

Присцилла

Что тут написано?

(Читает надпись на камне.)

«Абраксас». Бредни!
Обманута ты кем-то, выбрось камень.

Нофретис

(грустно)

А брат сказал, что камень боль снимает.

Присцилла

Не надо боль снимать, я не страдаю.
Поближе наклонись. Скажу я что-то.

Нофретис наклоняется.

Твой господин уж сердцем обратился
К царю небесному.

Нофретис

Ох, слава богу!
Так господин воскреснет вместе с нами!
Не будешь ты вдовицею в раю!
Как наши будут рады! Разреши мне
Об этом рассказать всем нашим братьям!

Присцилла

(улыбаясь)

Как хочешь...

Нофретис

Я пойду им всем скажу,
Что господин мой стал святым. Вот радость!
Я счастлива — святых господ рабыня!..
Бегу! Лечу! Вернусь сюда я скоро...

(Порывисто падает к ногам Присциллы, целует их, потом вскакивает, бежит к дверям, бьет в них кулаками.)

Эй, стража, открывай!

Первый караульный
(открывает двери)

Куда спешишь ты?
(Заигрывает с Нофретис.)

Нофретис
(отталкивает его)

Ну, отвяжись! Пусти меня скорее!
(Ловко проскользнув под его руками, выбегает из темницы, караульный со смехом закрывает двери, не входя в темницу.)

Присцилла

Руфин!

Руфин
(подходит)

Что скажешь, друг мой?

Присцилла

Сядь со мною,
Дай прислониться мне к тебе, любимый.

Руфин садится так, что Присцилла прислоняется к нему. Ей не видно его лица, она смотрит прямо, в пространство.

Когда б ты знал, как рада я сейчас...
Уже давно так не было со мною...
Нет, так еще и сроду не бывало...
И знаешь... наклонись поближе... ближе...

Руфин наклоняется совсем близко, так, что Присцилла тихо говорит ему почти на ухо.

Когда б теперь нас вызволило чудо
Из этих стен, была бы я твоя,
Совсем твоя...
(Более громко.)
Ты счастлив? Да?

Руфин
(снова поворачивает голову, так, что Присцилле не видно его лица)

Нас слышат.

Не говори.

Слышно, как загремел замок.

Как будто к нам идут.

Немного отходит от Присциллы. В открытые двери входит Аэций Панса с тюремщиком.

Аэций Панса
(с порога)

Где здесь Присцилла?

Присцилла

Ой, отцовский голос!

Тюремщик
(предупредительно, даже льстиво проводит Пансу к нише)

Не беспокойся, господин преславный,
Когда из старших кто придет, скажу я.
(Выходит.)

Аэций Панса

Некоторое время молчит, взволнованный, прикрыв лицо тогой, между тем как Присцилла пытается встать ему навстречу, а Руфин молча сжимает ему руку. Затем Панса говорит дрожащим голосом, с видимым усилием придать ему твердость и суровость.

Вот дожил до чего! Что получил?!
Бесчестье роду моему какое!
И от кого! От дочери своей...

Руфин

Напрасно ты Присциллу укоряешь.

Аэций Панса
(Руфину очень резко)

Да, правда, укорять *тебя* мне надо,
А не ее. Я воспитал Присциллу
В обычаях старинных, честной, доброй
И справедливой римлянкой. Кем стала
Она в твоем дому, скажи? А ныне
Какое ты хозяйство вновь ей дал?

Тюрьма матроне римской домом стала!
Солома ей гнилая — брачным ложем!
Ее красой теперь не муж владеет —
Палач...

(Голос его прерывается, и он вновь закрывается тогой.)

Присцилла

Отец мой, не позорь Руфина!
Не он меня, а я ввела его
В дом новый, где хозяин тоже новый.

Аэций Панса
(вновь овладев собою)

Так это правда? Что, мой зять, я слышу?
Ужель тебе жена ярмо надела?
Так сбрось его! Ты господин Присциллы!
Когда б еще имел я власть над нею,
Я знал бы, как направить мне ее
На честный путь!

Руфин

Верна Присцилла чести,
Не надо говорить так.

Присцилла

Есть поступки,
Когда права отца и мужа просто
Бессильны.

Аэций Панса

Что же это за поступки?

Руфин

Отец мой, верь мне, — не найдется силы,
Что привела б к измене христианку
С душою чистой, с благородным сердцем.

Аэций Панса
(утрачивает свою напускную суровость, тревожно, беспомощно)

Так что же это? Как? Я не пойму...
Так чем все кончится? Как будет все?..

Присцилла
(протягивает к нему руки)

Поговорим, садись, отец, со мною.

Панса садится возле Присциллы, она прислоняется головой к его плечу.

Никак я не поверю, чтоб ты вправду
Нечестною считал свою Присциллу.

Аэций Панса
(растроганный)

Нет, доченька моя, забудь об этом!
Честна, добра, верна и справедлива,
На мать похожа ты... А знаешь, мама
За все житье супружеское наше
Однажды только горе принесла мне
Лишь тем, что умерла.

Присцилла

И я жду смерти.

Аэций Панса

Зачем так говоришь ты? Мать скончалась,
Пришла пора ее, решили боги,
С болезнью вместе смерть за ней пришла.
Твое ж здоровье боги не отняли,
И жизнь твоя в твоих руках.

Присцилла

Нет, видно,
Настал уже мой час. Так незаметно
Земную жизнь кончает человек...
Я издавна, как гость, на этом свете,
Душа моя не здесь...

Аэций Панса
(встает, изумленный необычным, экзальтированным тоном ее слов)

Руфин, что это?
Она как зачарована! Наверно,
Ее околдовали христиане.
(Трясет Присциллу за плечо, словно хочет пробудить ее.)

Присцилла! Доченька моя! Опомнись!
Очнись скорее!

Присцилла
(просто)

Что с тобой, отец мой?
В сознанье ясном я.

Аэций Панса

Беда с тобою,
С таким сознаньем ясным... Нет, Руфин мой,
К тебе я обращаюсь. Ты ведь знаешь,
Что ты не зять мне только, ты мне сын,
Тебе я передам свои пенаты,
Когда умру.

Руфин

Но я умру скорее.

Аэций Панса

Не говори! Ведь это нож мне в сердце!
Да что с тобою? Я не понимаю.
Какое у тебя до секты дело?
Я не постигну! Это же безумье!

Руфин

Мне долго объяснять, как все сложилось,
Нет времени теперь. Поверь на слово:
Я б не нанес тебе подобной раны,
Когда б меня не заставлял так делать
Долг высший, чем все родственные связи.

Аэций Панса

Какой же долг? Ты только жить обязан,
Чтоб службу Риму исполнять достойно.
Забудь свои мечты республиканца.
Хороший сын ведь сам идет в неволю,
Лишь только бы отцу в беде помочь.
Отец твой — Рим, и трудно Риму ныне.
Вот варвары-германцы наступают,
Паннония в огне, восток и запад;

И юг, и север бурею грозят,
У нас — разлад, безлюдье, лихоимство.
И за десятерых служить обязан
Поэтому любой из честных граждан,
За сто, за тысячу! А ты — беглец,
Оружие сложил в такое время!
Позор и стыд, великое бесчестье!

Руфин
(видимо взволнованный)

До боли ты меня словами бьешь...
Горька в них правда... Поздно помогать мне...
Путь к честной жизни оборвался мой...
Одно осталось — умереть мне честно.
(Показывает на остальных узников.)
Вот посмотри, немало здесь плебеев,
Патрициев свободных и рабов, —
Но среди них предателя не сыщешь.
Ужель Руфин таким бы оказался?
Здесь каждый наделен большой отвагой,
Властителя любя и почитая,
Не поклонится все ж ему, как богу.
Он мерзок мне, и что ж мне чтить такого?
Бесчестье и отцу, коль сын-изменник
Ему окажет помощь.

Аэций Панса
(оглянувшись, шепотом)

Погоди ты,
Здесь речь не об измене.

Руфин

А о чем?

Аэций Панса

Я подкупил здесь старшего из стражи,
Чтоб он отсюда выпустил двоих.
Вот перстни.
(Дает Руфину два перстня.)
Покажи, и вас пропустят.
А в первом переулке будут ждать вас
Мои рабы — я выбрал христиан, —

Они в надежном месте вас укроют.
Потом в глухой провинции далекой
Пожить придется, переждать. А после,
Как все забудется, и в Рим вернетесь.

Молчание.

Так что ж, согласны? Что же вы молчите?

Присцилла

Все, кто тут есть, могли б сказать «согласны»,
А только мы не смеем.

Аэций Панса

Почему?

Присцилла

Их всех тогда схватили в нашем доме.
Так выйдет — словно мы их заманили
В ловушку эту, сами же ушли.

Аэций Панса

Неправда! Вы ж заранее не знали,
Что я спасу вас.

Присцилла

Все равно, отец,
Ведь люди будут так об этом думать.

Руфин задумывается. Присцилла пристально смотрит на него.

Аэций Панса

А этих вот людей ты и не встретишь.

Руфин
(качнув решительно головой)

Нет, нет, отец! Тот путь не для меня.
Ты говоришь: «Жить и служить для Рима!»
Какая ж служба. жить мне беглецом,
Скрываясь от преследованья власти
И от людского глаза, как преступник?
Такая жизнь мне хуже смерти.

Присцилла

Слушай,
Что я скажу, отец. Разлука наша
Недолгой будет.

Аэций Панса
(радостно)

Ты уйдешь отсюда?

Присцилла

Пойду на небо. Нам надежду эту
Дал сам Христос.

Аэций Панса

Она безумна! Боги!
Опомнись, дочь, что ты сейчас сказала?

Присцилла

Родной мой, я надеждою живу,
Что ты увидишь тоже божью правду:
Ее ты заслужил своим страданьем;
Мы будем вечно жить тогда с тобою,
Не разлучаясь, жить в раю господнем.

Аэций Панса
(хватая Руфина за руку, с мукой и страхом)

Что говорит она? Не понимаю.
Мне страшно.

Присцилла

Что ты, мой родной, не бойся;
Ты это все поймешь, когда захочешь;
Я братьев попрошу, они помогут.

Аэций Панса
(со страхом)

Какие братья?

Руфин

Это — христиане.

Аэций Панса

Пусть мне помогут вас освободить, —
Я их озолочу.

Присцилла

Отец мой, братьям
Моим не надо денег.

Аэций Панса

Как не надо?
Кто денег не захочет? Всем нужны.
Вот позову я этих всех людей...
Мне с ними можно говорить открыто?

Присцилла

Конечно, можно, здесь не предадут нас.

Аэций Панса
(общине)

Эй, люди добрые! Сюда прошу вас.

Община вместе с епископом приближается к нише.

Вы помогите мне! Вот я пришел,
Чтоб дочь свою освободить и зятя...

Епископ

Как?

Аэций Панса

Все равно как! Я побег устрою.
Их эти перстни выведут отсюда...
(Показывает на перстни, которые дал Руфину.)
За деньги можно все.

Фортунат

Вот-вот.

Парвус
(с насмешкой)

Так что ж?

Аэций Панса

Да вот я не могу уговорить их.
Они боятся — честь их пострадает,
Когда спасутся. Разве это так?
Спасенье жизни неужель позорно?

Парвус

Здесь важно, кто и как ее спасает.

Епископ

На божий суд мы отдали их дело.
Так пусть же бог их судит до конца.
Коль совесть разрешит — пусть убегают.
(Хочет отойти.)

Аэций Панса
(удерживает епископа)

Нет, вижу, не хотите отпустить их.
Скажите, почему? Зачем вам дети?
Ваш бог желает крови? Любит смерть?
Так я пришлю рабов их заменить.

Парвус

Не издевайся! Что ты нам плетешь?

Аэций Панса
(испуганно)

Не гневайся, почтенный! Я ведь так...
Я думал... Что же... Я могу дать денег...
Могу поставить золотой алтарь
Для бога вашего. Лишь бы помог
Моих детей спасти от лютой смерти!

Теофил
(движением руки останавливает Парвуса, который хотел сказать что-то резкое)

Нет, золото твое не нужно богу,
Милей всего ему людская вера.

Аэций Панса

Готов я верить, лишь бы он помог.

Теофил
(епископу)

Об этом, кажется, подумать надо, —
Поверить, видишь, он готов.

Парвус

Вот слушай!
Беда придет, так всяк готов поверить,
А где ж он был, когда беды не знал?

Теофил отмахивается от Парвуса и что-то тихо доказывает диакону, иногда обращаясь и к другим, к тем, кто ближе стоит.

Аэций Панса
(Руфину)

Они позволят, только попроси их,
Они позволят!

Руфин

Не об этом речь.
Нам запретить уйти никто не может,
Себе мы это сами запретили,
И уж никто помочь нам не сумеет.

Аэций Панса
(Присцилле)

Прошу тебя, молю, будь ты послушной!
Что для него я? Не родной отец ведь, —
Не жаль ему, что будет жить старик
Какой-то в одиночестве и горе...
Ты ж кровь моя, дитя мое родное,
Моя отрада, память о любимой
Летиции моей! Ведь я с тобой
Так часто забывал свое сиротство...
Кто без тебя его мне скрасить может?
Куда же мне деваться? Я пойду
В пустой ваш дом, беспомощный там сяду
Пред очагом погасшим, буду слезы
Лить горькие, доколе видят очи...

Встревожу ваши тени, пусть утешить
Слетят они ко мне...
(В бессилии прислоняется к стене.)

Присцилла

Ой, боже мой!
Еще такой я муки не терпела!
Дай силу, господи! Христос, дай смелость!

Аэций Панса
(кидается к ней)

Присцилла, знай, что ты меня убьешь!
Ужель твой бог отца убить позволит?
Ты говоришь: мы встретимся, так как же
Ты старому отцу в глаза посмотришь,
Из-за тебя лишь умершему с горя?
(Бросается к ногам Присциллы.)
Не покидай меня! О, сжалься, сжалься!
(Рыдает.)

Присцилла
(близкая к обмороку)

Исусе!

Руфин молча сжимает руки, ломает пальцы. Среди христиан вздохи, слезы, тревожное перешептывание.

Люций
(поднимает Пансу)

Дорогой мой, встань скорее,
Не убивайся так. Община наша
Упросит их послушаться тебя.
Глянь, все с тобою плачут. Сам епископ
Насилу слезы сдерживает.

Аэций Панса
(бессильно опираясь на руку Люция)

Сын мой,
Пусть боги дни твои благословят...

Теофил
(наставительно)

Богов нет многих. Бог один есть только.

Аэций Панса
(покорно Теофилу)

Да, да, один.

(Люцию.)

Тебя я попрошу,
Ты знаешь все, как говорить здесь надо,
Скажи тогда, уговори тут ваших,
Пусть мне моих детей спасут от смерти.

Тюремщик
(входит; поспешно Пансе)

Центурион идет, и господину
Уйти бы надо.

Люций
(тихо Пансе)

Да, вот это может
Испортить дело.

Аэций Панса
(с тревогой)

С чем же я пойду?

Люций

Я все улажу. Я тебе ручаюсь.

Аэций Панса

Руфин, а ты что скажешь?

Руфин

Я не знаю,
Что мог бы я сказать...

Аэций Панса
(склоняясь к Присцилле)

Скажи, Присцилла!
Хотя бы слово! Сжалься надо мною!

Присцилла крепко, без слов обнимает отца и целует долго с беззвучным рыданьем.

Тюремщик

Мой господин, я вновь напоминаю...

Присцилла отпускает отца. Люций отводит его, закрывая ему лицо тогою, и ведет под руки к дверям, тихо утешая.

Занавес

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ЧЕТВЕРТОГО ДЕЙСТВИЯ

Те же, что и в третьем действии, без Аэция Панса и Нофретис, кроме того еще:

Адвокат Семпроний.
Посетитель.
Девушка — сестра Ренаты.
1-я женщина.
2-я женщина.
Молодая девушка.
1-й молодой христианин.
2-й молодой христианин.
Старый христианин.
Свояк Фортуната.
Мальчик.
Воин.
Ремесленник.
Трое пришедших каяться.
Старший из просителей.
Клиент Руфина.
Христиане и христианки, пришедшие навестить узников.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Та же темница. Присцилла сидит у ниши; она кажется не такой слабой, как в предыдущем действии. Возле нее Руфин. Люди в темнице те же, что и в третьем действии. Нартал на своем месте, прикованный еще более тяжелой цепью, но она длиннее, так что он может сидеть возле столба; христиане, видимо, сторонятся его, так же, как и Руфина. Нартал почти все время держится безучастно, только изредка подает короткие едкие реплики. Слышно, как открывают замок на дверях.

Тюремщик вводит адвоката Семпрония.

Тюремщик
(показывая Семпронию на нишу)

Вон там Руфин, а Люция найдешь ты.
(Выходит и запирает двери.)

Люций
(идет навстречу Семпронию и провожает его в нишу к Руфину; говорит на ходу.)

Привет, Семпроний мой. Я провожу.
Пока глаза привыкнут, нелегко здесь.
Руфин, пришел наш адвокат Семпроний,
О нем я говорил.

Руфин

Прими привет мой.

Семпроний

Я рад служить такому господину.
Сначала надо выяснить мне дело
Твое, Руфин.

Руфин

А почему сначала?

Семпроний

Особенность в нем есть по самой сути,
Ведь не христианин ты, как я знаю.

Присцилла

Ты ошибаешься.

Семпроний

А... коли так...
То плохо... Мы тогда бы доказали,
Что ты не знал о сути тех собраний
И был уверен, что имеешь дело
Лишь с обществом процессий похоронных,
И доказали б, что Присцилла только
Одна из основательниц.

Руфин

К чему?
Сказал же я, что цель собраний знаю.

Семпроний

Ну, это не беда. Ты ж не признался,
Что сам христианин ты...

Присцилла

Завтра скажет.

Люций

В тот день, когда собранье созывалось,
Руфин еще христианином не был.

Семпроний

А, так? Вот это очень хорошо!
Он культа христианского не знал?

Присцилла

Нет.

Семпроний

Значит, он к убийству не причастен,
К убийству ритуальному.

Присцилла

Сказал ты
Так, словно вправду быть оно могло!

Семпроний

Мне, госпожа, и не нужна здесь правда.
(Руфину.)
Но это помогло бы при защите
И Люция.

Люций

Но как?

Семпроний

Да очень просто:
Хоть и христианин ты — правда, лучше,
Когда б ты не был им, — но все ж *тогда*
Ты шел не на собранье, только в гости
К Руфину, и в саду с ним пробыл вечер.
В гостях был Круста, был в гостях и Люций,
Могло ведь это быть?

Люций

Так не годится.

Семпроний

А почему?

Руфин

Так поступать нельзя.

Семпроний

Помочь ты можешь, но помочь не хочешь, —
Так не по-дружески.

Люций

Нет, пусть Руфин
Теперь себе поможет и Присцилле,
Они и так за всех нас пострадали.

Семпроний

С Присциллой будет трудно.
(Присцилле.)
Плохо то,
Что видели тебя с ребенком этим
Как раз в тот день, когда он вдруг исчез.
Свидетели сказали, что подарок
Дала ему ты в христианском доме,
И там старик был, что потом пропал...
Вот если б доказать возможно было,
Что ты не христианка.

Присцилла

Не трудись,
Все доводы твои разрушу.

Семпроний

Странно,
Когда порой так люди ищут смерти!
(Руфину.)
Меня ты больше всех тем удивляешь...

Руфин

Ты забываешь то, что обвиняют
Меня еще в другом.

Семпроний

Да в чем еще там?
Что культа цезаря не признаешь?
Что статуи богов убрал из дома?

Достаточно тебе публично бросить
Курений горсть на цезаря алтарь,
На алтари богов — и ты оправдан.
Хоть навредил ты сам себе немало,
В беседах защищая христиан
И равнодушием к делам гражданским,
Но все ж ты можешь оправдаться, только
Скажи открыто: «Не христианин я»,
И докажи свои слова на деле.

Присцилла

В законе римском, стало быть, две правды?

Семпроний

Должно ж иметь причину преступленье?
И для чего же римлянину надо
Культ римский нарушать?

Люций

Ты дай совет:
Возможно ль как-нибудь нам оправдаться,
Никак от остальных не отделяясь?

Семпроний

Есть два пути: один — назвать вам имя
Пропавшего в тот вечер старика.
Сервилия, по разговорам Крусты,
Уверена, что он и есть тот самый,
Что мальчика ее увел куда-то.
Когда б его нашли и допросили,
То, может, кару б он один понес.

Люций

Нет, так нельзя. А путь другой?

Семпроний

Вам всем
Сказать, что вы не христиане вовсе,
А общество процессий похоронных.

Присцилла

Нет, путь второй совсем уж неприемлем.

Семпроний
(разводит руками)

А третьего и нет...

(Задумывается.)

Хотя... постойте...
У вас тогда предметы культа взяли:
Большую чашу, нож, еще там что-то.
Про тело и про кровь слова к тому же
Подслушаны. Всех зол вреднее это.
Когда б кто рассказал хотя бы мне,
Какая надобность в том и значенье,
На этом как-то смог бы я построить
Свою защиту.

Руфин

Ты предполагаешь?

Присцилла
(тихо Люцию)

Об этом вряд ли кто ему расскажет.

Тем временем Парвус говорит что-то епископу, показывая на Семпрония. Епископ и христиане приближаются к нише.

Епископ

Кто этот человек?

Люций

Он наш защитник.

Епископ

Кто звал его?

Люций

Я попросил его
Так только, для совета...

Епископ

Что ж сказал он?

Люций
(смущенно)

Его совет: нам на суде открыть
Все таинство богослужений наших.

Епископ
(сурово, недовольно)

Христианин он?

Люций

Нет.

Парвус
(словно про себя)

Вот это странно!
Как стал бы вдруг нас защищать язычник? . .

Люций

Он честный и толковый человек
И искренне сейчас готов помочь нам.

Епископ

Я верю в это. Мне никак не странны
Его советы — не христианин он,
А то бы знал, что их дает напрасно.

Семпроний

Зачем же, господин? Я не пойму:
Коль нет ни преступленья, ни бесчестья
В тех тайнах, почему же не открыть их?

Епископ

Во всяких верах тайны есть.

Семпроний

Я знаю,
Но, к сожаленью, все ж о ваших тайнах
Худая слава.

Епископ

В ней мы не виновны.
Что слухи те *не могут* быть правдивы,
Про то уже не раз везде писали
Апологеты. Суд, наверно, знает
Их доводы.

Семпроний

Суд все же хочет фактов,
Не слов.

Епископ

В надежде будем дожидаться,
Пока господь всех судей просветит.

Семпроний

Никто в живых тут может не остаться,
Такого часа дожидаясь.

Епископ

Значит,
На то такая будет божья воля.

Семпроний
(общине)

Вы все согласны?

Голоса христиан

Да! Согласны все!

Семпроний
(епископу)

Большую силу, вижу, ты имеешь.

Епископ

Не я, а божья правда, божий страх.

Семпроний

Все ж мне бы убедить тебя хотелось,
Чтоб ты не дал погибнуть всей общине.
Во всяких верах тайны есть? Конечно!

Но эти тайны проще христианских,
И потому они хранятся долго.
А если бы пришлось за эти тайны
Погибнуть всем, кто свято верит в них,
То, верно, и жрецы бы согласились
Тогда раскрыть все тайны для спасенья,
Ведь вместе с верящими гибнет вера,
Где нет людей, там не нужны и боги.

Парвус
(издевательски смеется)

Ха-ха, ха-ха! Языческая мудрость!
Глубокая, как брод в сухое лето!

Семпроний
(Люцию)

Над чем смеется он?

Люций пожимает плечами.

Парвус

Когда б ты знал,
Что нет у нас жрецов, нет ложных культов!
Как мученики богу мы послужим
На небе!

Семпроний вопросительно смотрит на епископа.

Епископ

Да, он правду говорит.

Семпроний

О вере я не буду с вами спорить,
Но думаю, не все же здесь готовы
Идти на небо...

Голоса христиан

Все! Все!

Парвус

Как ты смеешь?!

Семпроний

Обидеть никого мне не хотелось,
Хотел сказать я, что у многих семьи
Имеются...

Фортунат
(громко вздыхает)

Да, как не быть... Известно...

Диакон
(шепотом)

Эх, Фортунат, ты помолчал бы лучше!

Семпроний

Кормить тогда кто ваши семьи будет?

Теофил

Господь их не оставит.

Диакон

Ты не знаешь,
Как меж собою мы живем по-братски.
Не бедствуют ни сироты, ни вдовы
В общине христианской.

Семпроний

Где же будет
Община эта, если все погибнут?
Когда вы захотите все на небо,
То ваши жены, римлянки доселе,
И матери с отцами всюду будут
Скитаться век свой меж людьми чужими,
Несчастные, беспомощные... Дети
Взрастут чертополохом иль погибнут.

Среди христиан движенье; боязливо поглядывая на епископа, они сдержанно шепчутся.

Парвус

Уйди, палач! Прочь, дьявол-искуситель!
Пришел ты новой пыткой души мучить

Страдающих! Ты привести нас хочешь
К предательству!

Семпроний

Напрасно прогоняешь,
Я сам уйду отсюда, где на помощь
Сперва зовут, а после оскорбляют.

Люций

Прости, Семпроний, нас и не сердись
За грубые слова. Не все в общине
Расценивают так твое участье,
С которым ты пришел, чтоб защитить нас.

Парвус
(с отвращеньем отворачивается)

Смотреть противно на такую дружбу!

Епископ

Что ж, если ты нас не зовешь к измене...

Семпроний

Понятно всем, что это бесполезно!
Хотел я дать совет: коль невозможно
Открыть те тайны, то хоть делом надо
Вам уваженье показать к закону,
Чтоб суд уверился в вас, как в послушных
И честных гражданах.

Епископ

Как это сделать?

Семпроний

Обычаи почтить публично надо,
Да культ богов и цезаря признать вам
И жертвы принести, как подобает.

Парвус

И это, скажешь, не измена?

Семпроний

Нет.
Ведь я от веры не прошу отречься.
Почтите наш обычай, и никто вам
Не запретит вовеки верить в бога,
В какого вы хотите. Египтяне
Быков чтут, кошек и зверье любое...

Епископ
(вдруг к общине)

Идемте, дети! Нам не подобает
Всё это слушать!
(Отходит с христианами в сторону.)

Семпроний
(смущенный, Люцию)

Чем я их обидел?

Люций

Мне это долго объяснять... Но вижу,
Что потревожил я тебя напрасно.
Прости.

Семпроний

Нет, верь мне, был бы очень рад я
Помочь вам в этом деле.

Люций

Верю, верю...

Семпроний

А все же речь свою я приготовлю.
Теперь пойду. Прощайте.

Люций

Будь здоров.

Руфин

Прощай, Семпроний.

Присцилла

Добрый путь, Семпроний.

Семпроний медленно идет около стены к дверям, чтоб не проходить между христианами, которые собрались посреди темницы. В темном углу его останавливает на пути Фортунат.

Фортунат
(шепотом)

Постой, прошу тебя...

Семпроний

А что?

Фортунат

Да... это...
Что, суд помиловал бы... после жертвы?

Семпроний

Он бы смягчил, я полагаю, кару.

Фортунат

И выпустил живым?

Семпроний

Я так считаю.

Парвус
(неожиданно подойдя к Фортунату)

Ты здесь о чем?

Фортунат

Я?.. Ни о чем... Я так...

Семпроний стучит в дверь, тюремщик отпирает. Семпроний выходит.

Парвус

Ты не задумал ли чего? Смотри!

Фортунат
(крайне смущенный)

Да я... Да разве я?..

Парвус

Имей в виду ты:
Отступникам назад дороги нет.
(Уходит.)

Фортунат
(со страхом к диакону)

Какой он острый!

Диакон

Что ж, сказал он правду.
Отступника не примет церковь снова,
Кого отринет церковь, бог отринет
И покарает душу адом вечным.

Диакон отходит. Фортунат стоит опустив голову.

Нартал
(Фортунату)

Куда ни кинь, повсюду клин выходит?

Фортунат

Дай мне покой хоть ты! На миг единый!

Нартал

Беда святому.

Фортунат отходит. За дверьми слышен гул многих голосов. Едва тюремщик открывает двери, в них врываются люди, пришедшие на свиданье с заключенными. Тюремщик и его помощник сдерживают напор.

Тюремщик

Не напирай! Сказал: по одному!
Не все гуртом! Эй, осади назад!

Один из посетителей
(который вошел первым, средних лет, довольно хорошо одетый)

Не гневайся, прошу тебя.
(Украдкой что-то кладет в руку тюремщика.)
И завтра
Я принесу.

Помощник
(подслушав)

Он завтра здесь не будет.

Один из посетителей

Что ж, посчастливится, — тебя застану.
(Дает и помощнику.)

Помощник
(тюремщику)

Запрем их здесь, да и пойдем.

Тюремщик

Конечно!
Нам двери надобно стеречь!
(Толпе пришедших.)
Вернемся
Мы скоро, и чтоб сразу все беседы
Закончились тут и — домой быстрее!

Один из посетителей

Конечно, господин, конечно так!

Тюремщик и помощник выходят и запирают за собою двери. Пришедшие окликают узников, приветствуют их. Узники смешиваются с толпою пришедших. Постепенно все разбиваются на группы беседующих. Пришедшие просят благословенья у узников, дарят подарки, оказывают знаки почтенья и уважения.

Девушка
(сестра Ренаты, не очень молодая, аккуратно одетая, у нее в руках старательно завязанный узелок).

Ренаточка!

Рената

Сестричка! Вот я, здесь!
(Целуется с новоприбывшей.)

Сестра Ренаты

Пришла к тебе я с новою одеждой.

Рената

С одеждой белой?

Сестра Ренаты

Белой, ты ж просила.
Редививусу белую одежду
Сюда взяла я тоже.

Рената
(кидается снова ей на шею)

Ой, спасибо!

Редививус
(кланяется сестре Ренаты)

Заплатит бог тебе, сестра, за это.

Рената

Теперь, любимый, я веселой стала,
Оденемся с тобою, как на свадьбу.
И с сердцем радостным пойдем на небо.
(Отходят, разговаривая, в глубину темницы.)

Женщина
(немолодая, встает на колени перед Присциллой)

Благослови меня, сестра святая!

Вторая женщина
(более молодая, также склоняется перед Присциллой)

Ты укрепи мой слабый дух, сестрица!

Молодая девушка
(в порыве кидается к Присцилле)

Сестра, я гибну! Помоги! Грешна я!

Присцилла

Я, сестры, не святая. Бог — святой,
И дух его дает нам, слабым, силу.

Молитесь, чтобы всем он нам помог
Закончить поскорей труды земные
И заслужить покой на небе вечный...

По очереди кладет им руки на головы и целует всех троих; они отходят, утешенные. Двое молодых христиан приближаются к Руфину и кланяются.

Первый

Благослови нас, брат наш преподобный!
Дай душам мир.

Руфин

Я сам его не знаю.

Второй

Так помолись ты богу вместе с нами.

Руфин

Молиться не могу.

Второй

Мы недостойны?

Руфин, словно не услышав, молча отошел к противоположной стене, к Нарталу.

Люций
(христианам)

Он, братья, не крещен еще, не смеет
Вам, верующим, дать благословенье.

Первый
(Люцию)

Благослови нас ты.

Люций
(благословляет)

Спаси господь вас!

Христиане отходят Новая небольшая группа пришедших на свиданье входит, впущенная тюремщиком.

Старый христианин
(из группы только что пришедших, восклицает от дверей)

А где диакон? Расступитесь, братья!
Несу дары святые вам и хлеб!

Христиане расступаются, старый христианин проходит к диакону, подает ему святые дары и корзину с хлебом и всякой снедью.

Старый христианин
(диакону)

На днях справляли трапезу с причастьем,
И вот община посылает вам
Свои подарки. Помянуть мы просим
В молитвах ваших церковь! Помолитесь
За ваших недостойных братьев богу,
Чтоб нас господь помиловал и спас
За ваши раны и за ваши муки.
(Кланяется диакону и общине на все стороны)

Диакон

Сторицею вам бог за то воздаст,
Что вы о заключенных не забыли.

Нартал
(Руфину)

Большие тут проценты, как я вижу,
Да и какие сложные расчеты!

Старый христианин отходит. Диакон раздает из большой корзины еду тем узникам, которые подходят к нему.

Урбан
(приняв подарок из рук диакона, пробует его)

На воле сроду я не ел такого!

Флегон

Так мы же заслужили перед смертью!

Аквила

Не грех бы принести нам и получше.
Ведь мы страдаем и за них за всех.

Свояк Фортуната

(долго разыскивая Фортуната среди христиан, наконец нашел, схватил за рукав и отводит в сторону неподалеку от Руфина и Нартала)

Жена тебе привет шлет.

Фортунат

А сама
Не будет здесь?

Свояк

Сюда прийти ей страшно,
(Тише.)
Она просила, чтобы ты спасался,
Сам знаешь как.

Фортунат

Боюсь я кары божьей.

Свояк

Да это же для глаз людских, для виду,
А ты ведь не изменишь вере.

Фортунат
(боязливо)

Брось!
(Оглянувшись украдкой.)
Меня ж тогда отвергнет вся община,
Без помощи один завязну в бедах
И буду, что овца худая!

Свояк

Сказки!
Тут церковь есть, где принимают всех,
Лишь бы покаялся, и примут снова,
Она тут недалече.

Фортунат
(успокоенный, с надеждой)

Неужели?

Свояк

Сказал же я! Ты на меня надейся.
Что ж, будь здоров! Ну, а на суд ваш завтра
Жена с детьми придет.

Фортунат
(недовольно)

Да для чего?
Зачем все это? Ой, беда мне с нею...

Свояк, пожав плечами, дружелюбно и таинственно кивает Фортунату и выходит.

Мальчик
(очень худой и бледный, падает на колени перед Фортунатом)

Святой, безгрешный мученик, помилуй!
Прости меня! Сними с меня мой грех!

Фортунат
(смущенный)

Как я могу?.. В чем грех твой?.. Что ты сделал?

Мальчик

Когда я в лихорадке злой метался,
Я матери сказал, чтоб Эскулапу
Спасительную жертву принесла.
Теперь я каюсь горько и страдаю!
Бог покарал меня — мне стало хуже!

Фортунат

Мы все грешны, и, может, бог простит.

Мальчик

Ты за меня воздай молитву богу,
Когда войдешь ты в рай, скончавшись в муках.

Фортунат
(Бессильно кивает мальчику головою, стараясь ласково улыбнуться)

Мир, брат тебе... иди...

Мальчик

Святой! Безгрешный!

(Мальчик порывисто обнимает и целует колени Фортуната и выходит.)

Посетитель

(молодой, сильный, с воинской выправкой, склоняет голову перед Парвусом)

Прошу совета, брат мой.

Парвус

С чем пришел ты?

Посетитель

Вот завтра праздник воинский у нас,
Мы все должны на нем идти в венках,
Орлов империи нести должны мы
Пред изваяньем цезаря.

Парвус

И ты
Решился это сделать?

Посетитель

Я пришел
Просить совета.

Парвус

Но какой совет,
Какое колебанье тут быть может?
Скажи, кто свят — господь иль император?

Посетитель

Я думал, тот, кто не приносит жертвы...

Парвус

Не жертва ли — венок на голове?
А тот орел? А честь, что ты окажешь
Подобью цезаря? Скорей опомнись!
Летишь в геенну на крылах орлиных?
В венке попировать в аду собрался?

Посетитель
(решительно, но печально)

Послушаю тебя, почтенный брат мой,
Но знаешь ты, как в войске нашем римском?
Придется с жизнью мне своей проститься,
Когда свершу такое.

Парвус

Ну так что ж?
Из-за чего ты голову повесил?
За римского орла смерть примешь легче,
Чем за Христа? Что ж! Поступай, как хочешь!
Христу не надо воинов таких,
Что за него на смерть идут в печали.

Посетитель
(поднимает голову, без малейшего следа грусти)

Я храбрым буду воином, мой брат,
В христовом войске. Обо мне напомни
На небе господину моему,
Когда он будет раздавать награды.

Парвус
(уверенно)

Скажу тебе, забытым ты не будешь.

Нартал
(Парвусу)

А ты там консулом у бога станешь?

Парвус презрительно смотрит на него. Воин, поклонившись, уходит. Ремесленник-посетитель стоит вместе с Флегоном, Урбаном и Аквилою, разговаривает с ними.

Ремесленник
(Флегону)

И как же умирать ты не боишься?

Флегон

Скажу тебе по правде — страшновато.
Ну, так, как будто летом в речку входишь;

Сначала страшно, а нырнешь — так рай.
Вот так мы, христиане, умираем.

Аквила

Большое дело — смерть! Хотел я, брат мой,
Сначала в гладиаторы уйти,
Да залучил меня в общину Парвус.
И, хоть куда ни кинься, — все умрем мы,
Ну, не теперь, так после.

Ремесленник

Это верно,
Что до меня, скажу, то лучше после.

Аквила

Как моль и сгинешь. А у нас душа
По смерти будет царствовать, как цезарь.

Ремесленник

Ну, уж «как цезарь»!

Урбан

Нам не до господства...
Когда б ты, брат мой, знал мое житье,
То понял бы, что умереть готов я,
Лишь бы найти покой мне от беды.
Покой обещан только христианам,
Язычники же в муках будут вечно.

Ремесленник

Кто ж так сказал?

Урбан

Да те, кто это знает.
(Шепотом.)
Тут Парвус есть, он побыл на том свете.
Он умирал, а после ожил снова.

Ремесленник

Да, может быть, он врет?

Урбан

Я видел сам,
Как он лежал холодный, словно мертвый.
Иглой кололи, и не слышал он.
А как проснулся, то заговорил вдруг
На языке, нам неизвестном.

Ремесленник

Так!
Который же тут Парвус?

Урбан
(показывает рукой)

Вон стоит.

Ремесленник
(с суеверным страхом)

А ведь и вправду он какой-то странный.
(С боязливым любопытством подходит к группе людей, поближе к Парвусу.)

Флегон

Великий человек!

Аквила

Какой он смелый!

Урбан

Да и умом удался, очень острый.

Смешиваются с толпой. Трое людей различного возраста подходят к Нарталу и Руфину.

Первый
(Нарталу)

Где здесь епископ? Как его узнать нам?

Нартал

Который на сухарь похож всех больше,
Вот он и есть.

Трое смущенно переглядываются.

Руфин
(показывает на епископа, стоящего среди толпы)

Вот тот старик высокий.

Трое идут к епископу и становятся перед ним на колени.

Трое
(говорят наперебой)

Достойный отче... мы пришли... нам надо...
Мы просим слезно...

Епископ

Мир вам, дети! Встаньте,
(Первому.)
Ты, старший, говори. Что вы хотите?

Первый

Достойный отче! Заступись за нас.
Нас исключили из общины нашей.

Епископ

Кто исключил?

Первый

Священник.

Епископ

Почему?

Первый

По-иудейски мы справляли пасху,
По старому обычаю.

Епископ

Священник
Был прав тогда.

Первый

Мы каемся, владыка.

Все трое снова встают на колени и бьют себя в грудь.

Мы умоляем: дай ты нам письмо
В общину нашу, чтоб простила нас,
Послушные мы в стаде будем овцы.
(Протягивает епископу навощенную дощечку и стиль.)
В общину и к священнику два слова!
Святой, достойный отче, помоги!

Епископ
(второму)

Встань, юноша, и стань со мною рядом.

Второй встает, робко глядя, становится возле епископа. Епископ берет от первого табличку и стиль, кладет ее на плечо второму, пишет на ней несколько слов и отдает первому.

Общине и священнику отдайте
Вот это, вас простят они, наверно,
А вы теперь всегда послушны будьте.

Трое

Благодарим тебя, достойный отче!
(Кланяются епископу в ноги и уходят.)

Нартал
(Руфину)

Зачем он им не наступил на шеи?
Бараны! Знали б, как благодарить!..

Группа людей, различно одетых, в большинстве бедно, кидается к епископу, целует ему руки, ноги, кланяется и наперебой просит.

Достойный отче!.. Наш отец!.. Единый,
Мы без тебя как сироты! Мы гибнем!
Мутит нас ересь!.. Монтанийцы вкрались!..
Пророчицы-обманщицы смущают!..
Скажи, как защититься! Мы простые!
Мы темные, неграмотные! Отче,
Погибнем без тебя!

Епископ
(властно)

Покой вам! Мир вам!
Иль нет у вас священника в общине?
Что пастырь ваш за вами плохо смотрит?

Первый из группы

Ох, пастырь наш сам в пасти сатанинской,
Попал в нее.

Епископ
(поднимает глаза вверх)

Большое это горе!
Большое испытанье!

Второй из группы

Мы...

Третий из группы
(дергает его)

Молчи!
Он молится!

Присцилла

Руфин!

Руфин медленно идет к ней, его перехватывает недалеко от ниши уже немолодой человек, бывший его клиент.

Клиент

О господин мой!
От счастья чуть не умер я, услышав,
Что свят и ты.

Руфин

А кто тебе сказал?

Клиент

Нофретис. Эта весть по людям ходит.
И сам я тоже часто размышлял,
Зачем же ты, и знатный и богатый,
Не служишь Риму. Мне теперь понятно!

Руфин

И не служа, ведь можно Рим любить.

Клиент

Любить нам этот Вавилон греховный?
Ты просто шутишь! Чтоб он провалился!
Хоть говорят, что если Рим погибнет,
То свет погибнет, в том мне горя нет, —
Нас, христиан, избавил бог от смерти,
Мы будем жить и по скончанье света.
(Встает на одно колено.)
Прошу тебя, благослови меня.

Руфин

Когда б я знал, чем мог проклясть тебя,
То я бы проклял!

Клиент
(вскакивает)

Господи!

Присцилла

Руфин!

Руфин, не оглядываясь, возвращается к Нарталу, клиент идет и старается пробиться к епископу.

Епископ
(после паузы, новоприбывшей группе)

Вы подождите, я вам дам письмо,
О вере настоящей поученье,
Чтоб передать священнику.

Второй из группы

Мой отче,
Боюсь, что не послушает тебя
Священник наш, — он говорит публично,
Что ты... и слов тех повторить не смею.

Епископ

Я позволяю, я велю сказать их,
Я должен знать о всех болезнях церкви.

Второй из группы

Он говорит, что не по божьей воле
Ты стал епископом. «Сын князя лжи» —
Так он тебя зовет на всех собраньях.
Твое посланье к церкви сиракузской,
Где ты писал про ересь монтанийцев,
Он как-то взял однажды, но...
(Замолкает.)

Епископ

И что ж?

Второй из группы

Отдал пророчице, а та ногами
Его топтала и кляла тебя.

Епископ
(глухим голосом)

О господи! Теперь двойные узы
Накладываешь на меня...

Клиент
(подходит)

Мой отче,
Я с жалобою.

Епископ
(сурово)

Подожди. Потом.

Диакон отстраняет клиента, тот покорно отходит в сторону.

Первый из просителей
(епископу)

Ох, как бы вызволить тебя отсюда!

Второй из просителей
(откликается)

Ох, как бы вызволить! Ты сокрушил бы
Всех монтанийцев, стер бы в порошок их!

Третий из просителей

Да, да! Из уст всегда живее слово,
В письме не то!

Первый из просителей

Не смог бы пастырь наш
Стоять лицом к лицу с тобою, отче.

Третий из просителей

Один твой взгляд низвергнет лжепророков.

Епископ стоит в задумчивости. Теофил подходит к нему.

Теофил

Достойный отче, можешь ты спастись.
Тут есть два перстня, что дадут свободу,
Их дал отец Присциллы и Руфина.
Один из перстней ты возьми себе.

Люций
(Теофилу)

Так за других решать, брат, невозможно.

Парвус

Всё решено: они не захотели
Иль не посмели так уйти отсюда...

Люций

Вела б себя община по-иному...

Епископ
(сурово)

Она себя вела, как бог велел.

Парвус
(Люцию)

Тебе Руфин епископа дороже?

Епископ

Постойте, дети, я ведь не сказал,
Что я возьму те перстни.

Диакон

Честный отче!
Не закрывай очей на путь спасенья,
Что, без сомненья, указал сам бог.
Ведь и великий наш апостол вышел
По знаку бога из темницы тайно.
Всем нам известно, что немного стоит
В твоих глазах тщета житья земного,
Что дух твой порывается на волю
К высотам горним. Но как может пастырь
Идти на отдых, если господин
Сказал ему: паси мою отару?
Вот духом нищие к тебе явились,
Просящие защиты и совета.
Кто защитит их? Кто им даст совет?
Кто вытащит из пасти злого духа?
За них ты отвечаешь перед богом,
Ни пастырь, ни Руфин и ни Присцилла —
Их честное супружество господь наш
Вознаградит на небесах.

Теофил

Аминь.

Диакон
(общине)

Просите, братья, ради сирот наших,
Чтоб наш отец скорей отсюда вышел,
Ведь сатана уж щелкает зубами,
Заблудших братьев проглотить готовый.

Голоса из общины

Спаси заблудших!

Группа просителей

Помоги нам, отче!
Иди, отец, к нам! Просим мы тебя!

Епископ

Тяжелой жертвы просите вы, дети,
А должен слушать вас...

Община перебивает его криком радости.

Епископ
(диакону)

Напомнил ты
Про долг мой величайший перед богом.

Теофил

Так я пойду за перстнями.
(Порывается идти, но останавливается.)
Прикажешь
Один оставить им?

Епископ

Да, да, оставь.

Теофил

А все ж кому: Руфину иль Присцилле?

Епископ

Оставь Присцилле, коль она попросит.

Теофил

А не попросит?

Епископ

Дай его Руфину.

Теофил

А не попросит он?

Епископ

То мне отдай.

Теофил
(подходит к Руфину)

Где, брат мой, перстни те, что дал твой тесть?
Ты слышал? Мы один отдать решили
Епископу. . .

Руфин

А нас вы не спросили?

Теофил

Решил епископ. Этого довольно.
Что ж спрашивать? Ведь вы же христиане.

Нартал

Что ж спрашивать овец об их желанье?

Руфин

Я до сих пор не жил в овечьем стаде.
(Теофилу.)
Сейчас я посоветуюсь с женой.
(Идет к Присцилле.)

Теофил

И я пойду, меня послал епископ.

Подходят вдвоем к Присцилле.

Теофил

Присцилла, муж твой не дает нам перстня,
Чтоб вызволить епископа отсюда.

Руфин

Вдвоем с тобой хочу решить я это.

Присцилла

Прошу тебя, отдай мне оба перстня.

Руфин отдает.

Свой перстень я епископу даю,
(Отдает один перстень Теофилу.)
А твой тебе оставлю.
(Хочет отдать другой перстень Руфину, Теофил перехватывает.)

Теофил

Дай сюда.
Епископ приказал иначе сделать,
Отдать тебе, когда ты взять захочешь.
(Теофил зажимает в левой руке один перстень, а правой дает другой перстень Присцилле.)

Присцилла

Нет, ни за что я не возьму его!

Теофил

(Руфину официально)

Теперь ты мне скажи: берешь ли перстень?

Руфин

Нет, перстень мне не нужен.

Теофил поворачивается, чтоб идти.

Подожди,
Я передам его...

Теофил

Нет, невозможно.
Кому отдать его, епископ скажет.

Теофил идет с перстнями к епископу.

Присцилла

(Руфину)

Руфин, зачем же отдал ты свой перстень?

Руфин

Затем, зачем и ты.

Присцилла

Руфин, но все же...

(Берет его за руку, притягивает к себе, горячо шепча.)

Ты... ты не веришь! Обманул меня!
Из-за тебя я братьев обманула.
Нечестно это! Что ж ты поступил так!

Руфин

(освободив руку, тихо)

Теперь не время говорить об этом.
(Подходит снова к Нарталу.)

Теофил

(с поклоном, отдавая епископу перстни)

Они отдали оба перстня нам.

Епископ
(берет перстни; общине)

Смотрите, дети, вот пример великий,
Вот истинный поступок христианский.
Большая радость будет им на небе,
И церковь их в молитвах не забудет.

Христиане перешептываются, с набожным удивленьем глядя на Руфина и Присциллу.

Епископ
(надевает один перстень себе на палец, другой держит в руке)

Я этот перстень дам...

Фортунат
(падает к ногам епископа)

Достойный отче!
Молю, отдай мне этот перстень!

Епископ

Сын мой,
Тут есть достойнее. Спасешь ты душу,
Когда погубишь тело — вот твой жребий.
Такие есть, что и других спасают —
Избранников бог между ними ищет.
(Парвусу.)
Вот ты, мой сын, пойдешь со мною.

Парвус

Нет!

Епископ
(сурово)

Кому сказал ты «нет»? Иль ты подумал,
Что я тебя по старости глубокой
Как крепкую подпорку взять слугою
Хочу к себе? Нет, я беру тебя,
Чтоб ты ловил теперь людские души.
Господь тебе дал огненное слово,
С могучим сердцем дал могучий дух,

Теперь трудиться должен ты для бога.
Не будь рабом ленивым.

Парвус

Честный отче,
Я не ленив, и я работал много.
Не отнимай ты от меня венца,
Что мне господь являет каждой ночью.

Епископ

Что бог тебе являет?

Парвус

Много раз
Круг яркоогненный ко мне нисходит,
И голоса поют мне громко «слава!»
И от поста я голода не слышу.

Епископ

Постишься ты, хоть я и запретил
Поститься здесь? Лукавый раб! Ты знаешь,
Какими ты виденьями смущаем?
То наважденье злого духа!

Парвус

Нет,
В себе я слышу божий дух! И горе
Тому, кто злобно вдруг о нем сказал бы.
(Вне себя общине.)
Идет господь! Служить ему огнем,
Молиться кровью! Смертью поклоняйтесь!

Один из прибывших

Точь-в-точь пророчицы так восклицают
У монтанийцев. Слышать даже страшно!

Епископ
(громким голосом)

Свят, свят господь! Замолкни, лживый дух!
Он одержимый.
(Теофилу.)

Поручаю, сын мой,
Тебе его. Ведь ты для всей общины
Останешься наместником моим.
(Показывает на Парвуса.)
Я не могу с собою взять его.
(Диакону.)
Беру тебя, слуга христов.

Диакон
(с трудом скрывая радость)

Мой отче,
Чем заслужил я?..

Епископ

Ты покорный раб,
Из воли господина не выходишь.

Диакон кланяется.

Епископ

Нужны нам два плаща, кто их имеет?

Несколько человек из посетителей дают свои плащи. Диакон выбирает два лучших.

Епископ
(узникам)

Теперь простимся с вами...

Теофил

Честный отче,
Есть просьба у меня.

Епископ

Ну, говори.

Теофил

Сверши обряд крещенья над Руфином,
Чтоб не погибла грешная душа.

Люций

Но ведь Руфин еще не оглашенный,
Еще ученья веры он не знает.

Теофил

В тяжелый час позволено и так.
Достойный отче, верно?

Епископ

Верно, сын мой.
(К общине.)
Здесь есть вода? Подайте мне ее.

Протягивается несколько кувшинов с водою.

Есть чистая одежда?

Редививус
(подает одежду, которую ему подарила сестра Ренаты)

Вот, примите.

Епископ
(Теофилу)

Отцом ты будешь крестным.

Теофил

Да, мой отче.

Епископ
(громко Руфину)

Руфин, раб божий, подойди ко мне!

Молчанье. Руфин не трогается с места.

Руфин, ты слышал, что сказал я?

Присцилла
(голосом, изменившимся от муки, словно чужим, без оттенков)

Он
Себя еще достойным не считает.
Он прав сейчас. Не трогайте его.

Епископ
(Руфину)

Будь смелым, сын мой, и всем нам поведай
Грехи твои, покайся в них открыто
Перед общиной и передо мною,

Как пред отцом. И если грех не тяжкий —
Его прощу тебе во имя божье,
Очистишься и примешь честный крест,
Нет без него душе твоей спасенья.

Молчанье.

Открой свой грех. Мы выслушать готовы.

Руфин

Ни в чем я перед вами не виновен.

Епископ

Без исповеди каждый здесь простил бы
Твою вину пред ним. А ты ответь мне,
В чем грешен богу ты.

Руфин

А я не знаю,
О чем ты говоришь.

Епископ

Обман, быть может,
Поклявшись божьим именем, свершил ты?
Ответа ждем мы.

Руфин

Говорю тебе,
Что никакого зла не причинил вам.
Что вам за дело до моих грехов?

Епископ

Стараемся мы для тебя по-братски,
От гибели твою спасаем душу.

Руфин

Привык я сам стараться для себя.

Епископ

Во всех твоих словах звучит гордыня,
Неподобает с нею быть душе,

Желающий надеть одежду правды,
Очиститься в источнике бессмертья.
Смири свой дух, чтоб мог ты стать достойным
Святой, великой тайны в этот час.

Руфин

Нет, быть могу я лишь самим собою.
Зачем же время попусту терять
На трудные, пустые разговоры?
У вас дела, быть может, есть другие,
А мне, мне ничего от вас не надо.

Отступает в сторону. Среди христиан движенье и шум.

Люций

Я с ним поговорю. Он завтра примет
Крещенье.

Теофил

Завтра — это слишком поздно.
Нам завтра суд последний будет.

Люций
(сквозь нарастающий шум)

Завтра
К рассвету... ночью... через час он сможет!..

Епископ

Теперь иль никогда. Нам ждать нельзя.

Голоса христиан
(вырываются из общего шума)

Дай, брат Руфин, согласье! Покорись!..
Скажи все! Исповедайся! Покайся!
Крестись ты! Бог простит!.. Очистит крест!..
Руфин!.. Нет, не достоин!.. Он святой!..
Он спас епископа!.. Сестра Присцилла —
Она святая, не Руфин!.. Он тоже!
Епископ их в пример обоих ставил!
Должна молиться церковь за двоих!
Он некрещен! Так что ж!.. Святой!.. Язычник!..

Тюремщик
(открывает двери)

Вы напились тут, что ли? Что за крики?
С ума сошли? Довольно! Убирайтесь
Чужие все! Увиделись, и хватит.
(Толкает тех посетителей, которые стоят к нему ближе.)
Кому я говорю? Иль вы оглохли?

Посетители бросаются прощаться с узниками. Замешательство и шум. Епископ и диакон закутываются с головой в плащи и направляются к дверям в толпе посетителей. Тюремщик задерживает их.

Вы кто? Куда?

Епископ и диакон молча показывают перстни. Тюремщик притворяется, словно выпустил их из виду, и поворачивается к другим.

Ну, ну! Быстрей, быстрей!

Посетители все выходят. Остаются узники без епископа и диакона.

Тюремщик
(узникам)

Сейчас же на допрос вы собирайтесь.
Приказано вас привести. Не всех.
Руфин с Присциллою пусть остаются,
Они допрошены.
(Нарталу.)
Ага, ты встать не можешь.
Эй, караул, сюда!

Входят двое караульных.

Вот господину
Раскуйте кандалы, но не совсем,
И стерегите, чтоб не убежал он.

Караульные снимают с Нартала часть кандалов, но руки и ноги его остаются закованными.

Теофил
(христианам, пока расковывают Нартала)

Идите смело, дети, будьте тверды.
Всех вас мне поручил епископ.
(Парвусу.)
Слушай,
Держись спокойней ты, в речах будь мягче.

Парвус

Я бога слушаю, а не тебя.

Теофил
(общине)

Он бунтовщик. Вы с ним не говорите.
Пусть он покается.

Нартал
(Парвусу со смехом)

Что ж, поздравляю,
Товарищем мне стал! Теперь нас двое!

Тюремщик

Ну, все готово?
(Караульным и Нарталу.)
Вы вперед идите.

Все выходят. Руфин и Присцилла остаются.

Присцилла

Руфин!

Руфин
(помолчав минуту)

Что скажешь?

Присцилла

Подойди поближе.

Руфин

Зачем тебе я? Ты же осудила,
Не выслушав меня, при всех, публично.
Так говорить о чем теперь ты хочешь?

Зачем еще мне причинять мученья,
Когда и так я осужден тобою?

Присцилла

Когда б ты знал, Руфин, какие муки,
Судив тебя, себе я причинила!
Да не судила я. Какой там суд!
То стон от боли. Я его глушила,
Пока могла... Как больно и как страшно,
Когда теряешь веру в человека,
Тебе родного! Словно мир весь гибнет...
И как могла я пережить все это?!

Руфин
(подходит к ней ближе)

Тебя ж просил я: отстрани себя
От дела о доверии общины.

Присцилла

Легко ли тело разлучить с душою?
(С порывом.)
Руфин, мой дорогой! Я виновата
Перед тобой? Напрасным подозреньем
Себя я запятнала! Покарай
Меня! Скажи теперь, что не простишь мне,
Что от меня отрекся навсегда!
Но ты скажи, что я тогда ошиблась,
Что никого не обманул, что ты...
(Голос ее прерывается от волненья.)
Что ты... христианин душою... Правда?
Заносчиво ты вел себя и гордо —
Тому виной патриция привычки,
Но все ж ты каешься? Теперь? Сейчас?
Молчишь? Я даже слова недостойна?
Суди меня! Кляни меня!.. Карай,
Но не молчи... христианин ты?.. Правда?
Зачем молчишь? Иль нет меня на свете?
(Быстро поднимается, схватывает Руфина за руку. Но опускается на колени, дрожа от слабости и крайнего волненья.)

Руфин

(поднимает ее и поддерживает; она, рыдая, прижимается к нему)

Не надрывайся так. Не мучь меня.
Я все тебе сказал бы, но боюсь я,
Что не поймешь ты.

Присцилла

(немного успокоившись. В голосе ее ласковый укор, она не совсем сознает, что говорит)

Как же так? Присцилла
Не понимает своего Руфина?
Уже ей сняли голову, быть может?
Но и с того ведь света все услышит
Она и все поймет!

Руфин

(прислоняется к колонне, которая находится посреди тюрьмы, не выпуская Присциллу из своих объятий)

Поймет, конечно.
Уверен я. Сейчас вот рядом бьется
С моим такое искреннее сердце,
И нет меж нами этих рабских душ,
Запуганных умов и темных мыслей,
Растоптанных гордынь.

Присцилла

Ты не суди их.
Они свои искупят недостатки,
Погибнув в лютых муках за Христа.

Руфин

И я погибну, потому теперь
Судить мои все надо недостатки.
Скажу тебе: я вправду согрешил.
Я обмануть пытался...

Присцилла вздрагивает, словно уколовшись.

Но не их,
И не тебя...

Присцилла

Кого ж?

Руфин

Себя, Присцилла.

Присцилла

Как?

Руфин

Сердцем я своим еще не верил.
Хотел умом пристать я к христианам,
Казалось мне тогда, что новой верой
Спасется Рим. Мечта пустая эта
Сверкнула предо мною, как зарница,
В ту памятную ночь, вот там, в саду,
На месте, где стояли раньше боги...
В темнице здесь я долго мучил душу,
Чтоб и она в ярме ходила вашем,
Да не согнул ее. Так чужды мне
Все эти люди, мысли их и речи.

Присцилла

И мне сначала были неприятны
Несовершенства братьев, после все же
Я поняла, что это оболочка,
А вечный дух ее немедля сбросит,
Покинув эту землю.

Руфин

Если дух
У вас одно и то же, что идея,
Поверить трудно, что в плохой одежде
Могла б ходить хорошая идея
Тут души кой-какие так оделись
Неряшливо, что просто невозможно
В соседстве с ними быть. Но я терпел,
Все теплилась еще во мне надежда.
А тут пришел клиент и погасил
Мою надежду.

Присцилла

Что же, разве все
Такие, как клиент, умом убогий?
Христианин и Люций.

Руфин

Знаю, Люций
Сумел себя принудить сам к тому,
К чему склонить себя я не был в силах.
Он раз увидел марево в пустыне
И думает, что это новый Рим.

Присцилла

Он говорит тебе о царстве божьем?
Так это же не марево, а явь.

Руфин

Хотя бы так. Оно чужое мне,
Ведь то столица варваров духовных.
Тот город может даже Римом зваться,
К нему совсем я равнодушен. Нет,
Страдаю я, что Римом зваться может.
Чудовище...

Присцилла
(упавшим голосом)

Ты помоги мне сесть.

Руфин помогает ей сесть.

Присцилла

Как жаль, что ты напрасно погибаешь!
Кто б знал, за что, зачем. Совсем безвинно!

Руфин

Безвинно? Нет! За что погибну — знаю.
Коль подданный, что цезарю подвластен,
Не служит цезарю — слугу такого
Убить обязан цезарь. Так ведется.
И коль сложил республиканец руки
И молча терпит злую тиранию,
Пускай умрет, и это справедливо.

Долгое молчанье.

(после раздумья, словно сам себя спрашивая)

Не все сказал я здесь, не до конца...

Присцилла

Что ж, если тяжело, не говорил бы...

Руфин

(словно сам с собою, рассуждая вслух)

Зачем хотел уверить я себя,
Что вот и я служить обязан Риму,
Как Люций? Мог же способ быть другой.
Единственный ли этот путь? Как много
Софизмов надо сплесть, чтоб христианам
В свой невод душу римскую поймать.
Я обманулся... Это не для Рима...
Чтоб римская не возмущалась совесть,
Я усыплял ее... надеждой тешил...

Присцилла

Зачем все это? Если ты бы верил,
Была бы цель бороться так с собою, —
Чтоб царство божье взять себе навеки.

Руфин

Себе? Себе? Наверно, это слово
Для христиан святое, что Присцилла
Его на первом месте тоже ставит.
Но я «язычник», видишь, я забыл
О святости его...

Присцилла

Руфин, довольно!
Догадываюсь... это мне так тяжко...
И... как-то мило... я не знаю как...
Мешаются все чувства... так мне трудно...
Что разрывается душа на части...
Руфин!

(В порыве приподнимается и протягивает к нему руки.)

Руфин

(привлекает ее к себе и ласкает)

Как мучаю свою родную...
Свою голубку бедную... хотел я
Ей радость дать хотя бы напоследок.

И не сумел. И не помог ни в чем я
Своей жене, измученной и слабой.
Жестокая душа! Упрямый разум!
Как я не мог сломить их?

Присцилла
(понемногу успокаивается, слушая его)

Нет, любимый,
Не надо их ломать, и не разрушит
Людская воля то, что сотворил
Бог нерушимым. Ты не знаешь бога.
Но он ведь сотворил тебя. Я верю,
Что там, на небе, где святая правда
Очам души является открыто,
Ее поймет несломленный твой разум.
И мы тогда в одной душе сольемся,
Единой, нераздельной и счастливой.
Уж и теперь я вижу отсвет счастья,
Как зарево далекое...
(Долгое молчанье. Присцилла говорит тихо, просто, как ребенок.)
Вот странно,
Я словно засыпаю...

Руфин

Спи, родная,
Я здесь с тобою рядом.
(Кладет ее на постель.)

Присцилла

Дай мне руку...

Руфин берет ее за руку. Она произносит чуть слышно, словно засыпая.

И завтра так... Мы за руки возьмемся...
Не будем разлучаться... Правда?

Руфин

Правда.
(Тихо целует ее в лоб.)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ПЯТОГО ДЕЙСТВИЯ

Руфин.
Присцилла.
Нартал.
Парвус.
Судебный глашатай.
Матрона.
Мальчик.
Всадник.
Гетера.
Поэт.
Молодой юрист.
Старый юрист.
Молодой воин.
Землевладелец - провинциал.
2-й землевладелец.
Ростовщик.
Римлянин в далматике.
Его клиент.
Богатый плебей.
1-й табулярий.
2-й табулярий.
Провинциалка.
Римлянка.
1-й вольноотпущенник.
2-й вольноотпущенник.
Страж.
Старая крестьянка.
Старый крестьянин.
Мальчик-пролетарий.
Пролетарий.
Уличный философ.
Нищий.
Жрец Цибелы.
Уличная женщина.
Молодой грек.
Скульптор из предместья.
Жрец Эскулапа
Богатый торговец.
Мелкий торговец
Смотритель крематория.
Бабушка.
Маленький мальчик (ее внук).
Подросток.
Жена Фортуната.
Ремесленник.
Мещанка.
Юноша (христианин).
Молодая девушка (христианка).
Раб.
Рабыня.
Карнифекс и два палача.
Толпа посетителей цирка — римский люд всяких положений и профессий.
Хор осужденных христиан (за сценой).

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Цирк. На сцене видна только четверть цирка со зрителями и часть арены Скамейки расположены в четверть круга (сегментом) в три этажа, — в каждом по нескольку рядов, пересеченных ступенчатыми проходами сверху вниз. Все заполнено людьми. На

самых нижних скамьях — люди наиболее знатные и богатые На средних скамьях — люди среднего достатка, плебеи. На самых высоких, крутых и тесных, — простолюдины, пролетарии. Судебный процесс над христианами происходит в самом дальнем конце арены (за сценой), о нем оповещает судебный глашатай По той части арены, которая видна, временами проходят трубачи, помогая звуками труб судебному глашатаю заставить утихнуть расшумевшихся зрителей. Полдень. Много солнца. Говор, размахиванье тогами, покрывалами, пальмовыми листьями для прохлады. Иногда, кроме возгласов, слышны короткие разговоры тех зрителей, которые находятся ближе к авансцене. Молодые прислужники и прислужницы бегают в проходах меж скамьями, разнося воду, напитки, еду, цветы.

Молодая матрона
(на одной из нижних скамеек)

Как душно здесь!

Молодой всадник
(зовет движеньем руки мальчика с кувшином; матроне)

А вот вино с водою.

Матрона

Вино? Ой нет, вина совсем не пью я,
Не позволяет мне мое здоровье.
Не выношу — вино на кровь похоже!

Мальчик

Так вот водица с медом.

Всадник

Дай сюда!
(Берет и угощает матрону.)

На таких же скамьях, но повыше.

Поэт
(гетере)

Что так печальна ты, моя Альмея?

Гетера

Ох, попугай вчера любимый умер!

Поэт

Какой?

Гетера

Зеленый! Мучился как, бедный!
(Закрывает глаза покрывалом.)

Поэт

Утраты — наша доля.

Гетера

Слушай, Кай,
Стихи сложить о смерти попугая
Ты должен.

Поэт

Напишу, моя богиня!

Молодой юрист
(запыхавшись, спешно пробирается среди зрителей и занимает место рядом с поэтом)

Что за досада! Как я задержался!
Что, речи кончились?

Поэт

Ну, где там! Долго
Еще им разговаривать. Семпроний
В Лаконии, как знаем, не учился.

Гетера

Как жаль! Уж если и скучать здесь, только б
Не очень долго.

Молодой воин
(который сидит по другую руку гетеры)

Да, здесь скучновато!
Семпро́ний этот вовсе не оратор.

Молодой юрист
(немного раздраженно)

А ты откуда знаешь? Здесь как будто
Не слышно ни словечка.

Молодой воин

Все равно,
Я вижу, что скучища.
(Указывает куда-то вдаль рукою.)
Вон зевают
Сенаторы и ртов закрыть не могут!

Юрист

Сенаторы твои что понимают!
Они ведь старой школы, а Семпроний
Другого направленья.
(Встает.)
Я пойду
Себе найду поближе место. Здесь
Я в самом деле ничего не слышу.
(Хочет уходить, но задерживается.)
Ба! Обвиняемые что сказали?

Старый юрист

Все от убийства отреклись, известно,
Но дело и улики против них.
Заядлые всё это христиане.

Молодой юрист уходит и скрывается из виду меж рядов.

Пожилой землевладелец-провинциал

Тяжелая задача для юриста —
Быть адвокатом на таком процессе.

2-й землевладелец
(моложе первого, его сосед)

А почему?

1-й землевладелец

Пропащее тут дело!

2-й землевладелец

Способный адвокат себя покажет
Во всяком деле...

Ростовщик
(худой, с желтым лицом)

Перевешать надо
Всех адвокатов!

2-й землевладелец

Почему?

Ростовщик

Они
Сброд защищают разный! Христиане —
Враги любому благосостоянью
И Риму. И закон давать не должен
Им права на защиту.

1-й землевладелец
(спокойно, флегматично)

Вот в чем дело!
Ну, это ты уж слишком разошелся,
Почтенный...

Молодой римлянин в далматике[1]
(громко зевает)

О-хо-хо! Что за скучища!
Скорей бы приговор! Ну что там медлят?

Его клиент
(сидит позади молодого римлянина, на один ряд выше)

Патрон, как полагаешь, что им будет?

---

[1] *Далматика* — вышитая одежда неримского покроя, которую носили только щеголи. *(Прим Леси Украинки.)*

Молодой римлянин
(небрежно)

Известно, смерть.

Клиент

Какая?

Молодой римлянин
(лениво)

Что присудят.

Клиент

Что до меня, я их бы присудил
Отдать в театр, — ведь очень любопытно,
Когда на сцене вправду умирают,
А не для вида.

Молодой римлянин
(сидящий выше)

Правильно.

Клиент

Красиво.
Коль женщинам так умирать придется,
Вот это живописно.
(Показывает рукой вдаль.)
Та, пожалуй,
Макарию бы на костре сыграла
Чудесно!

Молодой римлянин

Что болтаешь? То матрона!
Палач ей голову мечом отрубит.

Старый юрист
(скромно одетый, сидит рядом с тем, который в далматике)

Я слышал, Панса жалобу послал
В сенат.

Клиент

О чем?

Старый юрист

Что применяли пытки,
Допрашивая дочь его и зятя,
Хотя нельзя пытать высокородных.

Богатый плебей
(сосед старого юриста)

А как же в самом деле так случилось?

Старый юрист

Серьезно слишком дело.

1-й табулярий

Не терплю
Я христиан. Сварливы и крикливы.

2-й табулярий

Ужель? А я о кротости их слышал.

1-й табулярий

Не верь! Я совещанье их подслушал
Однажды, и такое там творилось!
Чуть было не оглох.

2-й табулярий

А что ж они? . .

1-й табулярий

Все спорили, как следует назвать им,
«Единосущий» иль «подобносущий».

2-й табулярий

Кого?

1-й табулярий

А я того не разобрал!
Они и сами вряд ли понимают...

Провинциалка
(в средних рядах, одета с претензией на роскошь, но безвкусно)

Соседка, а за что же всех их судят?

Римлянка
(одетая не без изящества, но довольно бедно)

Не здешняя ты, верно?

Провинциалка
(обижена, но любопытство берет верх)

Я сегодня
Вернулась издалека.

Римлянка

Целый Рим
Об этом говорит. Они убили
Ребенка...

Провинциалка

А зачем?

Римлянка
(менее уверенно)

Да им для культа.

1-й вольноотпущенник
(с верхней скамьи)

Они детей едят!

Провинциалка
(вздрагивая)

Что говоришь ты?
Как можно?

1-й вольноотпущенник

Кто же этого не знает?

Провинциалка

Я слышала... Но только... Просто ужас!

1-й вольноотпущенник
(наклонившись и нагло глядя провинциалке в лицо)

Я, если хочешь, расскажу подробно.
Я человек бывалый, знаю все.
Они дитя замазывают в тесто,
А если в секту к ним вступает новый,
Такой, что их обычаев не знает, —
То говорят ему, дав острый ножик:
«Разрежь нам тесто...»

2-й вольноотпущенник
(в том же ряду, только немного подальше, отзывается)

Вот и все неправда!
Сболтни еще что! Ты его не слушай,
Я расскажу, как все бывает.

1-й вольноотпущенник

Как же,
Вранья здесь твоего мы не слыхали!

2-й вольноотпущенник

Все измеряет врун своею меркой.

Провинциалка
(2-му вольноотпущеннику)

Что ж рассказать ты хочешь?

2-й вольноотпущенник

Есть у них
Такой обычай: ставится подсвечник
Средь комнаты, они к нему собаку
Привязывают...

1-й вольноотпущенник

Вот куда заехал!
Бывает разве так, когда ребенка
Хотят они убить?

2-й вольноотпущенник
(сердито)

А то когда же?

1-й вольноотпущенник

Когда бывают оргии у них.
Вот, госпожа, они покажут мясо
Собаке...

Провинциалка
(со страхом)

Человечье?

1-й вольноотпущенник

Нет, любое.
Собака кинется, подсвечник свалит,
И станет в комнате темно...
(Останавливается.)

Провинциалка
(с большим любопытством)

А после?

1-й вольноотпущенник

А после...
(Показывает на сцену).
Вот пойдем туда под портик.
Я покажу, что после.

Провинциалка
(вспыхнула)

Ох, бесстыжий!

2-й вольноотпущенник
(1-му вольноопущеннику)

Да как ты смеешь приставать к матроне?

1-й вольноотпущенник

Она — матрона, если ты — патриций!

2-й вольноотпущенник

Я покажу тебе, кто я!
(Толкает его.)

1-й вольноотпущенник

Прочь, дурень!

Выхватывает короткий нож. Провинциалка пронзительно взвизгнула. Подбегает страж.

Страж

Что тут такое?

Римлянка
(показывает на обоих вольноотпущенников)

Двое подрались.

Страж прогоняет их из цирка. Они, галдя, выходят.

1-й вольноотпущенник
(стражу)

Держи его! Христианин он.

2-й вольноотпущенник

Враки!
Вот он христианин!

Страж

А ну, идите!
В кустодии до правды доберутся.
(Выгоняет их тумаками.)

Старая крестьянка
(в самых верхних рядах)

И что за люди эти христиане?

Старый крестьянин

Они волшебники.

Мальчик-пролетарий

Не верю в это.
Волшебники себя спасти сумели б.

Старик

Да не во всем же чары помогают.
С Фемидою борьба им не под силу.
Ведь христианский бог слабее наших,
Лишь над болезнями он власть имеет.

Старуха

А как зовется этот бог?

Старик

Забыл.
Христос какой-то, что ли.

Мальчик

Слышал я
Об иудейском имени каком-то,
Плохом к тому же.

Старик

Может быть. Не помню.

Пролетарий
(отзывается с соседней скамьи)

Да то совсем не бог. Был беглый раб
По имени Христос, он был разбойник
Иль, может, вор, не очень это помню.
Так вот его поймали и распяли.
Потом друзьями был он сделан богом,
И эта выдумка пошла по людям...

Старая женщина

Ну кто бы вора стал считать за бога?

Уличный философ
(сидящий выше)

Меркурий — бог, а всё ж проворовался.

Очень бедный человек
(отзывается со скамьи, которая находится еще выше)

А я слыхал, что красть они не могут.

Жрец Цибелы
(оборванный, обвешанный амулетами)

Кто?

Бедняк

Христиане.

Жрец

Почему не могут?
Они, однакож, мальчика украли.

Бедняк

А может, не украли?

Жрец

Может, скажешь,
Что Рим когда-то был сожжен не ими?

Бедняк

Да это неизвестно...

Жрец

Эй, приятель,
Ты сам-то не из них?

Бедняк прячется за людей и исчезает из виду.

Жрец
(уличной женщине, которая стоит рядом с ним)

Он боязлив,
А есть такие, что за нож берутся.

Женщина

Да им не до ножа! Они смирны!
Я знаю их, они у нас бывают.

Жрец

Эге, смирны! Сейчас так разошелся
Один из них, что вправду нож схватил.
Ужель не видела! Вон там, пониже.
(Показывает на место, где недавно подрались вольноотпущенники.)

Женщина

То разве христиане?

Жрец

Ну, а кто ж?

Грек
(женщине)

Что, христиане все к тебе приходят?

Женщина

Бывают и пифагорейцы ваши.

Молодой грек

Пифагорейцы? Вот уж и неправда,
Они ведь чистые, спроси любого.

Женщина

Вот — «чистые», а я грязней их, что ли?

Молодой грек пренебрежительно смеется.

Женщина
(соседке)

Зачем слюнявый грек сюда приплелся?
Ведь обомлеет, лишь увидит кровь.

Грек

А ты до верха самого подскочишь?

Женщина
(гордо)

Я римлянка и крови не пугаюсь.
(Поворачивается к нему спиной.)

На скамьях посредине, но на самых верхних.

Скульптор из предместья
(жрецу Эскулапа, который только что подошел)

Когда б ты слышал, что вон этот плел!
(Показывает в верхние ряды, на крестьянина.)
Что лекари у христиан искусней,
Чем вы.

Жрец Эскулапа

Неблагодарны христиане:
У нас учась, и нас же оскорбляют.

Скульптор

Да, хуже иудеев эта секта.
Нет ничего хорошего в их вере.

Смотритель крематория

Они и мертвых не сжигают даже,
А в землю зарывают... Тьфу! Противно!
И как им это дозволяют власти?

На скамьях выше.

Мелкий торговец

Одно лишь хорошо, что помогают
Всем беднякам, и сиротам, и вдовам;
Меж ними человек не пропадет.

Богатый торговец

Разбойники должны держаться вместе,
Кто честен — проживет и без людей.

Мелкий торговец

Не говори, вот римляне имели б
Согласие и дружескую помощь —
Не так бы разрасталось христианство.
Немало в том повинны богачи.

Богатый торговец
(отворачивается от мелкого торговца, ростовщику)

Почтенный, ты по солнцу не узнаешь,
Который час теперь?

Ростовщик
(смотрит вверх)

Наверно, полдень.

Грек
(мелкому торговцу)

В том римские законы все виновны:
Гетерии — содружества все наши,
Товарищества честные закрыты,
Зато преступников теперь немало.

Старый юрист
(оглядываясь на грека)

Кто там порочит римские законы?

Грек прячется.

Маленький мальчик
(старенькой бабушке)

А все ли христиане колдуны?
Скажи, бабуся!

Бабушка

Нет, не все, мой мальчик,
На то учиться надо. Изо всех
Там только двое колдунов.

Маленький мальчик

Я знаю!
Вот этот черный и вон тот худой!

Бабушка

Нет, здесь их нет, и ты их не увидишь,
Их выручили чары из темницы.

Маленький мальчик

Как, как, бабуся?

Бабушка

Есть такое слово
У них. Они туману напустили
И скрылись в нем.

Маленький мальчик

А как туман пускают?

Публика поднимает нетерпеливый ропот.

Голоса отовсюду

Эй, адвокат! Скорей кончай! Довольно!
Посплю. Когда он кончит, разбудите!

Какие-то зрители подражают крикам зверей и птиц.

Кукареку! Гав-гав! Ку-ку! Няв-няв!

Голос судейского глашатая
(в рупор)

К спокойствию суд призывает римлян!

Трубы. На минуту публика затихает. Потом подросток кидает горсть высосанного винограда на лысину землевладельца в нижнем ряду.

Землевладелец
(свирепо)

Эй, вы там! Шушера! Что за бесстыдство?

Подросток

От винограда будут кудри виться,
Красоткам станешь нравиться.

Землевладелец

Эй, стража!

Подросток

Вот тотчас и за стражу! Пошутил я!
Тут не шутить, так пропадешь от скуки!

Кидает стручки гороха в другие ряды, оттуда отвечают тем же; смех, крик, перебрасывание; стража мечется, наводя порядок.

Жена Фортуната
(бледная, запыхавшаяся, вбегает в верхние ряды; на левой руке у нее грудной ребенок, правой ведет за руку старшего ребенка)

Ой, милые! Ой, милые! Пустите!
Ой, горе нам! Да живы ли они?

Воин

Куда ты лезешь? Без тебя тут тесно!

Жена Фортуната

Ой, там мой муж!

Ремесленник
(потеснился и дал ей место, тихо)

Ты христианка, что ли?

Жена Фортуната

Не знаю...

Вглядывается вдаль, потом срывает с себя покрывало, встает, старшего ребенка ставит на скамью, младшего поднимает кверху одной рукой, другой рукой машет покрывалом.

Фортунат мой! Фортунат мой!

Человек
(находившийся позади нее)

Да сядь!
(Дергает ее за тунику.)

Женщина
(сидящая рядом с человеком)

Глаза повыстегаешь людям!
(Вырывает у жены Фортуната покрывало, та садится.)

Голос глашатая

Имеют обвиняемые слово!

Голоса из публики

А! Вот оно! Да тише! Не слыхать мне!
Никто не слышит!

Жена Фортуната

Фортунат!

Голос

Молчи!

Голос из самых густых рядов

Христос вам помоги! Смелее, братья!

Голос глашатая

Раб Аквила, Урбан, Флегон, Фавстин,
Негрина — люди из простого рода —
От слова отказались.

Римлянин в далматике
(клиенту)

Ну, еще бы
Пришлось простонародье это слушать!

Голос из публики

От болтовни устали!

Голос глашатая

Теофил,
Изгнанник и беглец и христианский
Священник, держит слово.

Римлянин в далматике
(зевает)

Ну, начнется!

Старый крестьянин

Когда б я слышал что-нибудь!

Философ

И все ж
Толкового никак бы не услышал.

Гетера
(поэту, показывая вдаль)

А что те двое в стороне стоят?
Преступник тощий, рядом смуглый варвар —
Забыла я, как звать их...

Поэт

Да, наверно,
Что-либо на других наговорили,
За то их и отвергли остальные.

Гетера

Так, может, этих оправдает суд?

Поэт

А ты б хотела?

Гетера

Нет. Гораздо лучше,
Когда бы их зверям отдать решили.
(Мечтательно.)
Неплохо бы тот варвар африканский
Со львами бился, а того, другого,
Я отдала б пантере...

Голос глашата

Теофил
Все подтверждает, что сказал и раньше.

Голос из публики

Ха-ха-ха-ха! Вот было что послушать!

Голос глашатая

Кней Люций, гражданин, имеет слово.

Матрона
(молодому всаднику)

Как он красив! Не правда ль, очень жалко,
Что должен гибнуть он за эту секту?

Всадник
(сухо)

Предателей державы мне не жалко.
Когда б в когорте нашей объявилась
Зараза эта, то сектантов всех
Своей рукою я сажал бы на кол.

Матрона
(видимо, поддразнивая)

А может, есть она в твоей когорте,
А может, ты в той секте состоишь?

Всадник

Я не желаю слушать эти шутки!

Матрона

А что?

Всадник

А то, что выдам это дело
Я мужу твоему на суд.

Матрона
(гордо.)

Прекрасно.
Но все-таки просила бы я вас
Мне больше не мешать здесь слушать дело
И больше чтоб ко мне не обращаться,
Ведь все равно я отвечать не буду.
(Пристально смотрит на арену,
отвернувшись от всадника.)

Всадник
(немного погодя, мягко)

Но госпожа...
(Тише, смиренно.)
Аврелия...

Матрона
(соседу, старому патрицию)

Нельзя ли
С тобою мне местами поменяться,
А то сидеть тут стало неудобно.

Старый патриций пускает ее на свое место, сам садится возле всадника, но тот внезапно встает и выходит.

Голос глашатая

Кней Люций просит суд учесть, что раньше
Никто из подсудимых в преступленьях
Замешан не был и не обвинялся,
Что каждый был достойным гражданином
И верноподданным.

Старый юрист

Пусть нам докажут.

Старый воин

Да, пусть докажут! Говорить-то легче!

Голос глашатая

Свидетельствует ранами Кней Люций,
Добытыми в сражениях за Рим.

Голос из группы молодых воинов

Его мы знаем! Он отважный воин!
Пусть Люция помилуют весталки!
Мы цезарю все жаловаться будем,
Когда его казнят.

(Кричат.)

Из группы табулариев

Ты посмотри!
Здесь учат судей и самих весталок,
Как поступать!

Голос глашатая

Отпущенник Нартал
Сказал, что даже знать не хочет Рима,
Что в римской он крови готов купаться,
За это суд его лишает слова.

Вихрем пролетают по цирку ропот, споры, крики.

Молодой воин

Зверям!

Поэт

Да он безумный!

Гетера
(с чувством)

Ох, зверям!

(Поэту.)

Кричи об этом, Кай! Твой голос громче!
Зверям его отдайте!

Поэт

Нет, Алмея...

Гетера
(резко отворачивается от поэта к воину)

Зверям?

Воин
(улыбнувшись ей)

Да, милая!
(Громко кричит.)
Зверям отдайте!

Гетера порывисто обнимает его. Смех, рукоплесканья соседей гетеры и воина.

Голос глашатая

Имеет слово Фортунат, плебей.

Жена Фортуната
(вновь встает, как раньше, размахивая покрывалом)

Я здесь! Вот дети! Смилуйся над нами!

Ремесленник

Ты сядь, тебя он все равно не слышит.

Жена Фортуната

Нет, слышит он! Увидел!
(Кричит надрывно.)
Фортунат!!

Голос глашатая

Он о своем раскаянье сказал
И может это доказать на деле.
Готов свершить он жертвоприношенье.

В цирке поднимается крик возмущенья вместе с рукоплесканьями.

Ремесленник и двое его соседей

Отступник! Ты предатель! Бог накажет!

Стража кидается на эти возгласы и арестовывает всех троих. Жена Фортуната выбегает из цирка.

Другие голоса

Он честен! Невиновен! Дать свободу!
Помиловать!

Голос глашатая

Суд призывает римлян
К спокойствию!

Трубы. Крики мало-помалу стихают.

Тихий голос

Отступник! Грешник!

Внезапно наступает короткая, но полная тишина и потом — из тысячи грудей общий крик: Ах!!!
Потом сразу же вопль, исступленный, свирепый. Многие вскакивают на скамьи, грозят кулаками. Слышны только самые сильные голоса.

Голоса

Убить его! Распять его! К зверям!
В костер! Четвертовать! Сейчас же! Тут же!

Труба судебного глашатая прорывается сквозь крики и все же глушится ими. Где-то кто-то пытается выскочить на арену, его удерживают соседи; много людей сбегает по лестницам вниз. Их с большими усилиями задерживает стража. На помощь страже прибегают воины местной когорты и кое-как усмиряют людей, угрожая оружием. Волненье, однако, длится долго. Глухой гул время от времени прокатывается по рядам, но уже можно услышать слова и разговоры.

Провинциалка
(римлянке)

Что там такое? Я не разглядела.

Римлянка

Он плюнул на алтарь. Вон тот худой.

Провинциалка

О боги! Что ж ему за это будет?
Чего же не казнят?

Табулярий

Ждут приговора.

Голос глашатая

Себя назвавший Парвусом преступник,
Публично оскорбивший здесь святыню,
Судом лишен за это права слова.

Воин

Еще чего не стало! Право слова!
Лишь на костер — ему осталось право!

Старый юрист

Нет, пусть он посидит в железном кресле
Да попечется...

Голос глашатая

...Говорит Присцилла.

Римлянин в далматике
(клиенту)

Смотри, уже Макария твоя
Играет героиню.

Клиент

Что ж, прекрасно,
Движенья благородны, величавы.
(Хлопает в ладоши. Римлянин в далматике дергает его, чтобы он затих.)

Провинциалка
(римлянке)

Ужель она людское мясо ела?

Римлянка

Чего не делают теперь матроны!

1-й землевладелец
(второму)

Аэций Панса тяжко заболел,
Одна ведь дочь у старого — Присцилла.

2-й землевладелец

Какие стали дети нынче — горе!
Им и отцов не жалко!

Ростовщик

Эта секта
От всей родни отречься заставляет,
И потому ее нет в мире хуже.

Мещанка
(соседке)

Присцилла увела того ребенка,
Которого убили христиане.

Соседка
(недоверчиво)

Ну!

Мещанка

Я же из Субурры, можешь верить.

Голос глашатая

Префект велел Присцилле показанья
Давать лишь о себе.

Юрист

Да, только так!

Голос глашатая

Присцилла так сейчас сказала судьям:
Меня их оправданьем оправдайте,
Их карою карайте. Я готова,
Я рада смерти за Христову правду.

Провинциалка

Какую правду? Что она сказала?

Высокий истерический голос женщины
(из верхних рядов)

Сестра святая! Там, в раю господнем,
Молись ты за меня!

Юноша
(сбегает по лестнице вниз)

Христианин я!
Берите и вяжите! Был я с ними!

Молодая девушка
(сбегает следом за ним)

И я! Пусть и меня берут! Я христианка!

Стража уводит их.

1-й землевладелец
(второму)

Они сошли с ума!

2-й землевладелец

Зараза это.

Ростовщик

Всех истребить — вот и конец заразе.

Жрец Цибелы

Присцилла ведь ребенка сердце съела,
Теперь она у христиан всех старше,
Так вот они и рвутся вслед за нею.

Тихий говор соседей жреца передается в другие ряды.

Голос глашатая

Руфин Эмилий держит слово.

Голос из народа

Тише!

Последний это.

Другой голос
(со смехом)

Что ж ты там услышишь?

Третий голос

Он с длинными ушами, не печалься!

Раб
(своей соседке рабыне, наклонившись к ней близко)

Ты знаешь чудо? Он, Руфин, проклял
Клиента своего, и в ту же ночь
Клиент тот умер.

Рабыня

Ой, какое горе!
Руфин тот не колдун?

Раб
(тише, оглядываясь)

Нет, он святой.
(Шепчет ей потом что-то на ухо, она удивляется.)

Голос глашатая

Руфин со всем, что суд решит, согласен
И просит лишь казнить его скорее.

Ростовщик

Разжалобить он хочет! Не дождется!

Голос глашатая

Префект наш благородный Кай Летиций
Считает, что уменьшить можно кару...

Ростовщик

Еще чего!
(Стучит ногами и палкой. За ним то же делают и другие.)

Голос глашатая

...Коль станет он покорным.

Жрец Цибелы

Они здесь все покорны! Не обманут!

Голос глашатая

Но пусть свою покорность он докажет:
Пусть принесет он цезарю присягу,
И жертвою почтит богов Олимпа,
И цезарскому гению воздаст,
Как надо, честь.

Воин

Он должен это сделать!

Некоторые поднимаются со своих мест, чтоб лучше видеть, другие их удерживают.

Клиент
(римлянину в далматике, который встал и заслонил его собою)

А что? Он присягнул?

Римлянин в далматике

Нет, отстранился
И руки спрятал за спину. Вот глупость!
И пню я присягнул бы для спасенья!
Мне не понять таких людей!

В публике, особенно среди воинов, шум.

Голос глашатая
(после звучанья трубы и наступившей относительной тишины)

Руфин
Сказал, что цезаря он презирает
Как гражданин...

Из группы воинов

Нет, нет, как бунтовщик!

Глашатай
(покрывая шум)

К богам же равнодушен как философ.

Философ

Нет! Чтут богов философы, неправда!
Христианин он! Он сектант!

Раб
(вне себя)

Да, да!
Христианин он! Мученик!

Воины

Довольно!
Не миловать! Казнить! Достоин кары!
Да здравствует наш цезарь-император!
И пусть погибнут все его враги!

Голос глашатая

Префект...

Крики заглушают его.

Воины

Пусть он молчит! Довольно! Хватит!
Зачем он за преступника хлопочет?
Кто любит императора — кричи:
Пощады нет бунтовщику!

Много голосов

Пощады
Нет!

Воины

Смерть сейчас же!

Жрецы

Закопать живьем!
Богов не чтил!

Глашатай
(протрубив много раз)

Суд приговор выносит!

Голоса

Молчите! Дайте приговор послушать!

Понемногу общий шум стихает, хотя все еще прокатывается гул голосов.

Воин

Ну что они там шепчут? Эй, погромче!

1-й табулярий

Нам повторят его — имей терпенье!

Глашатай

За многие злодейства Теофила,
Изгнанника и беглеца из Рима,
Суд присудил распять.

Старый юрист

Вот так и надо!

Глашатай

Урбан, Флегон, раб Аквила, Фавстин —
Иначе Редививус — и Негрина,
Она ж Рената, отданы все будут
В театр и там в трагедии умрут,
Себе на кару, людям на веселье.

Рукоплесканья и крики удовольствия в публике.

Глашатай

Отпущенник Нартал — зверям в добычу.

Вновь рукоплесканья.

Гетера
(вне себя от радости)

Зверям! О, как я рада! Как я рада!

Глашатай

Преступник Парвус казнь суровей прочих
Кощунством заслужил — его живьем
В железном кресле испекут.

Крик согласья.

Жрец

Вот славно!

Жрецы

Вот так его! Он заслужил! Испечь!

Глашатай

Еще осталось трое благородных,
Но приговор над ними утверждает
Божественный наш цезарь.

Голоса

Утверждает!
Когда ж то будет? Ждать мы не согласны!
Они сбегут! Мы не уйдем из цирка.
Пока их не казнят.

Голос

Да, не уйдем!

Глашатай

Уж к цезарю тот приговор послали.

Воины

А мы тем временем что будем делать?

Голос
(иронически)

Глазами хлопать!

Голос
(из верхних рядов)

Нет, так не хочу я!
Давайте зрелищ! Пусть казнят сейчас же
Хоть одного! Двоих! Троих! Нет, всех!
Зачем обманывать? Есть приговор!

Гетера

Да, да! И звери есть!

Воин

Я видел сам
Пантер внизу.

Много голосов

К пантерам христиан!

Глашатай

Суд повелел, что примут казнь сейчас же
Преступники Нартал и Парвус.

Голоса

Славно!

Голос

Ого! Смотри! Разогревают кресло!

Другой голос

Пошли уж бестиары за зверями.

Третий голос

Скорее там! Скорее!

Матрона
(старому патрицию)

Посмотри-ка,
Что б значило? Плебеи все стоят,
И ни один не подошел проститься,
И только Люций подошел, стал рядом
С тем варваром...
(С возмущением.)
Ну, что — ты видишь? Варвар
Его толкнул!

Патриций

О боги, что за нравы!
Отпущенник толкает господина...
Знать, христианство рушит все порядки.

Клиент
(крикнул)

Присцилла варвара поцеловала.

Матрона
(стыдливо закрываясь)

Матрона варвара целует! Ужас!

Патриций

Теперь того несчастного бродягу.

Матрона

Публично! О Юнона!
(Всплескивает руками.)

Воин
(возле гетеры)

Какой плохой
У христианки вкус!

Рабыня
(рабу)

Так разве надо?

Раб
(тихо)

Так следует. То поцелуй прощанья.

Патриций

А муж ее стоит и — хоть бы слово!
Бесстыжих секта. . .

Голос

Вот ведут пантеру!

Голоса

Где? Где? Не вижу! Отойди же! Прочь!
Сюда, пусть к нам поближе приведут!
Что ж в самом деле? Целый день сиди.
И никаких нам зрелищ не покажут!

Жрец Эскулапа

Смотри, его уж в кресло посадили!
К нам близко, видно хорошо! Смотри же!
(Хватает соседа за одежду.)

Сосед
(нетерпеливо освобождается от жреца)

Да, есть на что смотреть!
(Кричит.)
Давай пантеру!
С пантерою сюда! Эй, бестиары!

Голос Парвуса
(за сценой, но не очень далеко)

Воздай им, господи, по их делам
И возвеличь ты своего раба!
(С болью.)
О боже!

Рабыня
(рабу)

За что же сердится вон тот старик
На этого, что в кресле?

Раб

От проклятий
Священник хочет удержать его.

Провинциалка
(вдруг)

Ой, как паленым пахнет!

Римлянка

Ну так что?

Голос Парвуса
(экстаз у него борется с болью и мукою)

Господь моя защита!.. Сила!.. Помощь!..
(С внезапным отчаяньем и словно удивленный.)
Ужель ты, господи, меня покинул?

Жрец

Ага! Так скоро припекло его! А, глянь!

Голос Присциллы
(издалека, но выразительно она запевает псалом)

«Господь моя защита и опора!
Мне ничего не страшно — он со мною.
Тверда моя, неколебима вера,
Ее не одолеют силы ада!»

Спустя некоторое время к ней присоединяются голоса и других осужденных христиан.

Голос Парвуса
(снова с экстазом)

Венец! .. Венец мне! .. Я увидел! .. Боже! ..
(Умирая.)
Прими раба к себе...

Раб
(толкает рабыню, таинственно)

Ты видишь? Там...
Венец над головою...

Рабыня

Нет, не вижу.
Уж без сознанья он иль, может, мертв.

Старый юрист
(с досадой)

Эх, кресло слишком быстро раскалили!
Не знают дела!

В публике свист.

Голоса

Что ж такое здесь?
Ну что за зрелище! Уже конец?
А где ж пантера? Вон же там сидит,
Как кот, напротив варвара... Куси!
Ну, барышня капризная! Скорее!

Довольно важничать! А ну-ка, прыгни!
Чем не по вкусу? Он же твой земляк!

Хохот, топанье, науськиванье. Кто-то пускает на арену заостренную палочку — «стиль».

Грек
(испуганно)

Ой, он попал! Вскочила!

Уличная женщина

Что, боишься?

Нартал
(внезапно выбегает на видимый угол арены)

Скорее меч!

Воин
(кидает ему меч)

Вот на тебе, воюй!
(Гетере.)
Так интересней.

Гетера кивает головой и не отрываясь смотрит на арену. Нартал снова пропадает из видимого угла арены. В публике горячее любопытство. Многие наклоняются, чтоб лучше следить за боем Нартала с пантерою, который происходит за сценой.

Старый юрист

Я впервые вижу,
Чтоб так христианин отважно бился.

Гетера
(кричит на арену)

Что ж ты, христианин, не запеваешь?

Нартал
(издает дикий боевой крик)

О-о-о-гей!

Голос

Смотри, сплелись как!

Весь цирк замирает в напряженье. Грек, закрывшись плащом, убегает из цирка.

Воин

Га!! Убил!

Гром рукоплесканий. Буря восторга. Потом вдруг:

Голоса

Еще давайте зверя! Льва давайте!

Нартал

(окровавленный, растерзанный выбегает на видимый угол арены)

Эй, римляне! На бой вас вызываю!
Ужель вы не отважнее, чем звери?

Гетера

(толкает воина)

Иди, иди! Побейся с ним!

Воин

(гордо)

Еще что?
Я гладиатор, что ль?

Нартал

(внезапно шатается, хватается за грудь и падает)

Ой... умираю!..

Поэт

Он ранен...

(Отворачивается.)

Нет, все это очень плохо...
Что ж знак не даст добить его весталка?

Приходит цирковой карнифекс, добивает Нартала и выволакивает его за сцену большим крюком. Люди сидят. Обмахиваются веерами. Отдыхают.

Гетера

Ну, а теперь что? Этого нам мало.

Голос судейского глашатая

Божественный наш цезарь соизволил,
Чтоб Люций Кней наказан был изгнаньем,
Руфина и Присциллу обезглавить.

Воины и некоторые другие из зрителей

Хвала тебе, наш цезарь-император!

Глашатай

Сенат и весь народ постановляет,
Чтоб приговор был выполнен сейчас же.

Голоса

Народу и сенаторам хвала!

Римлянин в далматике

Ну, сцена вновь прощальная! Как скучно!..
(Лениво откидывается на спинку скамьи и закрывает глаза.)

Клиент

Руфин и Люций хорошо простились.

Римлянин в далматике
(не пошевелившись)

А, пусть себе... Мне лень смотреть на это...

Клиент

Глянь! Вон они обходят всю арену,
Прощаются с народом римским.

Патрон
(встрепенувшись)

Где?

На видимом углу арены вскоре показываются Руфин и Присцилла. Они взялись за руки и медленно проходят. За ними идут два воина с обнаженными мечами. Кое-где осужденные останавливаются и кланяются народу.

Руфин

Прощай, мой Рим, и ты погибнешь скоро.

Жрецы

Он проклинает Рим! Скорей рубите!

Присцилла

Пусть бог тебя спасет, народ родной мой.

Воины

Нам гений цезаря — великий бог!

Руфин и Присцилла проходят за сцену. Вскоре слышен глухой, но сильный стук двух мечей, которые рубят одновременно. Короткий вздох пролетает среди людей. Публика с шумом встает и начинает выходить из цирка.

[*Ялта 20.VIII. 1908*]

КОММЕНТАРИИ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Драматические произведения Леси Украинки печатались при ее жизни в периодических изданиях и альманахах, главным образом львовских. В отдельные сборники они собраны не были. Анализ рукописных материалов показывает, что многие тексты были сокращены или искажены редакторами и цензурой, а порой и самим автором из цензурных соображений. В настоящем издании пропуски восстановлены и тексты сверены по последнему украинскому изданию (Леся Українка, Твори в п'яти томах, т. II и III, К. 1951 и 1952).

Одержимая

Впервые напечатана в «Літературно-науковом віснике», Л. 1902, кн. 3. В том же году была включена в сборник стихов «Отзвуки» (Черновицы).

Это первое драматическое произведение Леси Украинки, написанное на сюжет евангельской легенды. Подобно Тарасу Шевченко и Ивану Франко, Леся Украинка охотно пользовалась сюжетами и образами из священного писания, переосмысливая их и придавая им современное содержание.

В «Одержимой» есть атеистические мотивы, обличение реакционной роли христианской проповеди любви к врагу.

«Одержимая» написана Лесей Украинкой в течение одной ночи 18 января 1901 года, в момент большого нервного напряжения, у постели умирающего друга С. К. Мержинского. Об этом Леся Украинка писала Ивану Франко в ответ на его замечание, что «Одержимая» насквозь лирична: «Признаюсь, что я писала в такую ночь, после которой, верно, буду долго жить,

если уж тогда осталась жива. И даже не исчерпав скорби, а в самом ее апогее. Если бы меня кто-нибудь спросил, как я из всего этого живой вышла, я бы могла ответить: «J'en ai fait un drame...» (Я из этого создала драму.) (14 января 1903 г.).

Стр. 7. Гадаринское озеро — в Палестине, близ древнего города Гадара.

Стр. 9. Назарет — город в Галилее, в северной части Палестины.

Стр. 19. Гефсиманский сад — на склоне Елеонской горы близ Иерусалима. По евангельской легенде, здесь Иуда предал Христа.

Стр. 20. Вельзевул — злой демон в библейской мифологии.

Стр. 21. Голгофа — небольшая гора близ Иерусалима, служившая местом казни преступников. Здесь, по евангельской легенде, был распят Христос.

Стр. 23. Синедрион — высшее судилище у древних иудеев.

Стр. 25. Галилеянин. — Так римляне называли христиан (от Галилеи, якобы родины Христа).

Стр. 27. Астарот (Астарта) — богиня любви у народов Древнего Востока, которой приносили кровавые жертвы.

Преторианец — солдат из личной охраны римского военачальника.

Стр. 29. Фарисеи и саддукеи — религиозные секты у древних иудеев, враждовавшие между собой.

Вавилонский плен

Впервые напечатано в альманахе «Нова Рада», К. 1908, (в черновом автографе дата написания 9.I.1903). В русском переводе — впервые. В основу положен известный эпизод библейской истории — так называемое «вавилонское пленение» (605—536 гг. до н. э.), когда иудейский народ, утратив свою политическую самостоятельность, был уведен в плен вавилонянами. Угнетенный народ находил нравственную поддержку у своих пророков — полумифических певцов и «провидцев», возвещавших грядущую славу. Среди этих пророков выделялся Иезекииль. Пророки нередко враждовали между собой.

Стр. 30. Левиты — священнослужители и духовные наставники в древнееврейском культе.

Стр. 31. Адонай — имя бога у древних иудеев.

Стр. 44. Эдом — племя, родственное израильтянам, образовавшее свое царство в области нагорья Сеир, к югу от Мертвого моря.

Амалек — легендарный враг иудейского народа, нападавший на него со своим разбойничьим племенем.

Аммон — сын библейского праведника Лота, родоначальник племени аммонитян.

Амарей (Аморей) — основатель племени амореев или аморитов, живших в древней Хананее до вторжения туда израильтян.

Ассур (Ашшур) — синоним ассирийского государства; также имя ассирийского бога войны.

Стр. 45. Офир — легендарная библейская страна, славившаяся богатством.

Сидон и Тир — крупнейшие торговые города древней Финикии.

Ханаан — в данном случае древнееврейское название Финикии.

На руинах

Впервые напечатано в литературном сборнике «В неволі», издание т-ва «Запомога», Вологда, 1908. В русском переводе — впервые. Сюжет драматической поэмы «На руинах» родственен сюжету «Вавилонского плена». И здесь действие происходит в эпоху порабощения иудеев вавилонянами. В 597 г. до н. э. вавилонский царь Навуходоносор взял Иерусалим и разрушил его, подвергнув население тяжелым испытаниям. Отголоски этого события звучат в библии, в книге «Плач Иеремии». Устами библейского пророка описывается бедственное положение разоренного Иерусалима: «Как одиноко сидит город, некогда многолюдный!.. Горько плачет он ночью... Все ворота его опустели; священники его вздыхают, девицы его печальны, горько и ему самому... Дети грудные, младенцы умирают от голода среди городских ворот...»

Стр. 51. Ниневия — столица древней Ассирии.

Стр. 57. Исайя — библейский пророк.

Давид — библейский царь, которому приписывалось сочинение псалмов.

Стр. 61. Ионафан — старший сын библейского царя Саула, павший в битве с филистимлянами.

Дебора — библейская пророчица.

Мариам — по библейской легенде, старшая сестра Моисея. После бегства евреев из египетского плена и перехода через Чермное море плясала, радостно била в тимпан и прославляла бога.

Три мгновения

Впервые напечатано в журнале «Нова громада», 1906, кн. 10. В русском переводе — впервые.

В этой драматической поэме Леся Украинка обратилась к теме из французской буржуазной революции XVIII века. Героями поэмы являются Монтаньяр — представитель крайне левого течения, принадлежащий к партии Горы (по-французски la montagne — гора), и Жирондист (по имени департамента Жиронда), представитель крупной буржуазии.

Леся Украинка не поняла классовой природы Горы и Жиронды и изобразила, пользуясь буржуазно-либеральной историографией, Монтаньяра жестоким и кровожадным материалистом, а Жирондиста идеализировала, считая его поклонником абстрактной идеи Разума. Неверное понимание исторического хода Французской буржуазной революции XVIII века, естественно, отразилось на идейном содержании поэмы и ослабило художественную сторону произведения.

Стр. 68. Брут Марк Юний (85—42 гг. до н. э.) — древнеримский республиканец, участник заговора против Цезаря, убитого в 44 году до н. э.

Стр. 73. Апостол Петр — по евангельской легенде, один из двенадцати апостолов Христа. Папа римский считается наместником апостола Петра на земле.

Стр. 75. Лавуазье Антуан-Лоран (1743—1794) — знаменитый французский химик. Был гильотинирован по приговору революционного трибунала как активный противник революции.

Стр. 79. «Кровь, пролитая щедро при Филиппах...» В 42 году до н. э. римский триумвир Марк Антоний разбил при Филиппах (северная Греция) республиканские войска Кассия и Брута.

Madame Ролан — политическая деятельница времен французской революции XVIII века; в ее салоне собирались вожди жирондистов. Была гильотинирована монтаньярами.

Лукреция — героиня древнеримской легенды. Обесчещенная сыном царя Тарквиния Гордого, покончила жизнь самоубийством.

Виргиния — по древнеримской легенде, дочь плебея Виргиния, была им убита, чтобы избежать бесчестия.

Луи Капет — французский король Людовик XVI, казненный во время революции.

Бретань — провинция на севере Франции.

Вандея — департамент французской провинции Пуату, очаг контрреволюционных восстаний в эпоху французской революции.

Стр. 85. Констанцское озеро — иначе Боденское, — в собр. соч.: Леся Українка, Твори, т. VI, «Книгоспілка», К. 1929.

Осенняя сказка

При жизни Леси Украинки опубликована не была. Впервые в собр. сочинений: Леся Українка, Твори, т. VI, «Книгоспілка», К. 1929.

«Осенняя сказка» — фантастическая драма, как ее назвала Леся Украинка, — явилась прямым отзвуком на революционные события 1905 года. Расстрел петербургских рабочих 9 января 1905 года у Зимнего дворца, массовые репрессии царского правительства против революционного народа, впечатления поэтессы от стачек и расправы с рабочими в Тифлисе, где поэтесса находилась в начале 1905 года и где писала «Осеннюю сказку», — все это дало материал для этого аллегорического произведения, однако нельзя проводить прямые аналогии между развитием действия в «Осенней сказке» и событиями первого этапа русской революции 1905 года.

Судя по письмам Леси Украинки из Тифлиса (от 6. II. 1905 г. — матери, 22. III. 1905 г. — матери и отцу, — см. т. 4 наст. изд.), она была захвачена размахом революционных событий, охвативших всю Россию, и писала «Осеннюю сказку» с большим воодушевлением. Повидимому, ей хотелось усилить отдельные эпизоды своего произведения, и после его написания она сообщала матери: «Думаю заняться также реформой своего нового драматического этюда, — я его уже окончила, но теперь не все в нем одобряю и хочется кое-что написать сильнее». (Письмо от 6.II.1905 г.)

Рукопись Леси Украинки испещрена карандашными и чернильными поправками, свидетельствующими об упорной работе писательницы.

В катакомбах

Впервые — в журнале «Рідний край», 1906, № 10, стр. 2—8 (с некоторыми поправками, очевидно, внесенными Оленой Пчилкой).

Драматическая поэма «В катакомбах» написана в Киеве, в 1905 году, в период подъема революционной борьбы. Она насыщена атеистическими мотивами и направлена против христианской проповеди «непротивления злу».

Леся Украинка посвятила эту поэму своему другу, ученому-востоковеду и писателю А. Е. Крымскому. В письмах к нему поэтесса раскрывает идею своего произведения. 3 ноября 1905 года она писала Крымскому: «Я слишком горела, когда писала, и ее (поэмы. — *А. Д.*) идея слишком мне близка... она рвется в мир, хоть я и не знаю, суждено ли ей увидеть его скоро. Я удерживать ее не буду, пусть летит, — если попы не заедят, так как она затрагивает религиозно-социальную тему еще «сильней», чем «Одержимая».

Действие поэмы происходит во II веке н. э. в катакомбах близ Рима, где собираются первые христиане, скрываясь от преследований язычников-римлян. Леся Украинка тщательно изучила исторические материалы, относящиеся к эпохе, и это ей дало возможность проникнуть в классовую структуру христианских общин, в которых высший клир подчинял себе мирян, состоявших из бедняков. Леся Украинка писала Крымскому о Епископе из поэмы «В катакомбах»: «Когда появились на свет епископат и начало церковной иерархии, епископы заговорили языком моего Епископа, и эта традиция сохранилась вплоть до современного архиерейства. Я не принимаю теорию Толстого и многих других, будто современное христианство является аберрацией, болезнью этой религии. Нет! В древнейших памятниках, в «Деяниях апостолов», в посланиях апостола Павла, в аутентичных фрагментах первоначальной галилейской пропаганды я вижу зерно этого рабского духа, этого узкосердого политического квиетизма, который так разыгрался потом в христианстве. Как хотите, но не случайно в притчах и везде в евангелии так часто употребляется слово «раб» и антитеза «господина и раба»

как единственно возможная форма отношений между человеком и его божеством». (Письмо от 27.I.1906 г.)

Стр. 132. Неофит — новообращенный; так называли первых христиан.

Стр. 133. Рахиль — по библейской легенде, вторая жена Иакова, которую бог обрек на бесплодие.

Стр. 143. Термы — бани в древнем Риме.

Стр. 147. «Как маску мима...» Мим — актер в древнем Риме.

Стр. 152. Маремма — болотистая местность близ Рима.

В дому труда, в краю неволи

Впервые — в журнале «Нова громада», К. 1906, № 12.

Драматический этюд «В дому труда, в краю неволи» написан в 1906 году. Леся Украинка в этом произведении возвеличивает творческий труд народа и в то же время показывает, что национальная рознь помогает угнетателям эксплуатировать людей труда. В этом драматическом этюде звучит тема интернационализма трудящихся, содержащаяся в лирике (см. стих. «Дым», т. I наст. изд.) и в публицистике (см. «Послесловие к украинскому переводу брошюры «Кто чем живет», т. 4 наст. изд.).

Стр. 158. Озирис — божество древнего Египта.

Ра, Изида, Фта, Гор, Апис, Тот, Анубис, Нейт, Амон — божества древнего Египта.

Кассандра

Впервые — в «Літературно-науковом віснике», Л. 1908, 1—2, с эпилогом, который в последующих изданиях не печатался. Однако в автографе Леси Украинки этот эпилог не зачеркнут. В последнем украинском издании (Леся Українка, Твори, т. II, К. 1951) эпилог опубликован. В русском переводе эпилог печатается впервые.

Драматическая поэма «Кассандра» написана за две зимы: 1901—1902 года и 1902—1903 года в Сан-Ремо (Италия), где Леся Украинка лечилась. Затем поэтесса основательно переработала седьмую и восьмую картины в 1907 году, в Ялте.

Образ Кассандры, дочери троянского царя Приама, пророчицы, взят Лесей Украинкой из цикла древнегреческих сказа-

ний о Троянской войне. Кассандра встречается и в «Илиаде» Гомера и у древнегреческих трагиков, но центральной героиней она является впервые в драматической поэме Леси Украинки.

Леся Украинка писала, что избрала Кассандру своей героиней потому, «что эта трагическая пророчица, со своею никем не признанной правдой, со своим тщетным пророческим даром беспокойный и страстный характер: она предвидит беду и предсказывает ее, но никто ей не верит, ибо хотя и говорит она правду, но *не так, как нужно людям;* она знает что *так* ей никто не поверит, но *иначе* говорить не умеет... Она знает, что ее родная Троя погибнет, и семья, и все, что ей мило, и *должна* поведать об этом во весь голос, так как это *правда;* и, зная эту правду, не делает ничего для борьбы...» (Письмо к О. Кобылянской от 27 марта 1903 г.)

Трагическая вина Кассандры заключается в том, что она подчиняется судьбе, а не вступает с нею в бой. Леся Украинка как бы говорит своим современникам: боритесь, умейте предвидеть опасности и давать им отпор.

Стр. 168. Киприда — эпитет Афродиты, богини любви, родившейся на Кипре (греч. миф.).

Стр. 169. Арес — бог войны (греч. миф.).

Гекатомба — торжественное жертвоприношение из ста быков у древних греков.

Стр. 170. Эпиметей — брат титана Прометея. В отличие от имени Прометей — «провидец» — Эпиметей означает «крепкий задним умом».

Стр. 171. Мойра — судьба. По верованиям древних греков, Мойре подвластны не только люди, но и боги.

Пандора — «всем одаренная» (греч.) — девушка, созданная Гефестом по приказанию Зевса из земли и воды. Боги подарили ее Эпиметею и дали ей ящик, в котором были заключены все земные бедствия. Пандора из любопытства открыла ящик и выпустила их на волю. В ящике осталась одна надежда, которая утешает людей (греч. миф.).

Книга сибиллы — книга предсказаний.

Гелиос — бог солнца (греч. миф.).

Стр. 172. Атриды — царский род, к которому принадлежал Агамемнон, главный предводитель греческого войска, осаждавшего Трою.

Стр. 182. Пелид — сын Пелея, Ахилл (греч. миф.).

Стр. 191. Кифара — струнный музыкальный инструмент у древних греков.

Стр. 192. Артемида (Диана) — в античной мифологии богиня лесов и охоты, а также богиня луны.

Стр. 207. «Еще у Зевса *это* на коленях...» — греческая пословица, означающая, что дело еще далеко не решено.

Стр. 224. Палладион — статуя Афины-Паллады (воительницы).

Стр. 233. Харон — перевозчик душ умерших через реку Стикс в подземном царстве (греч. миф.).

Стр. 239. Медуза — мифологическое существо, змееволосая дева, от взгляда которой люди превращались в камень.

Стр. 241. «На полях Асфоделонских, || По долине Елисейской...» — мифологические названия царства блаженных, где, по верованиям древних греков, пребывают тени умерших героев и праведников.

Стикс, Кокит и Лета — реки в подземном царстве (греч. миф.).

Стр. 242. Гадес (Аид) и Персефона — божества подземного царства (греч. миф.).

Стр. 246. Гефест — хромоногий бог кузнечного дела; уличил супругу Афродиту в неверности (греч. миф.).

Стр. 252. Клитемнестра — жена аргосского царя Агамемнона. Когда Агамемнон с греческой ратью воевал под стенами Трои, его двоюродный брат наместник Эгист сошелся с Клитемнестрой и вместе с неверной женой по возвращении Агамемнона решил убить его. Кассандра, прибывшая с Агамемноном в его дом, предчувствует грозящую царю Агамемнону гибель.

Айша и Мухаммед

Впервые напечатано в журнале «Дзвін», К. 1913, № 1, стр. 6—8.

В этом произведении отразился интерес Леси Украинки к истории и культуре мусульманского Востока. Она хорошо знала научные труды А. Е. Крымского, в частности его работу «Мусульманство и его будущность».

Стр. 259. Мухаммед (ок. 571—632 гг.) — легендарный основатель мусульманской религии. После смерти своей жены Хадиджи (619) женился на юной Айше (621).

Руфин и Присцилла

Впервые напечатано в «Літературно-науковом віснике», Л. 1911, кн. X, стр. 3—44,; кн. XI, стр. 193—241.

Леся Украинка начала писать эту драму в Киеве, во второй половине 1906 года. Поэтесса написала первое, второе и половину третьего действия, а затем почти на год прекратила работу над драмой. Осенью 1907 года поэтесса вернулась к «Руфину и Присцилле», закончив драму 20 августа 1908 года, и лишь в 1909 году Леся Украинка считала ее окончательно отредактированной. Однако 24 апреля 1910 года в письме к Н. Кибальчич поэтесса писала: «Вот заканчиваю (собственно, выглаживаю) в прошлом году написанную драму из первых веков христианства «Руфин и Присцилла». Выправляю сначала я, а потом будут выправлять редакторы».

Пожалуй, ни одно из драматических произведений Леси Украинки не претерпело таких искажений, как «Руфин и Присцилла». Поэтесса предвидела, что царская цензура, особенно духовная, жестоко расправится с текстом ее драмы, направленной против идеологии христианства. Поэтому Леся Украинка сама значительно сократила текст. В письме к матери она жаловалась, что с душевной болью сознательно искалечила «Руфина и Присциллу». При жизни поэтессы драма была опубликована в искаженном виде и без пятого акта. Подлинный текст появился совсем недавно в последнем украинском издании (Леся Українка, Твори в п'яти томах, т. II, К. 1952), по которому в наст. изд. и дается русский перевод.

Стр. 272. «Из Савла явил господь нам Павла...» — По евангельской легенде, Савл был злейшим врагом христиан. Во сне он услышал голос, повелевавший ему поверить в Христа. Из Савла он превратился в апостола Павла, горячего проповедника христианства.

«Что знак ягненка или знак орла...» Знак ягненка — символ христианства; знак орла — эмблема Римской империи.

Стр. 275. «Я верю, что пожар великий Рима...» При римском императоре Нероне (правил с 54 по 68 г. н. э.) произошел пожар Рима. Власти обвинили христиан в поджоге, что дало повод к новым гонениям на них.

Стр. 277. Серапис и Амон — египетские божества.

Стр. 279. Платон (427—347 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист.

Зенон Китийский (ок. 336—264 гг. до н. э.) — основатель философской школы стоиков.

Эпикур (342—270 гг. до н. э.) — философ-материалист.

Стр. 284. Церера — богиня земледелия (римск. миф.).

Веста — древнеримская богиня домашнего очага.

Стр. 288. Катон, Марк Порций Цензор (234—149 гг. до н. э.) — государственный деятель древнего Рима. Вел борьбу против роскоши и развращенности высшего общества.

Стр. 294. Цицерон, Марк Туллий (106—43 гг. до н. э.) — римский политический деятель, оратор, писатель и философ.

Стр. 297. Сцевола Муций Гай — герой древнеримской легенды, задумавший убить царя этрусков Порсенну, осадившего в 508 году до н. э. Рим. Схваченный врагами, Муций Гай выразил презрение к пыткам и смерти, положив правую руку на пылающий жертвенник. Восхищенный его героизмом Порсенна отпустил римского юношу, которому было присвоено прозвище «Сцевола» («леворучник»).

Стр. 303. Паннония — римская провинция на Дунае.

Стр. 310. Лары или пенаты — домашние божества в римской мифологии.

Стр. 315. Триклиний — обеденный стол в древнем Риме, окруженный с трех сторон ложами для возлежания во время еды; в данном случае — столовая.

Адонис — финикийское божество, мифы о котором напоминают христианские легенды об Иисусе Христе. Адонис — бог растительности, умирающей зимой и воскресающей весной. Культ Адониса был перенесен в Грецию и Рим и слился с культом умирающего и воскресающего бога вина Диониса. Адонис — возлюбленный богини Венеры. Он умер, раненный диким кабаном, и был воскрешен.

Стр. 328. Анакреон — греческий лирик, живший в середине VI века до н. э., певец вина, любви и веселья.

Стр. 336. «А если ближнему «рака» кто скажет...» — Слово «рака» означает по-древнееврейски «пустой», «пустоголовый». Христианам запрещалось пускать в обиход бранные слова и гневаться на ближних.

Стр. 337. «Эван, Эвоэ, Вакхе!» — восклицание в честь бога вина Вакха (Диониса) на празднествах этого бога (вакханалии).

Стр. 353. Платонова идея. — По учению греческого философа-идеалиста Платона наряду с преходящим миром вещей существует вечный мир идей, которые познаются только разумом и никогда не умирают.

«...с «крупинкой соли»...» — то есть с иронией.

Стр. 426. Эскулап — бог врачевания у древних римлян.

Стр. 432. «Мутит нас ересь!.. Монтанийцы вкрались!..» — Здесь имеются в виду сторонники монтанизма, движения в христианстве (II в. н. э.), направленного против епископата и всей церковной иерархии. Монтанизм получил название от имени легендарного жреца Монтана, принявшего христианство и признававшего только непосредственное общение с божеством, без всякого церковного культа.

Стр. 455. Табулярий — раб, который вел в римском доме записи приходов и расходов.

Карнифекс — служитель в древнеримском цирке, на обязанности которого лежало убирать трупы с арены.

Стр. 457. Лакония — область в Греции, славившаяся «лаконическим» (сжатым) стилем ораторского искусства.

Стр. 460. Макария — дочь Геракла и Деяниры; по древнегреческому мифу, принесла себя в жертву, чтобы доставить победу афинянам, как этого требовало предсказание оракула.

Стр. 465. «В кустодии до правды доберутся...» Кустодия — стража; в данном случае — следственный орган римской власти.

Стр. 466. Фемида — в римской мифологии богиня правосудия.

Стр. 467. Меркурий — в римской мифологии посланец богов, бог торговли. В одном из мифов рассказывается, что он похитил стадо коров у Аполлона.

Стр. 468. Пифагорейцы — последователи философского учения Пифагора (VI в. до н. э.), сводившего все явления на земле к числовым отношениям. Пифагорейцы придерживались аскетической этики.

Стр. 477. Весталки — жрицы богини Весты, покровительницы домашнего очага и девственности.

Стр. 481. Субурра — пригород древнего Рима, населенный всяким сбродом.

Стр. 488. Бестиары (бестиарии) — надсмотрщики за зверями в древнеримском цирке.

СОДЕРЖАНИЕ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Одержимая. *Перев. Н. Заболоцкий* 7
Вавилонский плен. *Перев. М. Рождественский* . . 30
На руинах. *Перев. М. Комиссарова* 50
Три мгновения. *Перев. Н. Браун* 68
Осенняя сказка. *Перев. М. Сандомирский* 93
В катакомбах. *Перев. П. Антокольский* 132
В дому труда, в краю неволи. *Перев. Н. Чуковский* 156
Кассандра. *Перев. М. Комиссарова* 163
Айша и Мухаммед. *Перев. Г. Шенгели* 259
Руфин и Присцилла. *Перев. А. Прокофьев* 266

Комментарии. *Составил Ал. Дейч* 499

ЛЕСЯ УКРАИНКА

Собр. соч., т. 2

Редактор *Е. Цинговатова*
Оформление художника *Н. Кравченко*
Художественный редактор *Г. Кудрявцев*
Технич. редактор *Ж. Примак*
Корректор *В. Седова*

Сдано в набор 30/XII 1955 г. Подписано в печать 4/X 1956 г. Бум. 84×108 1/32. 16 печ. л. = 26,24 усл. печ. л. 19,18 уч.-изд. л. Тираж 50 000. Зак. № 18. Цена 10 р.

Гослитиздат
Москва, Б-66. Ново-Басманная, 19.

Типография № 3 Управления культуры Ленгорисполкома
Ленинград, Красная ул., 1/3.